

Общій видъ кишлака въ Дарвазѣ.

53 см
249
А. А. СЕМЕНОВЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЗАРАФШАНСКИХЪ ГОРЪ,

КАРАТЕГИНА и ДАРВАЗА.

Фототипии и цинкографіи — работы Павлова, съ фотографій Н. В. Богоявленскаго и набросковъ
и калекъ автора.

1903.

Дозволено цензурою. Москва, 17 апрѣля 1903 г.

Время поступ. 20 июля 1923г.
Инвент. № 10309.
Шифр: 187

ПОСТАВШ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,

Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

469-41

Предисловіе.

Настоящая книга—одинъ изъ результатовъ поѣздки по горамъ Зарафшана, Каратегина и Дарваза гр. А. А. Бобринского, Н. В. Богоявленскаго и нижеподписавшагося, которые въ 1898 году были командированы въ упомянутыя мѣстности Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Содержаніе книги представляетъ попытку дать, на основаніи личныхъ наблюденій и разспросныхъ свѣдѣній, въ связномъ и болѣе или менѣе обстоятельномъ изложеніи этнографическія особенности населенія Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза, конечно въ той мѣрѣ и полнотѣ, въ какихъ возможно было что-либо сдѣлать въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія среди туземцевъ названныхъ мѣстностей.

При собираніи матеріаловъ для настоящаго труда авторъ руководствовался «Программою для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленной при Этнографическомъ Отдѣленіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи». Она принесла ему не мало пользы, такъ какъ представляетъ собою, выражаясь метафорически, готовую канву, по которой вышить узоръ не составляетъ особой трудности.

Въ то время, когда пишущій это только еще задумывалъ составленіе этихъ очерковъ, онъ пользовался для предстоящей

работы различными указаниями и советами: М. О. Аттая, гр. А. А. Бобринского, акад. О. Е. Корша, проф. В. О. Миллера, Н. Н. Харузина и бар. Р. Р. Штакельберга. Этимъ лицамъ онъ нынѣ и приноситъ свою глубокую благодарность, а дорогому учителю, Н. Н. Харузину, *sit levis terra!*

А. Семеновъ.

Асхабадъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Географическій очеркъ Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза	1
Глава II. Горныя таджики	19
Глава III. Жилище горнаго таджика	32
Глава IV. Бѣтъ, занятія и промыслы	49
Глава V. Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ	70
Глава VI. Семейныя нравы и обычаи	79
Глава VII. Образцы памятниковъ народнаго творчества .	97
I. Басня. Осель, Левъ, Верблюды и Волкъ	98
II. Басня. Человѣкъ и Змѣя	99
III. Сказка. Сынъ визиря	100
IV. Сказка. О курильщикѣ опиѣ и о его мнимомъ богатствѣ .	103
V. Сказка. О продѣлкахъ Ашур-Айора и его жены	105
VI. Басня. Лисица и Перепелка.	108
VII. Басня. Ястребъ, Ворона и Лисица.	111

Перечень фототипическихъ таблицъ.

Таблица I. Общій видъ кишлака въ Дарвазѣ	Послѣ обложки.
Таблица II. Дарвазъ. Жилая постройка въ кишлакѣ на Пянджѣ.	Въ концѣ книги.
» III. Образцы рѣзныхъ дверей.	
» IV. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» V. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» VI. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» VII. Деревянные издѣлія горныхъ таджиковъ.	
» VIII. Образцы тканей.	
» IX. Желѣзные издѣлія.	
» X. Образцы мѣдныхъ кунгановъ.	

Глава I.

Географическій очеркъ Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза.

Въ томъ мѣстѣ Центральной Азіи, гдѣ образуютъ горный узелъ юго-западные отроги Тянь-Шаня, Памиры съ ихъ западными склонами и сѣверные склоны Хиндукуша, сплетаются двѣ великихъ системы плоскогорій Монголіи и Ирана.

Эта мѣстность, столь чтимая въ легендахъ первобытныхъ индо-иранцевъ и во всѣхъ послѣдующіе вѣка столь извѣстная въ караванныхъ дорожникахъ Нагорной Азіи, нынѣ называется на языкѣ мѣстныхъ туземцевъ просто «кухистонъ», т. е. горная страна, и раздѣляется на нѣсколько отдѣльных областей, именно: Зарафшанъ (горная часть нынѣшней Самаркандской области), Каратегинъ по р. Сурхобу (правый притокъ р. Аму-Дарьи), Дарвазъ, лежащій по обѣимъ сторонамъ р. Пянджа¹⁾, Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ (по правую сторону Пянджа).

Въ этой книгѣ мы коснемся только первыхъ трехъ странъ, какъ наиболѣе намъ извѣстныхъ по личному знакомству съ ними.

Рѣка Зарафшанъ²⁾ лежитъ на сѣверѣ отъ Аму и зарождается изъ громадныхъ ледниковъ въ западныхъ отрогахъ Тянь-Шаня. Въ своемъ верхнемъ теченіи она представляется могучею рѣкою, питаемою многочисленными рѣчками и потоками—ея притоками съ правой и лѣвой стороны. По выходѣ же въ долину воды

¹⁾ Такъ называется Аму-Дарья въ верхнемъ теченіи.

²⁾ Что значитъ *разсыпаящая, разбрасывающая золото* (отъ персидскаго *zār**), *зар*—золото и *афшан*, *афшан*—*разсыпавшій, разбрасывавшій*).

*) Буквою *ä* мы изображаемъ средній звукъ между *a* и *ä*, онъ вполне соотвѣтствуетъ нѣмецкому *ä* или англійскому *a* въ словѣ *band*.

Зарафшана расходятся по безчисленнымъ арбикамъ и, не дойдя верстъ ста до Аму-Дарьи, Зарафшанъ совершенно истощается и пропадаетъ.

Горная страна, орошаемая Зарафшаномъ, занимаетъ востокъ и югъ Самаркандской области и наполнена системами хребтовъ: Туркестанскаго, Зарафшанскаго и Хисарскаго. Всѣ они исходятъ изъ общаго горнаго узла Тянь-Шаня на границѣ Ферганской области, близъ Зарафшанскаго ледника. Первые два хребта идутъ сначала параллельно съ востока на западъ, сопутствуя р. Зарафшану до меридіана сел. Урмитанъ. Отсюда Туркестанскій хребетъ, постепенно понижаясь, тянется извилистымъ горнымъ кряжемъ къ сѣверо-восточному углу области, получая сначала названіе Мор-Гузарскихъ горъ, а затѣмъ, отъ г. Джизака, — Нур-Атинскихъ горъ, или Кара-Тау. На меридіанѣ сел. Сабахъ Зарафшанскій хребетъ выдѣляетъ Хисарскій, который составляетъ нашу государственную границу съ Бухарою, и, сохраняя прежнее свое направленіе, переходитъ ниже г. Пенджакента сначала въ рядъ невысокихъ (3 — 5 т. футовъ) горъ (Шахрисабзскихъ), а затѣмъ въ холмистую степь.

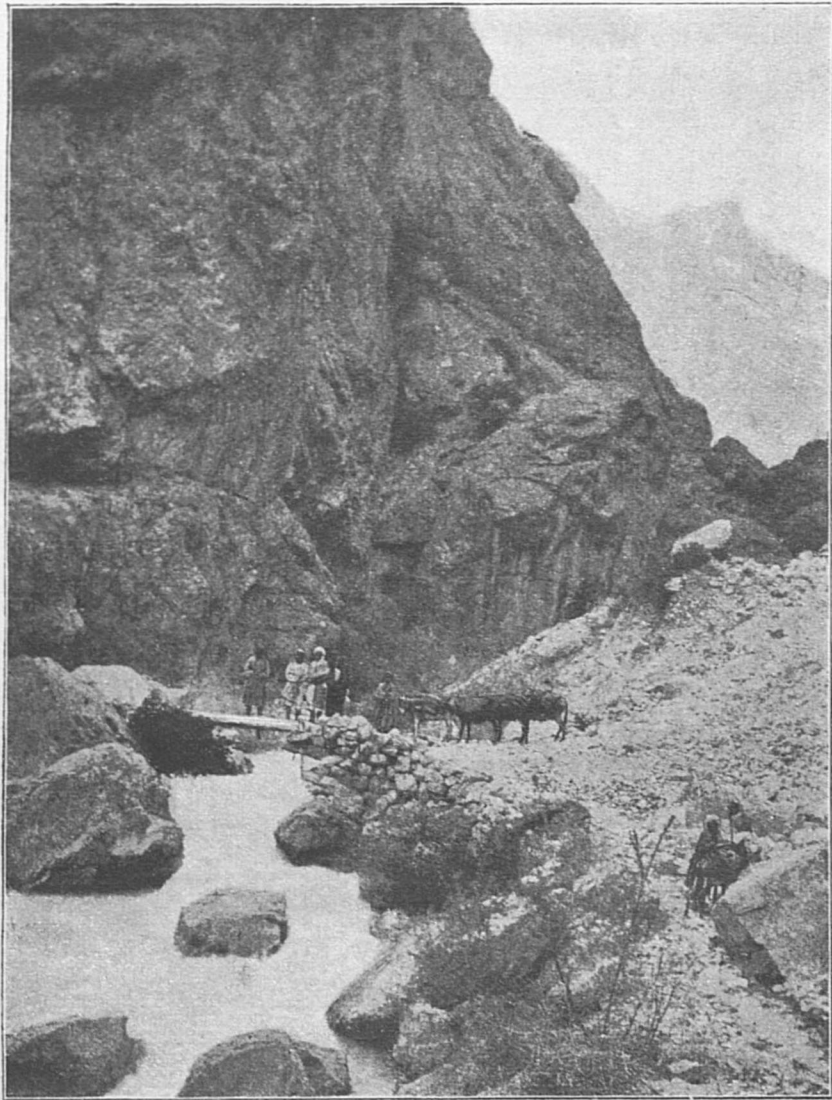
Долина р. Зарафшана, заключенная между Туркестанскимъ и Зарафшанскимъ хребтами, есть самая значительная въ этой горной мѣстности. Мѣстами она расширяется, образуя относительно удобныя для поселенія и посѣвовъ пространства, мѣстами же до такой степени суживается, что представляетъ собою глубокую трещину, чрезъ которую съ ревомъ и пѣною бурлитъ рѣка. Параллельно Зарафшанской долині, на югъ отъ нея, лежитъ долина р. Ягноб-Дарьи; она заключена между Зарафшанскимъ и Хисарскимъ хребтомъ и отличается такимъ же характеромъ, какъ и Зарафшанская.

Природа сѣверныхъ склоновъ трехъ вышеназванныхъ хребтовъ, въ сравненіи съ южными склонами Хисарскаго хребта, бѣднѣе и суровѣе. Здѣсь чаще встрѣчаются голыя скалы, нагроможденныя одна на другую, глубокія и мрачныя разсѣлины и сердито ревущіе потоки, хотя древесная и кустарная растительность, — въ числѣ которой арча¹⁾, береза, клень, жимолость, барбарисъ, черная смородина, шиповникъ и друг. часто занимаютъ большія пространства, — значительно смягчаетъ суровость окру-

¹⁾ Изъ породы хвойныхъ (*juniperus pseudosabina*).

жающаго пейзажа, особенно тамъ, гдѣ такіа заросли чередуются съ обширными лугами, покрытыми разнообразною травяною растительностью. Въ самой южной части системы горъ Хисарскаго хребта лежитъ замѣчательное по своему высокому положенію въ горахъ озеро Искандер-Куль. Оно находится въ огромной котловинѣ, на высотѣ почти 7000 фут. надъ уровнемъ моря и имѣетъ въ окружности, приблизительно, 11 верстъ. Берега озера и окружающія его невысокія горы (до 3½ т. фут.) покрыты зарослями деревь и кустарниковъ, вся же мѣстность представляетъ одинъ изъ красивѣйшихъ горныхъ видовъ въ Туркестанѣ. Однако, вслѣдствіе труднаго доступа къ озеру, берега его чужды поселеній, лишь лѣтомъ сюда заходятъ стада кочевниковъ - узбековъ и киргизовъ, да заглянетъ тотъ или другой любознательный европеецъ-путешественникъ¹⁾.

О происхожденіи озера среди мѣстныхъ туземцевъ существуетъ слѣдующая легенда. До прихода Александра Македонскаго (*Искандър-Подшó*) въ Зарафшанскія горы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Искандер-Куль, былъ городъ огнепоклонниковъ (*отáш-парáст*). Александръ взялъ городъ, разрушилъ его и приказалъ

Въ горахъ Зарафшана.

¹⁾ Все, приведенное до сихъ поръ о Зарафшанскихъ горахъ, позаимствовано въ значительной степени изъ «Справочника и адресъ-календаря Самаркандской области за 1902 г.», сост. М. И. Вирскимъ.

на этомъ мѣстѣ вырытъ громадный бассейнъ и наполнить его водою. Такимъ образомъ будто бы образовалось озеро Искандер-Куль. «Теперь», прибавляютъ окрестные таджики, «по ночамъ изъ озера выходитъ водяной конь (*аспи-об*) на берегъ бѣстъ траву, оставаясь на сушѣ до утренней зари».]

Прилегающая къ Зарафшану горная область Каратегинъ лежитъ по р. Сурхобу и заключена между двумя хребтами: по правую сторону рѣки идетъ Зарафшанскій хребетъ, а по лѣвую сторону — хребетъ Петра Великаго, отдѣляющій Каратегинъ отъ Дарваза.

Рѣка Сурхобъ), значительный притокъ Аму-Дарьи, носящій въ своемъ нижнемъ теченіи названіе Вахша ²⁾, принимаетъ въ себя изъ безчисленныхъ боковыхъ долинъ и ущелій множество потоковъ и рѣчекъ. По берегамъ одной изъ послѣднихъ (Оби-Гармъ—горячая вода) мѣстами находятся горячіе сѣрные источники. Самый значительный изъ нихъ находится въ кишлакѣ ³⁾ Оби-Гармъ, въ глубокой ложбинѣ, почти въ центрѣ селенія. Онъ окруженъ деревяннымъ срубомъ, сбоку котораго по желобу падаетъ внизъ вода и бѣжитъ извилистымъ ключомъ между корней деревьевъ и кустарниковъ въ рѣку.

Поверхность воды въ бассейнѣ равна, приблизительно, 12 кв. аршинамъ, глубина не превышаетъ 2 аршинъ; температура воды 38° по Цельсію. Поднимающіеся со дна бассейна пузырьки свидѣтельствуютъ объ обильномъ выдѣленіи сѣрнаго газа. Передъ каждымъ намазомъ вокругъ этого источника собираются жители кишлака для омовеній, передъ послѣднимъ же намазомъ, незадолго до сна, сюда идутъ купаться. Цѣлебныя свойства мѣстныхъ сѣрныхъ ключей едва ли кому изъ населенія извѣстны, хотя, безъ сомнѣнія, они существуютъ и при бѣльшей культурности туземцевъ давно бы нашли должное примѣненіе.

¹⁾ *Сурхоб*—красная вода (*сурх*, *сорх* по-персидски значить *красный*, *об*, *аб*—вода). Воды рѣки дѣйствительно красны вслѣдствіе большой насыщенности ихъ глиною.

²⁾ Вахшемъ, какъ извѣстно, въ древности назывался одинъ изъ городовъ Хоталана, отъ котораго получилъ названіе и цѣлый округъ. Въ настоящее же время туркмены и узбеки, кочующіе по Вахшу, называютъ его *Вагъишъ*, объясняя это тѣмъ, что въ ропотѣ волнъ быстро бѣгущей рѣки (теченіе Вахша дѣйствительно весьма быстро) какъ бы слышится *вагъиш-вагъишъ*.

³⁾ *Кишлакъ* (или, вѣрнѣе, *кышлакъ*) по-тюркски означаетъ *зимовку*, *зимнее жилище*. Во всѣхъ же горныхъ говорахъ значить *селеніе вообще* и произносится *кишлѣк*.

Отъ кишлака Оби-Гармъ пролегаетъ чрезъ долину Сурхоба широкая, прекрасно содержимая дорога, одна изъ лучшихъ, видѣнныхъ нами въ Нагорной Азіи. Она вѣтся по склонамъ горъ, по правую сторону рѣки, до перевала «Акбаи-Кулюк-Карамукъ»¹⁾. Возможно, что здѣсь пролегалъ одинъ изъ древнихъ караванныхъ путей, связывавшій Бухару съ долиной Алая, Южною Ферганою и Китаемъ. Своимъ настоящимъ видомъ эта дорога обязана двумъ покойнымъ мірамъ²⁾ (губернаторамъ) Каратегина, именно: началъ ее разрабатывать въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія Худай-Назар-Аталыкъ, а за смертію его она была окончена его преемникомъ Алмас-Бекомъ (умершимъ, кажется, въ 1891 году). Пріятное впечатлѣніе отъ дороги еще болѣе усиливается при видѣ обильной растительности, насажденной по сторонамъ пути его строителями.

Вся долина р. Сурхоба представляетъ собою одинъ изъ цвѣтущихъ по природѣ уголковъ Нагорной Азіи. Гранаты, персики, сливы, абрикосы, миндаль и проч. плоды, исполинскіе чинары, шапкообразныя карагачи, раскидистыя могучія деревья грецкаго орѣха, хорошія пастбища съ свѣтымъ нагульнымъ скотомъ и многочисленныя кишлаки, потонувшіе въ зелени садовъ, — свидѣтельствуютъ о мягкомъ, тепломъ климатѣ страны и о болъшой производительности ея почвы.

Мѣстный міръ живетъ въ единственномъ городѣ страны, Гармѣ, лежащемъ на правомъ берегу Сурхоба. Во времена независимости Каратегина³⁾ это была резиденція его владѣтелей, которые, какъ и ханы Дарваза, вели свой родъ отъ Александра Македонскаго.

1) Такъ, по крайней мѣрѣ, называли намъ этотъ перевалъ мѣстные туземцы.

2) Мир'ами въ Бухарѣ называютъ *губернаторовъ* (сокращенное изъ арабск. *аміро* (أمیر) князь, владыка, повелитель), титулъ же *амир'а* придается исключительно коронованнымъ особамъ. На ряду со словомъ *миръ* въ большемъ ходу также тюркское *бекъ* (بك, بك — *господинъ, князь*). Первое слово (*миръ*) употребляется болѣе интеллигенціею, второе же (*бекъ*) — простонародьемъ и русскими.

3) Послѣднимъ владѣтелемъ Каратегина былъ Музаффар-Шахъ, при которомъ Каратегинъ былъ присоединенъ къ Коканду, а самъ Музаффар-Шахъ взятъ въ плѣнъ и поселенъ въ Кокандѣ. Но вскорѣ послѣ этого (въ концѣ 1869 г.) у Коканда возникли изъ-за Каратегина крупныя недоразумѣнія съ Бухарою. Во избѣжаніе вооруженнаго столкновенія между двумя ханствами, тогдашній Туркестанскій генераль-губернаторъ, К. П. Кауфманъ, явился посредникомъ между обѣими враждующими сторонами и посовѣтовалъ Кокандскому хану Худояру возвратить Каратегинъ его прежнему владѣтелю Музаффар-Шаху, что и было исполнено. Послѣ же Музаффар-Шаха Каратегинъ былъ присоединенъ къ Бухарѣ, которая съ тѣхъ поръ и владѣтъ имъ.

Сосѣдняя съ Каратегиною страна—Дарвазъ. Она лежитъ на югѣ отъ него, по обоимъ берегамъ Пянджа. Часть Дарваза по правую сторону Пянджа (Сѣверный Дарвазъ)¹⁾ занимаетъ западный склонъ Памирскаго плоскогорья; этотъ край изрѣзанъ глубокими долинами рѣкъ: Пянджа и его притоковъ справа: Оби-Хингоу, Ванджа и Язгуляна. Водораздѣлами этихъ рѣкъ служатъ два вѣсокихъ хребта: Дарвазскій, между рр. Оби-Хингоу и Ванджемъ съ Пянджемъ, и Ванджскій,—между долинами рр. Ванджа и Язгуляна. Третій хребетъ — Петра Великаго, онъ проходитъ на сѣверѣ Дарваза и отдѣляетъ долину р. Оби-Хингоу отъ долины Сурхоба. Въ верховьяхъ Ванджа всѣ упомянутыя горныя цѣпи сходятся въ одинъ узелъ и сливаются съ Памирами.

Три долины Сѣвернаго Дарваза по характеру ихъ мѣстности отличаются другъ отъ друга.

Такъ, долина Оби-Хингоу въ низовьяхъ во многомъ напоминаетъ сосѣдную долину Сурхоба. То же разнообразіе растительности, плодовъ и фруктовъ и тѣ же прекрасные урожаи хлѣбовъ, обусловливаемые теплымъ климатомъ и плодородіемъ почвы. Выше по рѣкѣ начинаетъ преобладать обычный горный пейзажъ: больше встрѣчается обнаженныхъ склоновъ, покрытыхъ снѣгами горныхъ вершинъ, попадаются ледники, глубокіе овраги и сердитые потоки чаще пересѣкаютъ путь, преобладаетъ растительность, свойственная умѣренной и холодной полосамъ: береза, осина, таль, арча и проч.

При сліяніи четырехъ рѣчекъ, изъ которыхъ образуется Оби-Хингоу: Кыргыза, Гармо, Бохѹда и Бодрѹда стоитъ послѣд-

1) Южный Дарвазъ лежитъ по лѣвому берегу Пянджа. По послѣднему Памирскому разграниченію этотъ край былъ отнятъ у Бухары и отданъ афганцамъ. По отзывамъ туземцевъ южная часть Дарваза весьма населенная и цвѣтущая. Жители съ величайшимъ неудовольствіемъ сносятъ тяжелое иго афганцевъ. Ежедневно чинимыя кровавыя расправы послѣднихъ надъ мирнымъ населеніемъ, грабежи, насилія надъ женщинами и проч. ужасы заставляютъ многихъ туземцевъ покидать свою родину и переселяться въ Бухару. Въ 1898 году, именно въ то время, когда мы находились въ Горной Бухарѣ, 400 семей бѣжало изъ Южнаго Дарваза въ Бухару, вынужденныя къ этому неистовствами новыхъ хозяевъ края. И на пути отъ г. Каратага до р. Сурхоба намъ то и дѣло встрѣчались мужчины, шедшіе впереди нагруженныхъ разнымъ скарбомъ лошадей и ословъ, на которыхъ сидѣли женщины, закутанныя съ ногъ до головы. На каждый вопросъ, откуда они идутъ, слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: «изъ Афганистана», при чемъ многіе рассказывали возмутительныя вещи о водвореніи афганцевъ въ отнятомъ отъ Бухары краѣ. По словамъ переводчика Хисарскаго Куш-Беги, Рахмат-Уллы *), Бухарское правительство охотно отводитъ этимъ бѣглецамъ мѣста для поселеній и, не смотря ни на какія требованія афганцевъ, рѣшило не выдавать ихъ.

*) Нынѣ не состоитъ на службѣ у Куш-Беги.

ній кишлакѣ долины, Пашмгарѣ, далѣе котораго мѣстныя горы сливаются съ Памирами. Въ этомъ горномъ узлу лежитъ на высотѣ свѣше 15 тѣс. футовъ надъ уровнемъ моря перевалъ Сытаргі¹⁾ въ долину р. Ванджа, или Ванча.

1) Здѣсь позволю себѣ привести изъ своей записной книжки нѣсколько словъ объ этомъ перевалѣ: по описанію Сытарги можно составить представленіе о перевалахъ вообще, такъ какъ далѣе въ книгѣ не разъ упоминается объ этихъ неизбѣжныхъ путяхъ сообщенія между мѣстными долинами.

... Рано утромъ, когда еще не занималась заря, всѣ люди были на ногахъ и спѣшили навьючивать лошадей. Еще послѣдніе сборы—и нашъ караванъ изъ двѣнадцати лошадей при пятнадцати людяхъ выступилъ къ перевалу.

Въ открывающейся передъ нами долиנѣ бѣлѣли снѣжныя вершины горъ, чрезъ которыя мы собирались переваливать на Ванджъ. Взошедшій надъ горою мѣсяцъ обливаль съ высоты безоблачнаго неба спящія окрестности. Неспѣшнымъ шагомъ, осторожно ступая межъ острыхъ камней, шли умныя горныя лошади. Вотъ поравнялись и миновали налѣво тѣснину съ бѣлѣвшими громадами какого-то ледника, Дорога вступала въ узкое ущелье, гдѣ царилъ холодный полумракъ, хотя на дальнихъ снѣжныхъ вершинахъ уже дрожали первые розовые отблески утренней зари.

Верстъ пять ѣдемъ вверхъ по громаднымъ пластамъ твердаго, какъ камень, снѣга, мѣстами усяяннаго обломками сланца, а мѣстами стаявшаго и обнаружившаго каменистую почву. По ней небольшимъ бурнымъ потокомъ, выбиваясь изъ-подъ снѣга, бѣжалъ Бохудъ. Вдругъ какъ то неожиданно вырастаютъ передъ глазами громадные пласты льда, возвышающіеся исполинской стѣной чрезъ всю полуверстную ширину ущелья. Твердыя снѣговыя массы, идущія вверхъ, помогаютъ намъ безъ труда взобраться на ледникъ, по которому и продолжается путь до самой вершины перевала. Ледникъ, называемый туземцами «Пир-Ёх-Сытаргі» (вѣчный ледъ «Сытарги»), беретъ начало на издали виднѣющихся уступахъ горы, потонувшихъ въ снѣгу, и занимаетъ своею площадью пространство въ нѣсколько верстъ, причемъ самая масса льда покрыта сверху толстымъ слоемъ снѣга. Въ самомъ началѣ пути по леднику шли поперечныя глубокія трещины, хотя и не особенно широкія. По словамъ мѣстныхъ таджиковъ, самыя широкія и опасныя разсѣлины бываютъ на ледникахъ въ то время, когда созрѣвшій грецкій орѣхъ начинаетъ лопаться, т. е. въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Эти трещины не мало затрудняли путь, такъ какъ лошадямъ приходилось дѣлать чрезъ нихъ прыжки *) и тонуть въ снѣгу, изъ котораго ихъ стоило не малаго труда выручить.

Но вотъ опасное мѣсто миновало, небольшой подъемъ кверху—и мы на обширной снѣжной равнинѣ, составляющей прямое продолженіе того же ледника. Всюду, куда ни кинешь глазомъ, одно снѣжное поле; залитое солнечными лучами, оно ослѣпительно рѣжетъ глаза своимъ яркимъ нестерпимымъ свѣтомъ. Безъ темныхъ очковъ нельзя обойтись; сопровождающіе насъ туземцы то и дѣло закрываютъ глаза руками или, упавъ ничкомъ, по долгу лежатъ на снѣгу съ сомкнутыми глазами.

Нѣсколько верстъ ѣдемъ по снѣжному полю и, не дойдя до его конца, свертываемъ вправо, гдѣ высокой, почти отвѣсной стѣной возвышается снѣговой валъ, на немъ чернѣютъ какія-то движущіяся точки, рѣзко выдѣляющіяся на снѣжной бѣлой скатерти. Это таджики съ Ванджа выѣхали къ намъ навстрѣчу. Подъѣзжаемъ къ этому мѣсту, сходимъ съ лошадей и пѣшкомъ взбираемся на верхъ снѣжной стѣны, такъ какъ разрыхлѣвшій снѣгъ не только не держитъ лошадь, но даже проваливается подъ ногами человѣка. Вьюки сняты съ лошадей и на людяхъ внесены на верхъ; началось втаскиванье животныхъ, обильное всякими бьющими по нервамъ сценами. Послѣ полуторачасоваго подъема лошадей на высоту не болѣе трехъ сажень весь караванъ былъ наконецъ на самомъ гребнѣ перевала, на высотѣ свѣше 15.000 футовъ надъ уровнемъ моря, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, среди абсолютной

*) Вьюки, конечно, передъ этимъ снимались съ лошадей, причемъ это развьючиванье и вьюченіе отнимали не мало времени.

Послѣдняя заключена между двумя хребтами горъ: Дарвазскимъ (по правую сторону рѣки) и Ванджскимъ, отдѣляющимъ эту долину отъ долины р. Язгуляна.

Всю ширину Ванджской долины занимаетъ обмелѣвшее русло рѣки¹⁾, сплошь устѣянное большими и мелкими камнями. Мутныя же воды Ванджа бѣгутъ въ центрѣ этого русла въ видѣ небольшого потока. На оползняхъ съ сосѣднихъ горъ ютятся кишлаки, густо заросшіе растительностью, съ пшеничными и ячменными полями подлѣ хижинъ, чего въ прочихъ описываемыхъ нами мѣстностяхъ не встрѣчается. Подобное сосредоточіе садовъ, полей и жилищъ въ одномъ мѣстѣ, среди окружающей безплодной каменистой почвѣ, придаетъ мѣстнымъ селеніямъ видъ оазисовъ среди пустыни.

Въ низовьи р. Ванджа лежитъ самый значительный кишлакъ долины, Кал'ай-Ванджъ, или Кал'ай-Рохарвѣ (крѣпость Ванджъ, крѣпость Рохарвѣ). Укрѣпленіе въ немъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранилось. Оно стоитъ на обрывистомъ берегу рѣки, стѣны мѣстами глинобитныя, мѣстами сложены изъ кирпичей и камней. По бокамъ лицевой стороны крѣпости—двѣ полуразрушенныя зубчатыхъ башни. Отъ крѣпостныхъ воротъ сохранились лишь притолки и соединяющая вверху ихъ балка. Этотъ проходъ, да еще справа его большая брешъ въ стѣнѣ ведутъ во дворъ, гдѣ неизмѣнные переходы съ темными сводами, подпертыми рядами рѣзныхъ деревянныхъ

тишины и покоя. Усталые люди, зажмуривъ глаза, неподвижно лежали на снѣгу; измученныя лошади, покрытыя пѣною, съ окровавленными копытами, едва держались на ногахъ.

Послѣ небольшой передышки стали спускаться въ снѣжную долину, ведущую на Ванджъ. Сначала скатили съ снѣгового гребня на разостланныхъ кошмахъ вещи, а потомъ свели лошадей и сошли сами. Дальнѣйшій спускъ верстъ на 10—12 шелъ по довольно мягкому снѣгу, что по ровной дорогѣ затрудняло бы движеніе, но здѣсь, при крутизнѣ ската, это сослужило не малую службу. Ноги сами-собою быстро двигались впередъ, такъ что ихъ приходилось задерживать въ рыхломъ снѣгу. Попрежнему мѣшало нестерпимо яркій солнечный свѣтъ, отражаемый необычайной бѣлизной снѣговъ, да среди окружающаго холоднаго воздуха сильно жгло руки и лицо горячее солнце.

Послѣ двухчасовой непрерывной ходьбы или, лучше сказать, бѣга внизъ по снѣгу мы достигли голыхъ, лишенныхъ снѣга черныхъ скалъ, устѣянныхъ камнями. Отсюда шла узкая тропа, вьющаяся по крутымъ обрывамъ и уступамъ скалъ, взбирающаяся въ высь и опять круто спускающаяся внизъ. По этой тропѣ мы слѣлали весь остальной спускъ на лошадяхъ до самой долины р. Ванджа, которая своею зеленью и тепломъ производила крайне отрадное впечатлѣніе послѣ четырнадцатичасоваго пребыванія въ снѣгахъ и льдахъ.

¹⁾ Мы были въ долинѣ Ванджа въ концѣ іюня и началѣ іюля, когда разливъ рѣки отъ таянія снѣговъ въ горахъ еще не начинался.

колоннъ, раздѣляются высокими и низкими дверями, сплошь покрѣтыми затѣйливою рѣзбою.

Крѣпость, по преданію, была построена лѣтъ двѣсти тому назадъ дарвазскимъ ханомъ, Азиз-Ханомъ, и, вѣроятно, не разъ сослужила хорошую службу ея защитникамъ во времена независимаго Дарваза. Теперѣ въ ней живетъ амлекдѣръ (начальникъ округа) долины Ванджа. Отъ покоевъ прежнихъ властителей сохранилась небольшая комната въ углу крѣпости къ рѣкѣ; двери и окна въ ней вѣбиты, на полу навалены кучи мусора и пѣли, съ потолка мѣстами висятъ куски грошовыхъ обоевъ русской фабрикаціи, слѣды, повидимому, позднѣйшаго безвкуснаго украшенія. Когда-то прекрасно оштукатуренныя алебастромъ и украшенныя лѣпнымъ орнаментомъ стѣны почти сплошь покрѣты многочисленными надписями посѣтителей. Для образца позволяю себѣ привести двѣ изъ нихъ.

دوران شکست شیشه امید با سنگ
از دل صدای ناله درین کوهسار رفت
جواب
انها که روز دولت عالی بتافتند
با صد فغان ناله خونبار رفت

Что въ переводѣ съ персидскаго гласить слѣдующее: «судьба разбила камнемъ сосудъ надеждъ, и исторгнутые изъ сердца вопли и крики пронеслись надъ этой горной страной. Поясненіе: тѣхъ, которые проводили дни въ великомъ счастіи, съ сотнею стоновъ и рыданій унесъ потокъ кровавый». Это по одну сторону двери, а по другую: «Прибыль разѣздъ 25 числа августа за старшава общикъ Яковъ. Черновъ. и джигить Николай Капун. и перовочикъ Ашурбай. 1896 Года».

За Кал'ай-Ванджемъ долина Ванджа вѣсматриваетъ очень печальною. Здѣсь, въ самомъ концѣ ея, находится распутиѣ двухъ дорогъ: направо дорога лежитъ на Кал'ай-Хумъ, главный городъ Дарваза, налѣво, по дрожащему мостику чрезъ рѣку, пролегаетъ по голымъ, выжженнымъ солнцемъ холмамъ путь на Язгулянъ и Рошанъ, который далѣе, вдоль Пянджа, переходитъ въ тропу, но такую, пробратъся по которой лишь могутъ опытные и бывалые туземцы. Она вѣется надъ обрывистымъ и каменнымъ берегомъ Пянджа часто на головокружительной высотѣ; ея ширина въ общемъ не превосходитъ фута, даже меньше.

Мѣстами на ней лежатъ огромныя камни, на которыя приходится взбираться, рискуя сломать себѣ шею, мѣстами же пересѣкаютъ пропасти. Для переправы черезъ послѣднія, по словамъ туземцевъ, существуютъ особыя приспособленія—воткнутые въ разсѣлины скалъ шесты, отъ которыхъ спускаются на разстояніи аршина другъ отъ друга веревки, къ ихъ концамъ внизу прикрѣплены толстыя палки. Желая переправиться на ту сторону пропасти хватается обѣими руками за палку и, отведя ее руками назадъ, ногами отталкивается отъ земли и перелетаетъ на другую сторону. Туземцы называютъ эту тропу «рои-маймунъ» т. е. обезьянья дорога. Съ нами былъ на этой тропѣ ея строитель, бадахшанскій таджикъ (дорога «построена» нѣсколько лѣтъ тому назадъ по приказанію Хисарскаго Куш-Бѣги), который чистосердечно увѣрялъ насъ, что хуже и опаснѣе его сооруженія нѣтъ во всемъ свѣтѣ. И чтобы добраться до Рошана такимъ путемъ, надо идти 20 верстъ до Язгуляна, отъ Язгуляна 8 верстъ можно сѣлать на лошади до Вазнау, а отъ Вазнау опять такая же тропа вплоть до самаго Кал'ай-Вамара, главнаго города Рошана¹⁾. Другого сообщенія, болѣе удобнаго, не существуетъ, если не считать Гуш-Хона (кровь изъ ушей) и другихъ переваловъ съ Ванджа на Язгулянъ, но они болѣе или менѣе продолжительное время въ году, вслѣдствіе снѣга, бываютъ закрыты, почему постоянною дорогою въ Рошанъ и Шугнанъ остается эта «обезьянья тропа». Болѣе же удобная и широкая дорога въ Рошанъ находится на лѣвомъ берегу Пянджа и отошла къ Афганистану опять по тому же «выгодному для Россіи» Памирскому разграниченію.

Верстахъ въ пяти отъ распутия дорогъ на Рошанъ и Кал'ай-Хумъ Ванджъ сливается съ темными бурными водами древняго Окса, носящаго здѣсь названіе *Пянджъ*²⁾. На про-

1) Эти свѣдѣнія собственноручно вписаны въ мою записную книжку (по-персидски) амлекдаромъ Ванджской долины и цѣликомъ взяты оттуда.

2) О происхожденіи этого названія среди туземцевъ существуетъ одна легенда, которую привожу здѣсь въ дословномъ переводѣ съ таджикскаго, какъ мнѣ рассказывалъ ее въ темную ночь въ Кал'ай-Хумскомъ губернаторскомъ саду сопровождавшій насъ эмирскій «джевачи» (нынѣ «карауль-бѣги»), Саид-Махрамъ-Бекъ*).

«Однажды сидѣлъ Пророкъ—да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе—въ Мединѣ—

*) Между прочимъ варіантъ (но относящійся не къ р. Пянджу) приводимаго мною рассказа можно найти въ книгѣ Борнса «Кабуль» (См. русскій переводъ по порученію П. В. Голубкова, изд. 1847 г., т. I-й, стр. 326—329).

тивоположной сторонѣ, въ противовѣсъ унылому и безжизненному берегу, прекрасный видъ на зарѣчье, принадлежащее Афганистану: по живописному берегу раскинулся большой кишлакъ Джомарчѣ, выше его, на склонахъ горъ, темнѣютъ пере-

скомъ храмъ, окруженный своими «асхабами» (сподвижниками). Приходить къ нему убѣленный сѣдинами старецъ—правовѣрный и говорить:

— Посланникъ Божій, что мнѣ дѣлать? Я задолжалъ одному еврею 1000 «ашрафій»*) и нынѣ подошелъ срокъ расплаты, а я ничего не имѣю, чтобы заплатить свой долгъ, и потому еврей требуетъ: или я приму бы его въру, или отдаю бы за него свою дочь, или же заплатилъ 1000 «ашрафи».

И сказалъ Пророкъ, обращаясь къ своимъ «асхабамъ»:

— Кто изъ васъ можетъ выкупить этого старца изъ рукъ еврея?

Никто не отозвался, кромѣ Алія, Льва Господня. Поднялся онъ и сказалъ:

— Пророкъ Божій, я помогу этому старцу уплатить его долгъ.

— Отлично, произнесъ Пророкъ.

И вышелъ Алій съ старикомъ изъ храма и сказалъ ему:

— Отнынѣ я твой невольникъ. Кто бы тебя ни спросилъ обо мнѣ, говори, что я рабъ твой, и кто станетъ меня покупать у тебя, проси за меня тысячу «ашрафи». А теперь садись мнѣ на плечи и читай «фатиху» (1-ю суру Корана), когда окончишь ее, можешь открыть глаза.

И сдѣлалъ старикъ такъ, какъ приказалъ ему Алій: сѣлъ ему на плечи, закрылъ глаза и сталъ читать «фатиху», и когда кончилъ ее и открылъ глаза, то увидалъ себя въ незнакомомъ большомъ городѣ. Этотъ городъ былъ въ самомъ верховьи теперешняго Пянджа и царствовалъ въ немъ царь Барбаръ, терпѣвшій со своими подданными много бѣдствій отъ двухъ золъ: отъ нападеній дракона (аждаха), въ страхъ державшаго всю окрестность и жившаго подлѣ города, и отъ опустошительныхъ разливовъ рѣки. Когда увидѣли люди города незнакомца старца съ Аліемъ, то изумились тучности послѣдняго и его великому росту и спросили:

— Кто это такой?

— Это мой невольникъ, сказалъ старикъ.

И повели ихъ обоихъ къ царю. Увидѣлъ царь Алія и, взглянувъ на его богатырскую наружность, возымѣлъ намѣреніе купить его во что бы то ни стало.

— Сколько стоитъ твой невольникъ? спросилъ онъ старика.

— Тысячу «ашрафи», отвѣчалъ тотъ.

Заплатилъ царь безъ торгу спрошенную сумму и остался у него Алій, а старикъ, получивъ деньги, вернулся въ Медину и уплатилъ долгъ еврею.

Призвалъ однажды царь Алія и сказалъ ему:

— Рабъ мой Алій, хорошо бы было, если бы ты сразился съ дракономъ, который живетъ подлѣ нашего города и опустошаетъ окрестности. Ты силенъ и могучъ, можешь быть тебѣ удастся одолѣть его.

Взявъ Алій свой мечъ Зульфикаръ и пошелъ за городъ къ жилищу дракона, держа передъ собой обѣими руками поднятый кверху обнаженный мечъ. Увидѣлъ его драконъ, поднялся съ мѣста, выступилъ противъ Алія, раскрывъ свою громадную пасть, и съ страшной силой сталъ втягивать въ себя воздухъ. Попалъ Алій въ это воздушное теченіе и какъ перо полетѣлъ во внутренность «аждаха», по пути разрѣзавъ ему остріемъ Зульфикара горло и желудокъ, отчего онъ и издохъ. Святѣйшій же Алій, очутившись во внутренности дракона, прорубилъ оттуда себѣ выходъ наружу и съ торжествомъ явился въ городъ, избавивъ такимъ образомъ населеніе отъ страшнаго чудовища. Щедро одарилъ царь своего раба за такой подвигъ.

Прошло нѣсколько времени, опять призываетъ царь Барбаръ Алія и говоритъ ему:

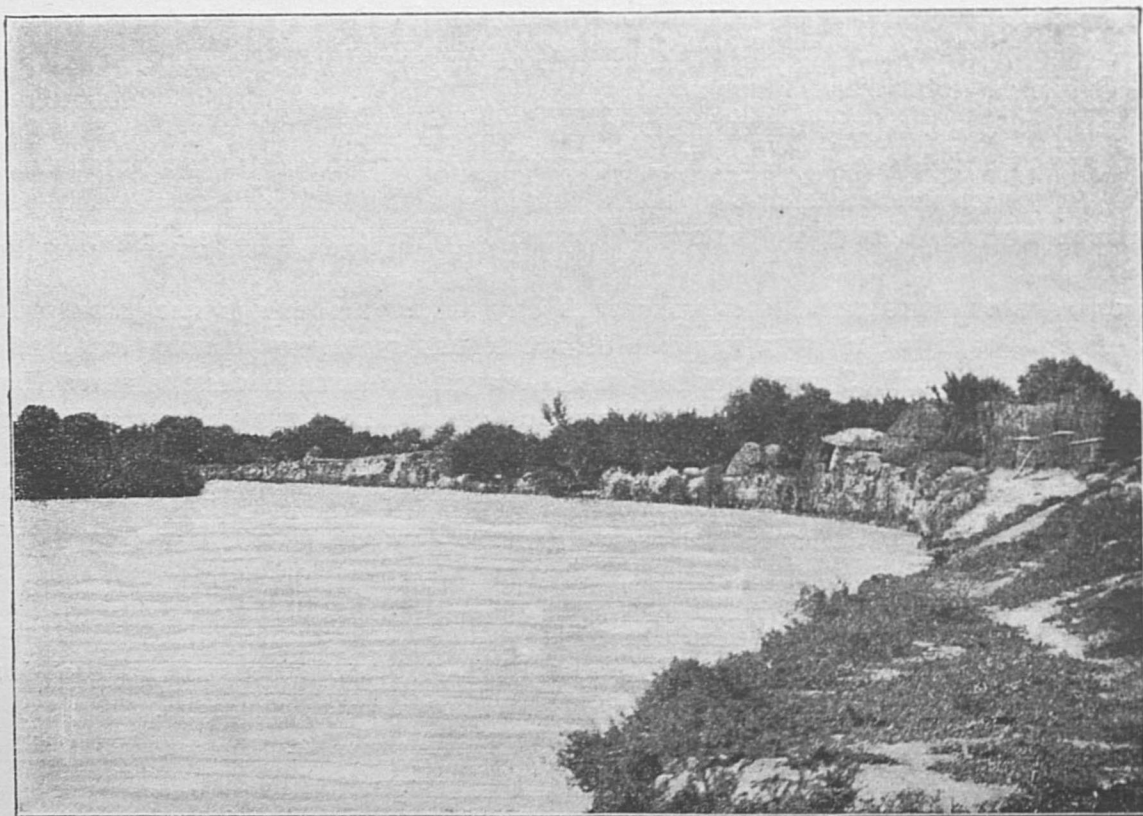
*) Золотая индійская монета стоимостью около 14 рублей на наши деньги.

лѣски, зеленѣютъ сады, золотятся посѣвѣ ячменя и пшеницы и бѣлѣютъ хижины другихъ кишлаковъ.

Довольно «замѣсловатая» дорога въ Кал'ан-Хумъ вдоль праваго берега Пянджа можетъ назваться извѣстнаго рода по-

— О, Алій, ты сдѣлалъ великое дѣло, котораго я никогда не забуду: ты убилъ дракона. Попробуй совершить еще одинъ подвигъ и я тебя освобожу совсѣмъ: отведи воды рѣки въ другое мѣсто. Я дамъ тебѣ въ помощь тысячу слугъ.

И пошелъ святѣйшій Алій съ тысячею царскихъ слугъ за городъ къ рѣкѣ; дойдя до берега, онъ отпустилъ ихъ всѣхъ домой. Пошли всѣ слуги царя назадъ, лишь одинъ остался, который незамѣтно спрятался за дерево и сталъ наблюдать, чтó сдѣлаетъ Алій. И видѣлъ этотъ царскій невольникъ, какъ сталъ Алій на колѣни и вознесъ Богу горячую молитву о

Аму-Дарья въ равнинѣ (у кишл. Сарай).

благополучномъ исходѣ возложеннаго на него порученія. Потомъ всталъ, схватилъ свой мечъ Зулфикаръ и съ страшной силой ударилъ имъ по одной изъ горъ, которая тянулось вдоль берега повыше города. Распалась гора на двѣ части и воды рѣки съ страшнымъ шумомъ устремились въ эту разсѣлину, но въ это время половина горы обрушилась и завалила вновь образовавшійся проходъ, полное потопленіе грозило всей окрестности. Но Алій, Левъ Господень, не смутившись этимъ, протянулъ свою могучую руку и вытянутыми пятью пальцами ея пронзилъ скалу, преградившую ходъ водамъ рѣки. Отъ этого въ пять образовавшихся отверстій въ горѣ пятью ручьями потекла рѣка. Отсюда и произошло самое названіе ея *Пянджъ*, что значитъ *пятерня*, по имени пятерни Алія, Льва Господня.

Въ нижнемъ своемъ теченіи, послѣ принятія справа и слѣва многочисленныхъ притоковъ, Пянджъ становится большой и широкой рѣкой, почему живущіе тамъ полукочевые и кочевые туркмены и узбеки различныхъ племенъ называютъ его *Амин-Дарья*, т. е. великая рѣка, такъ какъ слово *амин* по-туркменски и узбекски означаетъ *великій, огромный*, а также—*старшина*. Вѣроятно, это названіе вначалѣ было всеобщимъ, но многія племена,

двигомъ, такъ какъ Дарвазъ здѣсь представляетъ мрачную и малопривѣтливую мѣстность. Дорога здѣсь идетъ мудреными

отличающіяся грубымъ выговоромъ, исказили это слово въ общеупотребительное Амун-Дарья, Амидарья и даже Амбѹ-Дарья. Подъ такими названіями Пянджъ извѣстенъ у большинства туркменъ и узбековъ въ нижнемъ теченіи. Говорятъ, что въ далекую старину его теченіе было не тамъ, гдѣ теперь. Эта рѣка протекала чрезъ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ Бухара, и тамъ, гдѣ теперь находится мечеть Могакъ*), былъ страшный водоворотъ, причинявшій окрестнымъ жителямъ не мало заботъ и безпокойствъ. Отсюда Амин-Дарья шла къ Ургенчу и сливалась по близости его съ Сыр-Дарьею(?). Но теченіе Амин-Дарьи измѣнилось по случаю того, что пророкъ Хызръ, придя въ Бухару и видя водоворотъ, ревъ и шумъ котораго пугали людей, отправился вверхъ по рѣкѣ, непрестанно молясь Богу, чтобы Онъ отвелъ рѣку въ другое мѣсто, и Аллахъ услышалъ молитву святого: приказалъ рѣкѣ идти по тому пути, которымъ она сейчасъ течетъ, т. е. на Керки, Чарджуй и т. д.).

Какъ бы въ подтвержденіе словъ почтеннаго Саид-Махрам-Бека о названіи «Амин-Дарья» намъ самимъ пришлось услышать это слово впервые въ кишлакѣ Сайодъ, въ Кулябской провинціи, въ равнинной Бухарѣ, на границахъ Афганистана.

Случайно въ разговорѣ съ узбекомъ, подававшимъ намъ чай, мы спросили его, указывая на рѣку:

— Какъ называются эти воды?

— Амин-Дарья, отвѣчалъ узбекъ и въ видѣ поясненія тутъ же добавилъ: «катта-дарья-дэ», т. е. большая, громадная рѣка.

И во время дальнѣйшаго путешествія по равнинной Бухарѣ, желая провѣрить справедливость вышеприведенныхъ объясненій, мы неоднократно разспрашивали при случайныхъ нашихъ встрѣчахъ узбековъ и туркменъ разныхъ родовъ, какъ они называютъ рѣку, на берегахъ которой живутъ, и всегда ото всѣхъ слышали одно наваніе «Амидарья», конечное и въ словѣ *амин* отбрасывалось для сокращенія. Когда же спрашивали, что значитъ *ами*, то узбеки и туркмены поясняли, что это слово (при чемъ отдѣльно взятое произносили полнотью, *амин*) значитъ *катта*—великій, огромный.

Повидимому, старо-персидскія *амун* и *амуйя* (آمود, آمویه) оба въ значеніи *полный, переполненный до краевъ, многоводный, великій* (о рѣкѣ)—были общеупотребительнымъ названіемъ древняго Окса

[тадж.) *Омун-Дарьё, Омуйя-Дарьё* или *Дарьёи-Омун, Дарьёи-Омуйя* *Омун, Омуйя*
[перс.) *Амун-Даріа, Амуйя-Даріа*, или *Даріае-Амун, Даріае-Амуйя*, а то и просто *Амун, Амуйя*
среди иранскаго населенія, жившаго по его берегамъ; нахлынувшія же на Приаму-дарьинскіе оазисы орды кочевниковъ тюрко-монгольскаго происхожденія не дали рѣкѣ своего названія, а оставили прежнее персидское, немного лишь измѣнивъ его (*Амин, Амид, Амѹ, Амбѹ*)

Хотя есть и другая версія относительно происхожденія названія «Аму-Дарья»: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ лучшихъ персидскихъ словаряхъ (какъ, наприм., въ Борханэ-Катэ и Фәрхангэ-Джехангири) на ряду съ вышеприведенными названіями Окса (Амун, Амуйя), говорится также, что названіе «Амѹ» рѣка получила отъ города Аму или Амѹй, находившагося на ея берегахъ. Грамматически же слово *аму* или *амуй* означаетъ повелительное наклоненіе и основу глагола *амудайн* наполнять, дѣлать полнымъ (о жидкости); б. украшеннымъ; смѣшать.

آمود بسكون یای خطی نام شهرست برکنار جیحون وجیحون منسوب بآنشهرست
وبمعنی پرکردن ومملو ساختن وامر باینمعنی وفاعل هم آمده است

(Борханэ-Катэ', изд. въ Лукновѣ 1888/1305 г., т. I, стр. 44).

آمود رود خانه ایست معروف که فیان ایران وتوران واقع است گویند دیهی است
آمود نام که این رود خانه بنام آن دیه موسوم شده باشد

(Фәрхангэ-Джехангири, изд. въ Лукновѣ 1876/1293 г., т. I, стр. 81).

*) Эта мечеть подземная. По преданію, въ нее сходились для молитвы первые мусульмане, а по другой версіи—послѣдніе послѣдователи ученія Зороастра.

зигзагами, извиваясь по карнизамъ и вѣступамъ скалистаго берега рѣки, порою пролегалъ по навѣсамъ, устроеннымъ изъ сухихъ вѣтвей, листвевъ, камней и земли, которыя наложены на ряды толстыхъ колбевъ, воткнутыхъ въ расщелины скалъ подчасъ на головокружительной вѣсотѣ. Часто при одномъ только прикосновеніи конскаго копыта подобный балконъ весъ содрогается и вотъ-вотъ, думается, оборвется и полетитъ внизъ, унося за собою и коня, и сѣдока. Кончается такой ходенемъ-ходящій навѣсъ, тянущійся на нѣскольکو сажень, и дорога лѣзетъ вверхъ. Лошадъ напрягается изо всѣхъ силъ и карабкается въ вѣсъ, цѣпляясь копытами за острые камни тропинки. Иногда путь вѣтается, какъ винтовая лѣстница: ѣдущій впереди пробирается какъ разъ надъ головой, задніе движутся внизу, подъ ногами лошадей. Приподнявшись на стременахъ и заглянувъ внизъ, видишь, какъ отсвѣчивающей узкой полосой бѣгутъ тамъ темныя воды Пянджа, да едва замѣтной тонкой змѣйкой вѣтается прибрежная тропа на афганскомъ берегу.

Съ гребней громаднѣхъ осыпей, вдоль которыхъ иногда пролегалъ дорога, часто рушатся внизъ большіе и мелкіе камни, грозя путнику не малою опасностью, и идущіе впереди проводники — туземцы въ такихъ мѣстахъ пугливо посматриваютъ вверхъ и торопятъ ѣхать какъ можно бѣстрѣе. Какъ-то инстинктивно чувствуютъ это и лошади: гдѣ позволяетъ дорога — онѣ сами подвигаются впередъ рывкомъ безъ понуканія.

Ближе къ Кал'аи-Хуму (съ кишлака Пошхарвѣ) дорога улучшается, хотя окрестный пейзажъ почти такъ же мало отраденъ, какъ и на пройденномъ пути: тѣ же каменистыя, по большей части голыя скалы, тѣ же бѣдныя кишлаки съ преобладающими тутовыми насажденіями и небольшими посѣвами ячменя, пшеницы и хлопчатника. Сплошь да рядомъ поля, за недостаткомъ удобныхъ мѣстъ для земледѣлія вблизи селеній, встрѣчаются вдали отъ послѣднихъ на страшной вѣсотѣ. Глядя на такіе посѣвы, невольно разводишь руками отъ удивленія: какъ

Что касается употребленія у узбековъ и туркменъ того же слова *амин* (амун) въ значеніи *старшины*, на что указываетъ въ своемъ разсказѣ Махрам-Бекъ, то для обозначенія этого понятія употребляется арабское *амин* — тотъ, кому доверяютъ, надежный, вѣрный человекъ; это слово, въ значеніи *сборщика податей, уполномоченнаго, выборнаго отъ общества*, употребляется, между прочимъ, и туркменами Ахал-Текинскаго и Тедженскаго оазисовъ Закаспійской области. Вообще, послѣднее *амин* сходно съ первымъ, взятымъ съ персидскаго и употребляемымъ въ значеніи *катта*, только лишь по созвучію.

могъ человѣкъ взобраться на такую поднебесную вѣсь и засѣять тамъ эти необычайныя поля, безмолвно говорящія глазамъ и сердцу каждаго проѣзжаго чужеземца о томъ, что не сладкая доля владѣльца привольныхъ пажитей, а тяжелое безземелье пасынковъ природы заставило здѣшняго таджика разработать поле на такой вѣсотѣ.

Столица всего Дарваза и вмѣстѣ съ тѣмъ его единственный городъ—*Кал'аи-Хумъ*, или, какъ часто называютъ его мѣстные туземцы, «Дарвѣзъ». Онъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе разнообразною зеленью своихъ садовъ, съ мелкающими изъ-за нихъ бѣлыми домиками и прелестнымъ видомъ на дальніе кишлаки, разбросанные ниже его по рѣкѣ и выше, по горнымъ склонамъ.

Образцовая чистота въ городѣ, столь не свойственная вообще Востоку, пріятно поражаетъ каждаго заѣзжаго. Эта опрятность тщательно поддерживается: улицы по нѣскольку разъ въ день поливаются, мусоръ и всякія нечистоты удаляются, деревья, какъ и вездѣ въ Горной Бухарѣ, заботливо охраняются отъ различныхъ поврежденій и аккуратно поливаются, вслѣдствіе чего въ городѣ масса зелени.

Громадный садъ бывшихъ дарвазскихъ хановъ, нынѣ находящійся въ вѣдѣніи мѣстнаго мира, наполненъ старыми виноградниками, исполинскими чинарами, карагачами и всевозможными фруктовыми деревьями. Пріятное впечатлѣніе, производимое имъ, еще болѣе усиливается при видѣ того ухода, которымъ онъ пользуется. Разбитый на части побѣдоносными бухарцами каменный тронъ бывшихъ «царственныхъ потомковъ Александра» (*авлѣди-подишѣ-Искандаръ*) лежитъ здѣсь у подножья великана-карагача и молча напоминаетъ о суетности человѣческой жизни¹⁾. Этотъ садъ извѣстенъ во всей горной Бухарѣ и на-

¹⁾ Дарвазъ былъ окончательно покоренъ Бухарою при покойномъ эмирѣ Саид-Музаффар-Эддин-Ханѣ. Послѣдній «Искандаридъ», Сиродж-Ханъ, сѣдовласый старецъ, былъ привезенъ въ Бухару, гдѣ и умеръ плѣнникомъ. Многочисленные его родственники: братья, сыновья и проч. всѣ почти куда-то безслѣдно исчезли: кто умеръ въ изгнаніи, кто безславнo сгинулъ въ бухарскихъ клоповникахъ. Нынѣ въ живыхъ находятся лишь четыре сына Сиродж-Хана и его братъ Махмуд-Ханъ. Послѣдній съ двумя своими племянниками бѣжалъ въ Кабулъ и послѣднее время состоялъ великимъ визиремъ у Абдур-Рахман-Хана; его племянники занимаютъ въ Афганистанѣ тоже какія-то придворныя должности. Два другихъ сына Сиродж-Хана бѣжали къ русскимъ и теперь живутъ въ Кокандѣ, получая отъ русскаго правительства пенсію (?)

Всѣ эти свѣдѣнія получены нами въ Дарвазѣ отъ мѣстныхъ туземцевъ и нѣкоторыхъ

зывается туземцами не иначе, какъ «Ирѣмъ», т. е. райскій садъ¹⁾.

Кал'ай-Хумъ очень невеликъ: въ немъ едва ли наберется тысячи полторы жителей. Широкия, прямыя улицы его застроенны маленькими глинобитными выбѣленными постройками. Крытые базары въ центрѣ города, обычная принадлежность почти каждаго восточнаго города, здѣсь отсутствуютъ, а торгуютъ на всѣхъ почти улицахъ, при чемъ и лавки и товары крайне убоги: въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, висятъ пять-шесть тюбетеекъ, въ другомъ—лежатъ куски два-три дешеваго русскаго или англійскаго ситца и толъко.

Рядъ низкихъ, замѣчательно чистыхъ казармъ²⁾ съ цвѣтниками передъ ними и ярко вычищенными дулами ружей въ козлахъ служитъ пріятнымъ дополненіемъ къ окружающей опрятности.

Памятниковъ независимаго Дарваза въ Кал'ай-Хумъ почти не сохранилось. Дворецъ мира—глинобитная крѣпость—внутри подвергся существенному ремонту и заново перестроенъ лѣтъ двадцать тому назадъ, какъ гласитъ вырѣзанный по-персидски на одной изъ дверей тарихъ (дата). Городская мечеть съ бронзовой люстрой въ ней при насъ подвергалась капитальной передѣлкѣ. Единственное, что осталось, это упомянутый старыи садъ съ разбитымъ царскимъ трономъ да извѣстныя каменныя чаши.

О послѣднихъ слѣдуетъ сказать поподробнѣе, такъ какъ городъ отъ нихъ и получилъ свое названіе (Кал'ай-Хумъ или Кал'ай-Хумъ въ переводѣ съ персидскаго значитъ «крѣпость чаши, горшка»³⁾), да къ тому же въ нѣкоторыхъ описаніяхъ путешествій по Дарвазу почти всегда упоминается объ этихъ достопримѣчательностяхъ Кал'ай-Хума.

бухарскихъ чиновниковъ, съ которыми приходилось встрѣчаться во время путешествія. Насколько все это достовѣрно, судить не берусь.

1) Въ персидской литературѣ слово *арѣм* употребляется въ значеніи рая вообще. Въ арабскомъ же языкѣ *ирамъ* (إِرم) означаетъ имя области, обитаемой племенемъ Адъ, которое Богъ истребилъ за беззаконія.

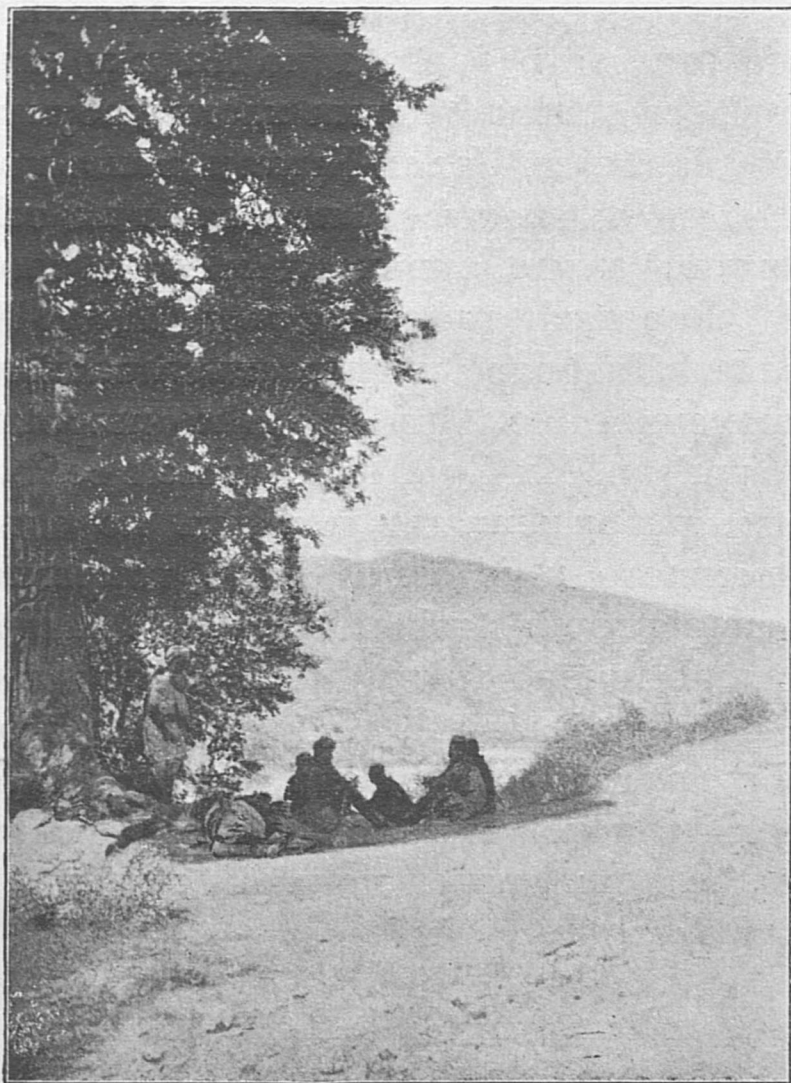
2) Въ Кал'ай-Хумъ находится бухарскій гарнизонъ, мѣняемый чрезъ каждые два года, на противоположномъ же берегу Пянджа, въ крѣпостцѣ, стоитъ афганскій отрядъ. Вечерами военная музыка бухарскихъ и афганскихъ войскъ непрерывно раздается то на томъ, то на другомъ берегу.

3) *Кал'а* (قلعه) по-арабски — крѣпость; *хумъ*, *хумбъ* или *хомъ*, *хомбъ* (خمبہ خم) по-персидски — большая чаша, горшокъ, большой сосудъ вообще.

Чаши находятся въ концѣ той улицы, гдѣ стоятъ казармы, на берегу рѣчки Кал'аи-Хумъ, впадающей въ Пянджъ. Обѣ сдѣланы изъ цѣльнаго камня, каждая въ діаметрѣ имѣетъ аршина полтора-два, въ глубину — поларшина. Одна чаша съ отколо-тымъ краемъ лежитъ на улицѣ, а другая — въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ первой задѣлана въ уголъ каменной ограда-ды чьего-то сада, такъ что виденъ одинъ лишь ея край.

Мѣстные ученые муллы, мирзы ¹⁾ и миръ говорятъ, что эти чаши сдѣланы руками дэвовъ по повелѣнію Александра Македонскаго, бывшаго здѣсь во время своихъ азіатскихъ завоеваній. Возможно, что прежніе ханы независимаго Дарваза, считая себя потомками Великаго Македонца, хотѣли видѣть въ этихъ посудинахъ памятникъ могущества ихъ славнаго предка и потому создали эту легенду, до нынѣ повторяемую мѣстными привилегированными мусульманами. Со словъ же послѣднихъ, видимому, передавали ее и нѣкоторые путешественники, заглядывавшіе въ городъ.

Среди простого же народа существуетъ объ этихъ, во всякомъ случаѣ почтенной старины, памятникахъ преданіе, что они сдѣланы лѣтъ 200 тому назадъ однимъ выходцемъ изъ Кашгара, чтобы толочь и растворять въ нихъ различныя краски для

Въ долину р. Ях-Су. (Отдыхъ каравана).

¹⁾ Мирзы — писецъ, секретарь.

окрашиванія хлопчатобумажныхъ тканей, и что этотъ кашгарецъ впервые научилъ подобному искусству дарвазцевъ. Этотъ рассказъ передавала намъ цѣлая толпа мѣстныхъ таджиковъ, собравшихся подлѣ чашъ, когда мы ихъ осматривали. Намъ кажется, что хотя это и менѣе поэтично, чѣмъ легенда о дѣвахъ и Александрѣ, но за то гораздо правдоподобнѣе, тѣмъ болѣе, что эта часть Дарваза (по Пянджу) славится по всей Горной Бухарѣ своими цвѣтными хлопчатобумажными тканями.]

Далѣе за Кал'ай-Хумомъ, внизъ по Пянджу, горы начинаютъ замѣтно понижаться, перевалы не такъ высоки (не выше 11/т. футовъ) и удобопроходимы, пути сообщенія легки.

Верстахъ въ 40—50 отъ Кал'ай-Хума чрезъ невысокій перевалъ Талббаръ пролегаетъ главный путь, связующій Дарвазъ съ низменностью. Онъ идетъ по широкой, мало привлекательной долинѣ р. Ях-Су¹⁾, промывшей себѣ ложе въ болѣшихъ наносахъ разрушенныхъ горныхъ породъ. Дно этой долины очень каменисто и мѣстами лишь покрыто растительностью. Окружающія горы невысоки и скорѣе напоминаютъ холмы, боковыя долины очень узки. Самая рѣка, начиная съ верховьевъ, долго тянется по долинѣ въ видѣ скуднаго ручейка, лишь ближе къ выходу изъ долины она становится болѣе и бѣжитъ уже широкимъ потокомъ. Чѣмъ далѣе внизъ, тѣмъ горы все болѣе и болѣе понижаются, пока окончательно не исчезнутъ въ *Равнинной Бухарѣ*.

¹⁾ Или, какъ называютъ ее туземцы, «Ёгы-Су», т. е. *рѣка враговъ* въ переводѣ съ узбекскаго. Населяющіе эту долину арабы племени «Курайшъ» объясняли намъ, что во время нашествія тюрокъ на Приаму-дарьинскіе оазисы они были оттѣснены въ долину Ях-Су, гдѣ долгое время оказывали тюркамъ упорное сопротивленіе, почему послѣдніе и называли будто-бы эту рѣку «Ёгы-Су».

Глава II.

Горные таджики.

[Туземцы, населяющіе описанныя нами горныя области, называють своихъ предковъ однимъ общимъ именемъ «оташ-парастъ», т. е. огнепоклонники, чтители огня, и въ горныхъ кишлакахъ понынѣ еще можно услышать, какъ воспоминаніе о невозвратной сѣдой старинѣ, имя древняго пророка Зардустра или Зардушта, смотря по произношенію. и понынѣ еще тамъ разсказываются легенды о всемогущихъ мудрыхъ *муг'ахъ*, священнослужителяхъ чистѣйшей изъ стихій, огня.]

А такъ какъ религія Зороастра возродилась среди иранцевъ и была религіей, насколько извѣстно, по преимуществу иранскихъ племенъ, то едва ли мы ошибемся, если признаемъ настоящихъ обитателей упомянутыхъ странъ за иранцевъ. Въ этомъ, кромѣ того, насъ убѣждаетъ и ихъ языкъ, болѣе старый, чѣмъ тотъ, которымъ говорятъ современные персы, отличающійся отъ послѣдняго особымъ произношеніемъ и очень многими архаичными формами.

Къ сожалѣнію, ни писменные памятники, ни устные преданія не говорятъ намъ, были ли туземцы первыми заселниками этихъ горъ, или же при переселеніи сюда они нашли ихъ обитаемыми какимъ-либо народомъ.

Всѣ преданія туземцевъ относительно переселенія ихъ въ горы сводятся къ тому, что они пришли съ равнинъ древней Согдіаны и Бактріаны, т. е. съ современныхъ Приамурдинскихъ оазисовъ. Именно, всѣ туземцы Зарафшана, Каратегина и отчасти Дарваза говорятъ, что ихъ предки пришли сюда то изъ

подъ Самарканда, то изъ Бухары, по всему же Дарвазу единогласно повторяется молва, что населеніе этой области пришло въ горы «съ р. Ях-Су, съ равнины близъ Куляба». Указывается при этомъ и самый путь переселенія. Такъ, въ очень многихъ кишлакахъ восточнаго Дарваза намъ передавали, что предки теперешнихъ горцевъ пришли съ р. Хингоба, куда переселились съ р. Ях-Су. Обитатели долины Ванджа говорили, что ихъ долина заселена недавно, лѣтъ сто тому назадъ, выходцами съ Хингоба. Это переселеніе, замѣтимъ, на Ванджъ съ Хингоба продолжается, вѣроятно, и до сихъ поръ: намъ здѣсь приходилось встрѣчать много туземцевъ, которые родились въ долину Хингоба и недавно переселились на Ванджъ. Туземцы Дарваза по Пянджу передавали, что ихъ отцы заселили правый берегъ рѣки, когда лѣвый былъ занятъ, и пришли сюда изъ долины Хингоба, туда же переселились съ Ях-Су. Преданія о переселеніяхъ съ Ях-Су встрѣчаются мѣстами и по кишлакамъ Каратегина.

Но едва ли мы ошибемся, если признаемъ, что долина Ях-Су, играющая такую видную роль въ переселеніяхъ горцевъ, была только широкой и удобной дорогой, соединявшей низменность съ горными странами, а не первоначальнымъ исконнымъ отечествомъ переселенцевъ. На эту мысль наводитъ и то обстоятельство, что собственно не долина р. Ях-Су упоминается въ народныхъ преданіяхъ, а р. Ях-Су вообще; это иногда какъ бы поясняется словами: «съ равнины близъ Куляба». Рѣчь идетъ, очевидно, не только о долину Ях-Су, а о всей низменности, по которой течетъ Ях-Су, подразумѣвается вся обширная Кулябская провинція въ Равнинной Бухарѣ, весь Хоталанъ восточныхъ писателей.

Чѣмъ было вызвано это переселеніе — по этому поводу можно только строить догадки. Возможно, что въ горы уходили различные бѣглецы, спасавшіеся то отъ нашествій «туранцевъ», то отъ неудержимаго потока арабскихъ завоевателей, то отъ меча монголовъ и, наконецъ, можно допустить, что сюда бѣжали очень многіе изстрадавшіеся и измученные въ безпрестанныхъ войнахъ различныхъ Тимуридовъ, Шейбанидовъ и прочихъ безпокойныхъ владѣтелей Маверан-Нахра.

Все населеніе горныхъ областей въ верховьяхъ Окса, также какъ и иранское населеніе Равнинной Бухары, называетъ себя *таджиками*. Что значитъ это слово, объ этомъ, кажется, ни-

чего достовѣрнаго и опредѣленнаго до сихъ поръ не сказано. Хотя привести здѣсь предположенія нѣкоторыхъ ориенталистовъ и путешественниковъ на этотъ счетъ вообще не мѣшаетъ.

Такъ, А. Вамбери въ своихъ «Очеркахъ Средней Азіи»¹⁾ говоритъ о бухарскихъ таджикахъ, что если они когда выказываютъ желаніе чѣмъ-нибудь похвалиться, то обыкновенно съ гордостью указываютъ на свое арабское происхожденіе²⁾, но тутъ же дѣлаетъ оговорку, что «неосновательность этого увѣренія уже доказана Ханьиковымъ» и приводит мнѣніе послѣдняго по этому поводу.

Именно, покойный Ханьиковъ въ своихъ «Mémoires sur l'ethnographie de la Perse»³⁾ производитъ слово *таджик* отъ слова *тадж*, что значитъ корона, а также головной уборъ огнепоклонниковъ, который до сихъ поръ носятъ гебры. Поэтому *таджик*, по его мнѣнію, есть названіе, которое мусульмане, во времена завоеванія персидскаго царства, дали послѣдователямъ Зороастра, а можетъ быть послѣдніе и сами называли себя такъ. На гузварешскомъ же языкѣ слово *таджик* или *тазик* и персидское *тази*, означающее араба, не имѣетъ съ первымъ ничего общаго.

Обычное филологическое толкованіе слова *таджик* производитъ послѣднее отъ слова *тай* (طى), означающаго названіе арабскаго племени, жившаго во времена Сассанидовъ рядомъ съ персами. Послѣдніе называли представителей этого племени *таджиками*. Позднѣйшая форма окончанія этого слова находится, напримѣръ, въ словѣ *Рейзей* (رى زى), уроженецъ, житель города Рея. Это *зей* (زى) соотвѣтствуетъ древнему *джик*. Во времена же арабскихъ завоеваній персы стали называть арабовъ и вообще всѣхъ мусульманъ *таджиками*.

Въ толковомъ словарѣ персидскаго языка «Семь Морей» (هفت قلزم)⁴⁾ слово *таджек*, *тазик* и *тазек* (تازك, تاجك, تازيك) означаетъ каждаго, не принадлежащаго къ тюркской и арабской на-

¹⁾ Изд. 1868 г. Москва.

²⁾ Т. е. Вамбери имѣетъ въ виду, что таджики Бухары производятъ свое названіе отъ слова *тази*, что по-персидски значитъ *арабъ*.

³⁾ Изд. 1866 г. Парижъ.

⁴⁾ Изд. въ 1230 г. Хиджры. Лукновъ (Индія). Въ 7 томахъ.

ціональностямъ, кромѣ того, этимъ словомъ обозначаются также тѣ потомки арабовъ, кои родились и выросли въ Персіи.

Тоже самое объясненіе слова *таджик* или *тазек* находимъ въ другомъ словарѣ персидскаго языка, «Борханэ-Катэ». По словарю же «Фәрхәнгэ-Джехангири» таджиками называются всѣ, кромѣ тюрковъ ¹⁾.

Л. Будаговъ въ своемъ «Сравнительномъ словарѣ турецко-татарскихъ нарѣчій» ²⁾, на ряду съ другими толкованіями этого слова, говоритъ, что слово *таджик* (تاجیک, تاجیک или تازیك و تازیك) есть уменьшительное отъ *тадж*, корона, вѣнецъ. Это названіе давалось древними турками и монголами всѣмъ мусульманамъ, жившимъ на ихъ земляхъ, исключая соотечественниковъ, т.-е. иностранцамъ, жившимъ въ городахъ и деревняхъ, но не принадлежавшимъ къ поколѣніямъ номадовъ; въ особенности же такъ называли персіанъ, цари которыхъ носятъ корону (персіане въ прежнее время носили, и теперь дервиши носятъ, островерхіе колпаки въ видѣ короны).

Наконецъ, древними армянскими писателями словомъ *тачик* обозначались аравитяне и вообще мусульмане, а *тачкастаномъ* (т.-е. страной тачиковъ) назывались Аравія и Азіатская Турція ³⁾.

И понѣмъ еще словомъ *таджик* армяне Западной Азіи называютъ мусульманъ, но только между собою, по секрету, какъ бы въ насмѣшку ⁴⁾.

Кромѣ того, словомъ *тачик* нѣкоторые изъ мало-азійскихъ турокъ (лично намъ по крайней мѣрѣ приходилось это слышать

1) Въ словарѣ «Семь Морей» (т. I, стр. 226) подъ словами تاجیک, تازک, تازیك читаемъ слѣдующее:

تاجک بفتح اول بالف کشیده و کسر جیم و سکون کاف مخفف تاجیک است و تاجیک غیر عرب و ترک را گویند و در اصل بمعنی اولاد عرب ست که در عجم بزرگ شده و برآمده باشد -
تازک بفتح اول بالف کشیده و کسر زای هموز و کاف زده مخفف تازیک ست و تازیک اولاد عرب را گویند که در عجم زائیده و بزرگ شده باشد -
تازیک بفتح اول بالف کشیده و کسر زای هموز بمثناة تحتانی رسیده و کاف زده و تازیک برای پارسی بمعنی تاجیک آمده که غیر عرب و ترک باشد و فرزندان عرب در عجم زائیده شده و برآمده را نیز گویند -

Совершенно то же самое объясненіе словъ تاجیک, تازک, تازیك находимъ въ «Борханэ-Катэ» (т. I, стр. 255—257). Въ «Фәрхәнгэ-Джехангири» (т. I, стр. 125) значитъ:

تازک بازاً منقوطه مکسور غیر ترک را گویند و آنرا تاجیک نیز خوانند -

2) Томъ I, стр. 330.

3) См. „Исторію Арменіи Моисея Хоренскаго“, перев. Н. О. Эмина. Изд. 1893 г., Москва. Стр. 124 текста и стр. 264, примѣчаніе 309.

4) См. А. Вамбери «Очерки Средней Азіи», стр. 321.

отъ трапезундскихъ турокъ) называютъ ренегатовъ изъ христіанъ, принявшихъ мусульманство.

Слова *сарт* и *гальча* ¹⁾, обозначающія въ равнинахъ тѣ или другія народности и столъ часто встрѣчающіяся въ различныхъ сочиненіяхъ о Туркестанѣ, въ горахъ неизвѣстны. Кромѣ, какъ таджикомъ, горецъ себя иначе не называетъ.

Раздѣленій на племена, которыя существуютъ, напримѣръ, у тюрковъ, афганцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, у горныхъ таджиковъ, повидимому, совершенно нѣтъ. Правда, намъ пришлось слышать въ кишлакѣ Ялучъ (у перевала того же имени изъ долины Сурхоба въ долину Хингоба), что мѣстныя таджики называли себя «таджиками-чагатай», причемъ прибавляли, что весь Дарвазъ населенъ ими. Дѣйствительно, потомъ привелось это названіе раза два-три услышать еще въ нѣкоторыхъ кишлакахъ за Ялучемъ къ Дарвазу. Кромѣ того, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ по Туркестану (наприм. проф. Яворскаго, г. Барщевскаго и друг.), во многихъ мѣстахъ Зарафшанскихъ горъ мѣстныя таджики будто бы называютъ себя «македоні», считая себя потомками оставшихся здѣсь войскъ Александра Македонскаго. Хотя лично намъ во время нашей поѣздки по Зарафшанскимъ горамъ справедливость этого по-

¹⁾ Сартами называютъ все вообще осѣдлое населеніе Средней Азіи. Это названіе особенно распространено среди русскихъ, живущихъ въ краѣ. Каждого туземца, будь то таджикъ или узбекъ, русскій безъ разбора называетъ сартомъ. Киргизы зовутъ сартами всѣхъ тѣхъ своихъ соплеменниковъ, которые бросили кочевой образъ жизни и стали заниматься земледѣліемъ на ряду съ осѣдлыми таджиками и узбеками, которые у киргизовъ тоже сарты. Осѣдлые же узбеки сартами называютъ смѣшанное таджико-тюркское населеніе нѣкоторыхъ мѣстъ средней Азіи (наприм. Хивы, Ферганы и друг.), которое говоритъ тюркскимъ языкомъ съ громадною примѣсью персидскихъ словъ. У кочевыхъ узбековъ слово *сарт*, повидимому, имѣетъ другое значеніе. Помню, намъ пришлось однажды вечеромъ возвращаться съ развалинъ Термеза въ Патта-Хисаръ вдвоемъ съ узбекомъ-кочевникомъ изъ племени Дурманъ. Случайно въ разговорѣ пришлось его спросить, знаетъ ли онъ по-таджикски? Узбекъ отвѣчалъ, что онъ *сартъ*. Когда я его попросилъ объяснить, что это значитъ, онъ отвѣтилъ мнѣ дословно слѣдующее: «сартъ по-узбекски означаетъ того человѣка, который никакого другого языка, кромѣ своего родного, не знаетъ (*сарт узбекча шул киши-дыки уз тильдан башка жин бир тиль билмейди*)».

Гальчею называютъ преимущественно горожане Самарканда и Бухары, а также и другихъ городовъ равнины, всѣхъ вообще горныхъ таджиковъ.

Значеніе слова гальча до сихъ поръ, кажется, не выяснено. Объясненіе Реклю (по Федченку, Ujfalvy и Vule), что это слово значитъ «несчастныя вороны» (*corbeau famillique*) довольно подозрительно... По вышеупомянутому словарю «Семь Морей» староперсидское слово *гальча* (غلچہ) значитъ: *мужикъ, поселянинъ; грабитель, забулдыга* (جمنی روستائی و او باش و رند آمده). То же самое читаемъ и въ вышеназванныхъ словаряхъ: «Борханэ-Катэ» и «Фәрхāнгэ-Джехангири».

казанія не удалось подтвердить, несмотря на всевозможные разспросы, но, во всякомъ случаѣ, названія «чагатай» ¹⁾ и «македоні» суть названія единичныя, не встрѣчаемыя въ прочихъ мѣстахъ горныхъ областей; на основаніи ихъ предполагать о дѣленіяхъ на племена было бы довольно рискованно. Подобныя названія отдѣльныхъ общинъ скорѣе указываютъ на то, что кромѣ иранцевъ въ мѣстныхъ горахъ укрѣпились еще и другія народности, потомки которыхъ своими прозвищами, присоединяемыми къ общему имени всего населенія горъ, «таджики», намекаютъ на нѣкогда здѣсь господствовавшую обособленность иноземщины.

Типъ каратегинца.

Преобладающими внѣшними признаками горныхъ таджиковъ служатъ: средній ростъ, крѣпкое тѣлосложение безъ особенной худобы и толщины, руки и ноги мускулистыя, сильныя, глаза сѣрые или каріе, темнорусые волосы на бородѣ, усахъ и головѣ, носъ прямой или съ едва замѣтной горбиной, губы умѣренной толщены и умѣренно окрашенныя, кисти рукъ пропорціональны росту, ступни ногъ также. На ряду съ этимъ очень много встрѣчается туземцевъ чисто семитическаго типа. Особенно въ Зарафшанскихъ горахъ, Каратегинѣ и въ низовьяхъ долины Хингоба много кишлаковъ, въ которыхъ замѣчается большое обиліе арабскихъ и еврейскихъ фізіономій. Тѣ же крючковатые или прямые носы, изогнутыя брови, подчасъ глубоко сидящіе глаза, подернутые какимъ-то маслянымъ блескомъ, густые черные волосы на головѣ, въ бородѣ и усахъ. Часто встрѣчаются волнистыя, густыя

¹⁾ *Чагатай* или *Джагатай* было, собственно, имя сына Чингиз-Хана, управлявшаго Среднею Азіею съ 1222 г. по 1241 годъ отъ Р. Х. *Джагатайскимъ* въ восточной и европейской литературе и понынѣ называется нарѣчіе средне-азіатскихъ узбековъ.

Вамбери въ своей «Исторіи Бохары» (Т. II-й, стр. 4-я) говоритъ, что прежде подъ именемъ *чагатай* подразумѣвался осѣдлый, такъ сказать, образованный турокъ Трансоксаніи

Типы дарвазских таджиковъ (снято въ долину р. Оби-Хингоу).

бороды, начинающіяся прямо съ висковъ, какъ традиціонныя пейсы сыновъ Израиля. Цвѣтъ лица у представителей этого типа смуглый, загаръ лица довольно сильный.

Кромѣ того, въ каждомъ почти кишлакѣ можно встрѣтитъ нѣсколько человекъ, внѣшность которыхъ рѣзко отличается отъ остальныхъ ихъ соплеменниковъ. У этихъ, при преобладающемъ среднемъ ростѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи, цвѣтъ кожи бѣлый, съ легкимъ румянцемъ, густые волосы на головѣ, бородѣ и усахъ бѣлокурные или рыжіе; носъ и губы умѣренные; глаза голубые, синіе или сѣрые. Эти бѣлокурные и рыжеволосые представители мѣстнаго населенія весьма напоминаютъ своими типичными чертами населеніе нашихъ великорусскихъ губерній и германской низменности.

Не мало также встрѣчается и такъ называемыхъ смѣшанныхъ типовъ, среди которыхъ попадаются личности то высокаго роста, то совсѣмъ низкаго, при этомъ разноглазье (по цвѣту глазъ) и разноволосье, т. е. волосы на головѣ черные, а бороды и усы бѣлокурные, темнорусые или рыжіе, и наоборотъ.

Къ этому типу надо также отнести нерѣдко попадающихся субъектовъ съ удивительно облагороженными чертами лица, съ античными профилями, съ шелковистыми мягкими волосами, матовымъ оттѣнкомъ кожи и длинными, суживающимися книзу, пальцами рукъ.

Красною нитью проходятъ чрезъ всѣ разнообразныя типы горныхъ таджиковъ немногочисленные представители одной расовой особенности, отличающейся отъ прочихъ слишкомъ смуглымъ цвѣтомъ тѣла, отливающимъ чернотой, черными, отчасти курчавыми волосами, дикими, сверкающими глазами и выдающимися челюстями съ крупными мясистыми губами. Къ этому еще слѣдуетъ добавить низкій лобъ, широкій, какъ бы приплюснутый носъ, тяжелое, угловатое тѣлосложеніе, повидимому не особенно крѣпкое, скорѣе слабое и хилое.

Ко всѣмъ перечисленнымъ внѣшнимъ признакамъ слѣдуетъ добавить еще полнѣйшее отсутствіе тучности.

Упитаннаго, раздобрѣвшаго горца-таджика не встрѣтишь, хотя съ другой стороны не увидишь и той чрезмѣрной худобы, которой надѣлены очень многіе персіане.

У этихъ по большей части невысокихъ, но крѣпко сложенныхъ людей нѣтъ и тѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ голо-

са, какіе существуютъ у ихъ равнинныхъ одноплеменниковъ. Самыи характеристичный голосъ горца—неввысокій теноръ или баритонъ, голоса же хриплые, звонкіе и пискливые встрѣчаются рѣдко. Басовые густые голоса составляютъ, повидимому, явленіе исключительное: за все время нашей поѣздки по горнымъ кишлакамъ намъ пришлось слышать голосъ подобнаго тембра, насколько помнится, только разъ.

При мягкомъ грудномъ голосѣ средней высоты горцу присуща манера медленно говорить и медленно, неспѣшно ходить.

Типы жителей равнины (налѣво—осѣдлый узбекъ, направо—таджикъ).

Своей спокойной походкой горецъ проходитъ безъ отдыха по нѣскольку десятковъ верстъ въ день, не чувствуя особенной усталости. Выносливость его въ этомъ случаѣ подчасъ бываетъ поразительна. Пройти верстъ 50 въ день безъ передышки по каменистымъ горнымъ дорогамъ и обрывать для горца самое обыкновенное дѣло.

Помню, какъ въ Зарафшанскихъ горахъ, когда мы были на берегахъ озера Искандер-Куля, къ намъ явился вечеромъ туземецъ изъ кишлака Якка-Хона, по имени Солé ¹⁾, старый знако-

¹⁾ Сокращеніе арабскаго *саліхъ* (صالح) праведный).

мѣй гр. Бобринскаго по прежней (въ 1895 году) побѣдѣ на Памирѣ. Какъ оказалось, онъ въ этотъ же день, на разсвѣтѣ, вышелъ изъ своего кишлака и весь утомительный горный путь вдоль стремнинъ, по крутымъ подъемамъ и спускамъ, сдѣлалъ пѣшкомъ, пройдя въ этотъ день верстъ 80 и на пути переваливъ въ долину р. Пасрудъ чрезъ трудно проходимый перевалъ Барщевскаго (на высотѣ 11.700 фут.) подлѣ озера Кули-Калѣнь. На перевалѣ Соле только разъ и отдохнулъ за все время дороги.

Другой случай имѣлъ мѣсто по дорогѣ между озеромъ Искандер-Куль и переваломъ Мура (ведущимъ въ Бухарскія владѣнія).

«М у к к и».

Мы замѣтили шедшаго впереди насъ саженьяхъ въ 20 таджика съ двумя тяжелыми стегаными халатами, перекинутыми чрезъ плечо, и съ палкой въ рукѣ. Несмотря на то, что наши лошади шли обыкновеннымъ хорошимъ шагомъ, мы его не могли догнать, такъ что онъ дошелъ первымъ до самаго мѣста нашей стоянки. При этомъ оказалось, что это былъ уже немолодой туземецъ лѣтъ пятидесяти.

Добавьте еще ко всему сказанному большую зоркость глазъ, тонкій слухъ, прекрасно развитое

чутѣ, и вы получите общій набросокъ горнаго таджика со всѣми типичными внѣшними чертами, такъ рѣзко отличающими его отъ юркаго, лукаваго и слабосильнаго таджика равнины, однимъ лишь выгодно отличающагося отъ горца, — своимъ щеголеватымъ костюмомъ, который не чета бѣдной и незатѣливой одеждѣ послѣдняго.

На голое тѣло горный таджикъ надѣваетъ длинную бѣлую бумажную рубашку (*курта*), хотя, должны оговориться, въ большинствѣ случаевъ курта носятъ только муллы и, вообще, лица привилегированныя. Почти же весь простой народъ надѣваетъ вмѣсто рубашки прямо на тѣло легкій бѣлый бумажный халатъ (*якта*). Какъ курта, такъ и якта опоясываются грубымъ шерстянымъ поясомъ (*мионбанд* или *фута*). На ноги надѣваются бѣ-

лые штаны (*лозимá*), которые прячутся въ сапоги (*масí* или *чорýк*) грубой мѣстной работы, напоминающие бахилы нашихъ крестьянъ. Такіе сапоги шьются обыкновенно изъ кожи сурка мѣхомъ вверхъ. Часто вмѣсто маси или чорукъ носится и другая обувь: это *мýкки* и *кафшъ*. Мукки представляютъ собою сапоги, сшитые изъ грубой сѣромятной кожи (болѣею частью изъ воловьей) съ голенищами, достигающими до колѣнъ. Подошвы такихъ сапогъ лодкообразныя, расширяющіяся спереди. Кафшъ—деревянный, на трехъ ножкахъ, туфли, очень похожія на *sabot* французскихъ крестьянъ. Онѣ надѣваются на ногу, уже обутую въ мягкіе чорукы. И чорукы, и мукки обуваются на ноги, обернутыя въ портянки (*патáк*), навораченныя только на лодыжки, или же обувь надѣвается на пестрые узорчатые шерстяные чулки (*джурѣб*). Портянки носятъ въ Зарафшанѣ и Каратегинѣ, чулки же—въ Дарвазѣ¹⁾.

Поверхъ всего въ холодное время надѣвается толстый шерстяной темносѣрый или черный халатъ (*чапáн*, *чакмáн*) своего издѣлія. Часто такой халатъ, за неимѣніемъ курта и якта, носится круглый годъ, надѣваясь прямо на голое тѣло.

Рѣдко бритая голова горца покрита рваной ситцевой тюбетейкой (*токы́*), болѣе же зажиточные и степенные наворачиваютъ на голову бумажную или сѣрую шерстяную чалму (*саллá*).

Этотъ не слишкомъ затѣйливый костюмъ горнаго таджика равно одинаковъ и въ будни, и въ праздники.

Зимнимъ костюмомъ служитъ овчинный или стеганный на ватѣ халатъ, достигающій до колѣнъ и опоясанный поясомъ. Обувь

¹⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что такой способъ обуванія весьма распространенъ въ Средней Азіи, Кавказѣ, Персіи и Афганистанѣ. Именно: патаки (پتاک) носятъ во многихъ мѣстахъ Сѣвернаго Афганистана, составляя необходимую принадлежность костюма мѣстныхъ туземцевъ; кромѣ того, словомъ *патави* (پاتاو) у азербиджанскихъ тюрокъ и кавказскихъ татаръ обозначаются портянки, обертывающія, какъ наши онучи, всю ступню и голень ноги, а то, что называется у горцевъ-таджиковъ патаками, у названныхъ народностей извѣстно подъ именемъ *дулах* (دولاخ). Шерстяные узорчатые чулки носятъ чуть ли не по всѣмъ сѣвернымъ склонамъ Хиндукуша, на Кавказѣ и почти во всей Персіи, при чемъ изъ послѣдней страны, именно изъ Хорасана, сбываются и къ приграничнымъ съ Персіей племенамъ туркменъ. Разница между чулками, носимыми собственно въ Персіи и на Кавказѣ и въ Кухистонѣ, та, что персидскіе и кавказскіе чулки едва хватаютъ до половины лодыжекъ, а вторые настолько длинны (особенно шугнанскіе), что достигаютъ выше колѣнъ.

Чаруки или *чарыки*, *чароки* (چارغ، چاروق) также носятъ на Кавказѣ и всюду въ Персіи поселяне, при чемъ этими словами тамъ обозначаются сшитыя по большей части изъ сѣромятной кожи, безъ твердой подошвы, туфли, которыя завязываются на подъемъ ноги тесемками или ремешками. Среди же туркменъ Ахал-Текинскаго оазиса чаруками называются кожаные сандалии, носимыя бѣднѣйшими людьми.

та же, что и лѣтомъ, остается также и неизмѣнная лѣтняя тюбетейка: голова горца привычна и къ лѣтнему теплу, и къ зимнимъ холодамъ. Лишь при перевалахъ чрезъ горы да на охоту за горными козлами, когда въ снѣгахъ приходится проводить много времени, туземецъ надѣваетъ широкіе, изъ грубой шерсти, толстыя штаны, въ которыя запрятывается халатъ, да теплѣе обуваетъ ноги.

Одежда женщинъ состоитъ обыкновенно изъ длинной рубашки, при чемъ вороты женскихъ и дѣвичьихъ рубашекъ дѣлаются различно. У первыихъ вороты съ длиннымъ продолженнымъ разрѣзомъ, доходящимъ до пояса (чтобы удобнѣе было кормить дѣтей), а у вторыхъ—круглые глухіе. И тѣ, и другіе оторачиваются шелковыми вышитыми оторочками (*широзі* или *кѳри-неи*) шириною въ вершокъ или въ полтора. Во многихъ мѣстахъ подобными вышивками обшиваются и рукава дѣвичьихъ рубашекъ; такія нарукавные оторочки называются «дастмунá». Пожилыя женщины употребляютъ для воротовъ рубашекъ простыя, изъ чернаго шелка, оторочки безъ всякихъ вышивокъ.

На голову молодыя женщины и дѣвушки повязываютъ узкія (въ вершокъ) и не длинныя (четверти въ 2—3) вышитыя шелкомъ повязки (*сарбандák*). Подобная повязка накладывается на волосы, концы же ея подхватываются подъ косу и завязываются. Въмѣсто чадры служитъ головная повязка (*пиллягій-лат-си-сар* или *дорой*) въ аршинъ шириною и аршина два-три въ длину. Болѣе зажиточныя имѣютъ шелковыя повязки, сшитыя изъ трехъ полотнищъ, соединенныхъ тонкой ажурной прошивкой. Цвѣта подобныхъ покрывалъ различныя: у пожилыхъ—темныя, у молодыхъ—красныя, бордо и желтыя. Женщины изъ зажиточныхъ семей въ праздники и въ особо торжественныхъ случаяхъ для закрыванія лицъ употребляютъ особые покровы (*чаибán* или *рубán*), расшитыя шелками по бумажной матеріи. Эта принадлежность женскаго костюма представляетъ четырехугольный продолговатый платокъ (вершковъ 8 въ длину) съ мелкими дырочками надъ глазами и съ двумя шелковыми шнурами съ кистями вверху для обвязыванія ими головы. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что подобныя лицевыя покрывала нынѣ не въ такомъ ходу: прежде, по словамъ туземцевъ, ихъ носили болѣе ¹⁾).

¹⁾ Желаящихъ познакомиться съ весьма любопытною и заслуживающею серьезнаго вниманія орнаментаціею мѣстныхъ женскихъ покрывалъ, чулокъ и различныхъ вышивокъ,

Бѣлыя или красныя бумажныя штаньы (*изѳр*), суживающіеся книзу, — также неизбѣжная принадлежность туалета туземной женщины.

Обуви лѣтомъ—никакой, такъ какъ почти всю жизнь таджичка проводить въ родномъ кишлакѣ, а если и бывается нужно посѣтить сосѣдній кишлакъ, то дѣлаетъ это она не пѣшкомъ, а верхомъ на ослѣ. Зимой же, при выходѣ изъ дома, обуваются либо мукки, либо чорукки.

Если ко всему описанному прибавить, что женщины состоятельныхъ семей украшаютъ себя ожерелками (*садѳ*) изъ раковинъ и бусъ, мѣдными и серебряными серьгами (*гушѳр*), перстнями (*ангыштарѳн*) и запястьями (*дастѳн*), то понятіе о костюмѣ туземной женщины будетъ полное.

Ни мази, ни духи, ни какія-либо вообще косметическія принадлежности совершенно неизвѣстны. При разспросахъ объ этомъ горцы вопросительно поглядывали другъ на друга, очевидно не понимая, что это за вещи. Разъ только въ кишлакѣ Пасрудъ, въ Зарафшанскихъ горахъ, одинъ изъ туземцевъ, служившій джигитомъ¹⁾ у старшины, оказался знающимъ, что такое духи.

— А, это я знаю, замѣтилъ онъ, о чемъ вы спрашиваете. Такую вещь привозилъ старшина для своей жены изъ Самарканда.

Лишь одна хенá (*Balsamina hortensis*) находитъ здѣсь, какъ и въ Иранѣ, примѣненіе. Всѣ горцы красятъ ею въ день Нау-Руза²⁾ ногти рукъ и ногъ; во многихъ мѣстахъ эту операцію продѣлываютъ и въ другіе праздники, при чемъ часто красятъ и концы пальцевъ, и подошвы ногъ, и ладони рукъ. Это-де дѣлаетъ ногти и кожу крѣпкими и блестящими. Волосы же на головѣ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, хеною, обыкновенно, не красятся. Лишь головки дѣтей повидимому часто умащаются ею, судя по тому, что рѣдко встрѣтишь въ толпѣ играющихъ малютокъ такихъ, у которыхъ волосы не отливали бы характернымъ краснымъ цвѣтомъ.]

отсылаемъ къ прекрасному труду гр. А. А. Бобринского «Орнаментъ Горныхъ Таджиковъ Дарваза (Нагорная Бухара)», Москва, 1900 г. Съ 8 цвѣтными и 15 черными фототипіями работы фот. Павлова.

¹⁾ Развѣздной слуга.

²⁾ *Нау-Руз*, *Нов-Руз* — Новый Годъ, особенно торжественный праздникъ, празднуемый всѣми современными иранцами въ мартѣ мѣсяцѣ.

Глава III.

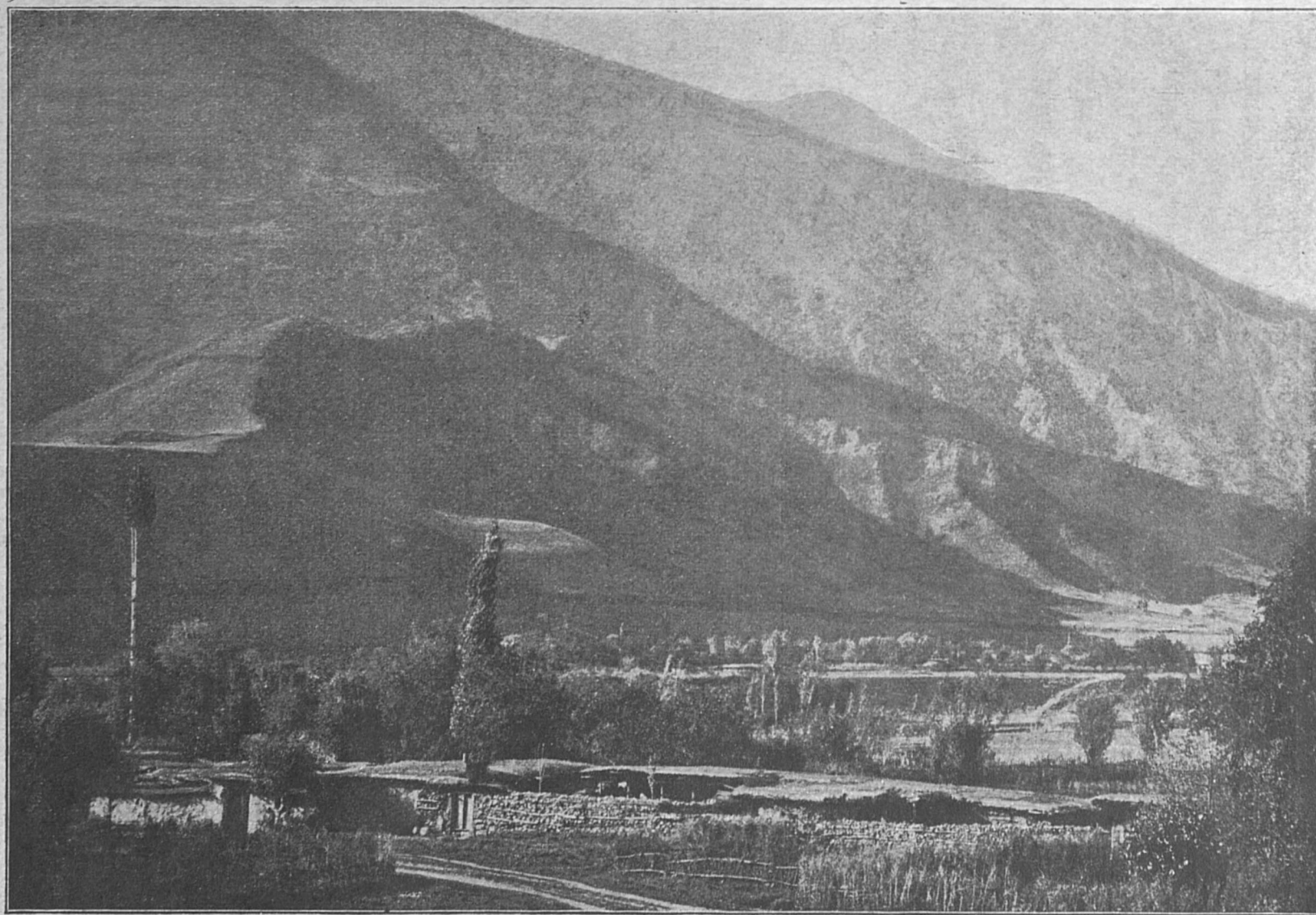
Жилище горнаго таджика.

Горныя кишлаки ютятся обыкновенно гдѣ-нибудь по скатамъ горъ, надѣ обрывомъ быстро бѣгущей горной рѣчки или у потока, чрезъ который переброшенъ ветхій мостикъ, весь дрожащій при одномъ только прикосновеніи конскаго копыта. Плоскія крѣпкія убогихъ хижинъ поросли травой, темнобурныя стѣны порою покривились на сторону. Плетневья и глинобитныя изгороди либо обнизались, либо полуразвалились, и лишь обильная зеленъ деревьевъ и кустарниковъ своимъ благодатнымъ ковромъ прикрывала убожество и нищету такихъ построекъ и окружающую ихъ грязь.

Справа и слѣва—величавыя массы горъ. Зеленъ ихъ склоновъ, сверкающій снѣгъ на вершинахъ и безпредѣльная вѣсь голубого, удивительно чистаго неба еще сильнѣе отбѣняютъ всю мизерность и ничтожество расположившихся внизу человеческихъ жилищъ.

Устройство каждаго такого жилища (*хона*) несложно и просто.

Стѣны дѣлаются или изъ мелкихъ камней, кое-какъ замазанныхъ глиною, смѣшанною съ рубленою соломой, или изъ высушенныхъ на солнцѣ сырцовыхъ кирпичей. Высота стѣнъ, въ среднемъ, не превышаетъ аршинъ трехъ или четырехъ. Окна въ нашемъ смыслѣ совсѣмъ нѣтъ, если не считать продолговатаго отверстія въ стѣнѣ (*панджаръ*), иногда дѣлаемаго надъ дверью (*мур*); оно служитъ и для свѣта, и для выхода дыма. Крѣпкія (*бом*) плоскія и дѣлаются изъ нетолстыхъ балокъ, на которыя накладывается настилка изъ хвороста или тонкихъ слегъ.

Типъ горнаго кшплака. (Селеніе «Чиль-Дарá» на Хингобѣ).

Сверху все это плотно замазывается глиной съ рубленой соломой, оставляется лишь круглое отверстіе надъ очагомъ для дыма. Какъ исключеніе, въ Дарвазѣ по Пянджу часто можно встрѣтитъ и двускатныя крѣши на высокихъ двухъ-этажныхъ домахъ.

Внутрь ведетъ почти всегда единственная дверь съ высокимъ деревяннымъ порогомъ. Она запирается изнутри вертушкой, насаженной на ручку, конецъ которой выходитъ сквозъ притолку на улицу. Снаружи стоить только повернуть ручку вертушки и дверь отворяется. У нѣкоторыхъ хижинъ встрѣ-

Типъ двухъэтажныхъ домовъ и двускатныхъ крышъ въ Дарвазѣ по Пянджу.

чаются надъ дверьми привѣшанныя на бечевкѣ или на ремнѣ деревянныя колотушки; кто желаетъ войти въ хонá, стучаеь колотушкой въ дверь, предупреждая хозяевъ о своемъ посѣщеніи. Самая дверь составлена изъ одной или двухъ тяжелыхъ досокъ, преимущественно орѣховыхъ, и, въ большинствѣ случаевъ, лишена всякихъ узорчатыхъ украшеній, столъ обычныхъ на дверяхъ хижинъ самаркандскихъ и бухарскихъ кишлаковъ.

Къ хижинѣ, обыкновенно, примыкаетъ небольшой дворъ, окруженный невысокими стѣнами изъ мелкихъ камней, еле - скрѣпленныхъ

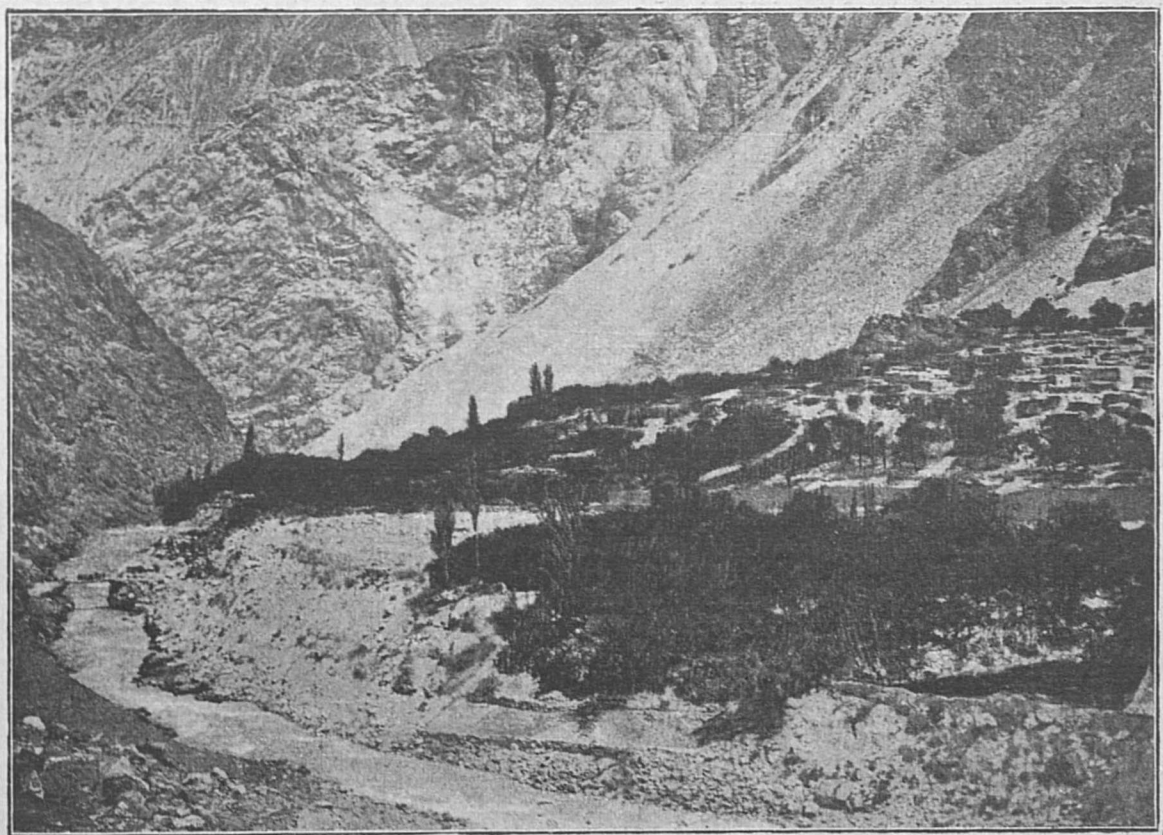
глиною или умазанныхъ коровьимъ пометомъ. Въ Каратегинѣ (по крайней мѣрѣ по Сурхобу) дворовыя изгороди болѣею частію сдѣланы изъ колбевъ и хворосту, какъ и наши плетни.

Во дворѣ, подлѣ хонá, помѣщается хлѣвъ (*огиль*). Онъ дѣлается такъ же, какъ и хонá, только дверь совершенно отсутствуетъ, и отверстіе для входа бываетъ очень широкимъ, занимая иногда полстѣны.

На Ванджѣ и мѣстами по Пянджу встрѣчаются подлѣ хижинъ еще небольшіе, съ плоскими крѣшами, амбарчики (*амбар*)

для хлѣба и разнаго скарба; какъ и ихъ родичи, «амбарѹшки» нашихъ центральныхъ губерній, они воткнуты надъ землею на четырехъ (подъ углами) камняхъ или столбахъ.

Огороды и сады, неизмѣнная принадлежность дома каждаго осѣдлаго равниннаго туземца, встрѣчаются не у всѣхъ горцевъ. У зарафшанцевъ, напримѣръ, ихъ очень мало и плодовые деревья растутъ не въ садахъ, а въ безпорядкѣ разбросаны подлѣ хонъ; разведеніе же огородныхъ овощей: капусты, рѣдьки, моркови и проч. здѣсь, кажется, почти неизвѣстно. Въ Карате-

Типъ кишлака Зарафшанскихъ горъ. (Варзаминоръ).

гинѣ же и Дарвазѣ, наоборотъ, сады съ разнообразными плодовыми деревьями и огороды съ грядками различныхъ овощей составляютъ, какъ и въ равнинѣ, необходимую принадлежность каждаго кишлака.

Въ общемъ горныя хижины представляютъ значительную противоположность жилищамъ равнинныхъ таджиковъ. Последнія высоки и просторны, построены или изъ битой глины, или изъ сырцовыхъ кирпичей, прилизаны, подчищены и, вдобавокъ, окружены толстыми глинобитными стѣнами, часто сплошь покрытыми разнообразными орнаментами. Кромѣ того, такіа жи-

лица еще опрятно содержатся, что производитъ положительно пріятное впечатлѣніе.

Всего этого нельзя сказать о хонѣ горныхъ таджиковъ. Виною ли этому вѣчная забота горца о кускѣ хлѣба, которая отодвигаетъ уходъ за жилищемъ на задній планъ, или общая скудость въ строительныхъ матеріалахъ—мудрено сказать.

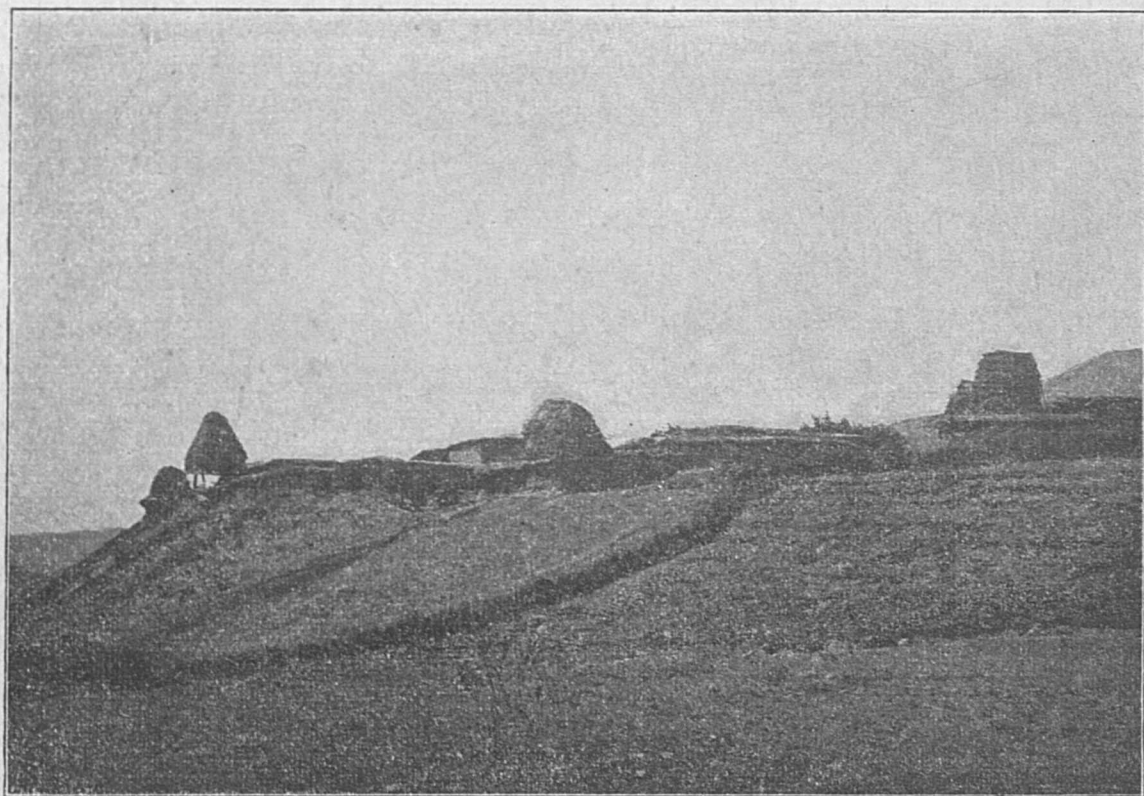
Лишь мѣстами по Каратегину и въ Дарвазѣ по Ванджу, гдѣ находятся залежи алебастра и бѣлой глины, встрѣчаются бѣлыя оштукатуренныя стѣны жилищъ. Такія, повидимому, заботливо содержимыя мазанки, скромно выглядывая изъ-за стройныхъ тополей и высокихъ чинаръ, издали такъ и напоминаютъ нашу Украину или донскія казачьи станицы. Недостаетъ лишь колодца съ неизмѣннымъ журавцемъ да задумчиваго аиста, неподвижно стоящаго на вышкѣ желтой соломенной крыши.

По Сурхобу и Хингобу, Ванджу и Пянджу на стѣнахъ многихъ хижинъ попадаются и орнаменты въ видѣ пятенъ, различныхъ беспорядочныхъ линий или же въ видѣ дѣтски намалеванныхъ фантастическихъ деревьевъ. Чаще всего разрисовывается такими узорами стѣна по фасаду хижины, при чемъ цвѣтъ рисунковъ бываетъ различный. На простой глиняной обмазкѣ стѣны узоры больше встрѣчаются бѣлые, если же стѣны выбѣлены, то ихъ разрисовка производится растворомъ красной глины. Рельефныхъ же стѣнныхъ узоровъ, вытѣсненныхъ на глину и обычныхъ у равнинныхъ таджиковъ, въ горахъ, насколько помнится, намъ не приходилось замѣчать.

Съ улицы заглянемъ и во внутренность хонѣ. Она, обыкновенно, состоитъ изъ одной комнаты, рѣдко изъ двухъ, размѣрами отъ шести до девяти аршинъ въ длину и отъ четырехъ до девяти аршинъ въ ширину. Полъ глинобитный, съ углубленіемъ для очага (*учагъ, сандали, джѳи-сандали*). Вдоль стѣны идутъ широкия глинобитныя возвышенія для спанья. На нихъ лежатъ постели, сшитыя вмѣстѣ, шерстью вверхъ, три или четыре выдѣланныхъ овечьихъ или козлиныхъ шкуръ. Въ стѣнѣ воткнутъ свѣтильникъ (*чарѳг*), пруть, обмазанный горючимъ веществомъ.

Приготовление чарога не сложно. Кладутъ стебли кунджута или льна въ котелъ и ставятъ его на огонь, гдѣ даютъ имъ обуглиться, послѣ чего ихъ перетираютъ между двумя камнями; получается липкая черная масса, которой и обмазываютъ длин-

ный ¹⁾ сухой стебель какого-либо зонточного растения или тонкий, хорошо высушенный побѣг чинары или ивы. Необмазаннымъ лишь оставляютъ конецъ прута для рукоятки. Чтобы обмазка не отставала, ее осыпаютъ сверху хлѣбными отрубями. Въ Дарвазѣ же по Пянджу на приготовленіе подобныхъ свѣтильниковъ болѣе идетъ *ricinus* ²⁾, называемый по мѣстному «баданджиръ». Осенью собираютъ маслянистыя сѣмена *ricinus*'а, складываютъ ихъ въ большую деревянную чашку и тщательно разминаютъ руками. Образуется темнозеленая густая, липкая

Типъ кишлака на пути въ равнину. (Селеніе «Сары-Пуль» въ долині Ях-Су).

масса, которой и обмазываютъ сухой стебель или побѣгъ какого-либо растения или дерева.

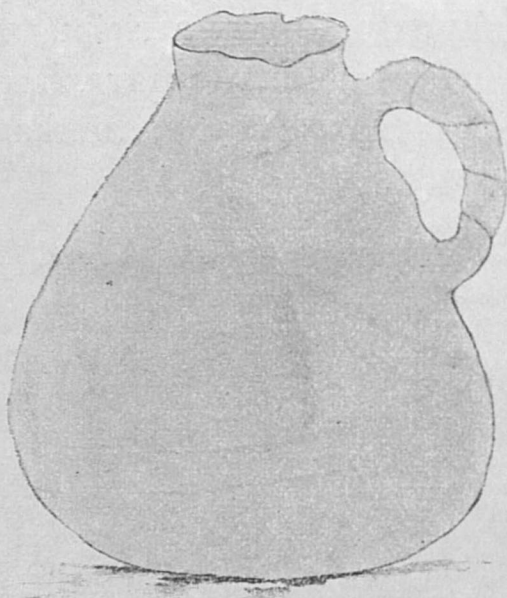
Чарогъ втыкается въ стѣну рукояткой и съ противоположнаго конца зажигается, горитъ медленно и его пламя напоминаетъ пламя березовой лучины въ свѣтцѣ.

Что касается способа добыванія огня, то онъ тотъ же, что былъ у нашихъ крестьянъ до распространенія спичекъ, т.-е. огонь выскрѣаютъ огнивомъ и кремнемъ (*чалѣк*), при чемъ вмѣ-

¹⁾ Приблизительно въ аршинъ длины.

²⁾ Растеніе, доставляющее касторовое масло.

сто тута роль горючаго вещества играет лепешка изъ мякоти (сердцевинѣ) рѣчного камыша, смѣшанной съ порошкомъ. Лишь въ зарафшанскихъ горахъ можно встрѣтитъ примѣненіе спичекъ, которыя покупаются туземцами на самаркандскомъ и пенджа-кентскомъ рынкахъ.

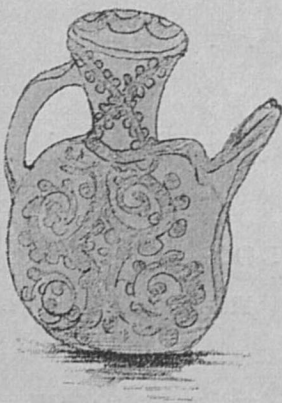
«К у з а».

Къ перечисленнымъ принадлежностямъ каждаго жилища слѣдуетъ отнести также глиняную и деревянную посуду. Она очень разнообразна, особенно глиняная.

Большія толстыя чаши для мытья бѣлья, кувшинѣ для омовеній и воды (*офтовѣи софолѣи*) вѣсотою въ четверть или двѣ, съ ручкой и длиннымъ носомъ, низенькіе приплюснутые горшечки (*хурмочѣи*), съ двумя ручками по бокамъ, для молока, масла и проч., широкіе, разлатые, похожіе на чаши, горшки (*хум*, *хумб*), чайники для чая (*чайнѣк*), повидимому, сдѣланные по

китайскимъ и афганскимъ образцамъ и, наконецъ, вѣсокіе, весьма разнообразныхъ формъ, кувшинѣ (*кузѣ*) — все это неизмѣнныя принадлежности незатѣливаго домашняго хозяйства горца.

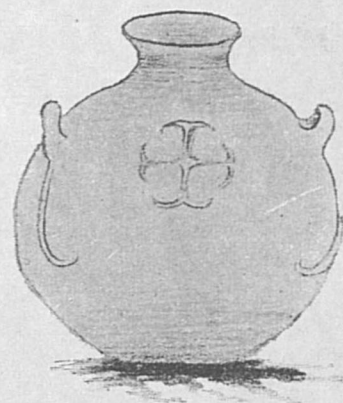
На многихъ изъ этихъ издѣлій встрѣчаются рельефныя украшенія то въ видѣ шариковъ, то въ видѣ извилистыхъ ленточекъ. Нерѣдки и красныя расписныя узоры по всей вещи, какъ и въ нашей глиняной посудѣ. Вдавленныхъ же разнообразныхъ орнаментовъ, составляющихъ отличительную черту равнинной посуды, на глиняныхъ издѣліяхъ горцевъ намъ не приходилось видѣть.

«Кузѣ» съ орнаментомъ.

Деревянную посуду составляютъ разныхъ размѣровъ (отъ $\frac{1}{2}$ аршина до 4 вершковъ въ діаметрѣ) круглыя блюда (*табѣк*, *тавѣх*), круглыя, вѣсокія скрѣни (*табѣнг*) на трехъ ножкахъ различнаго формата для пищевыхъ продуктовъ и платѣя, *ростѣи*, совершенно какъ наши рѣшета, лишь вмѣсто сѣтки глухое дно, — посуда для сыпучихъ тѣлъ, и сундуки (*сандѣук*, *сандукчѣи*) на четырехъ ножкахъ съ вѣдвѣжными и съемными крѣшками.

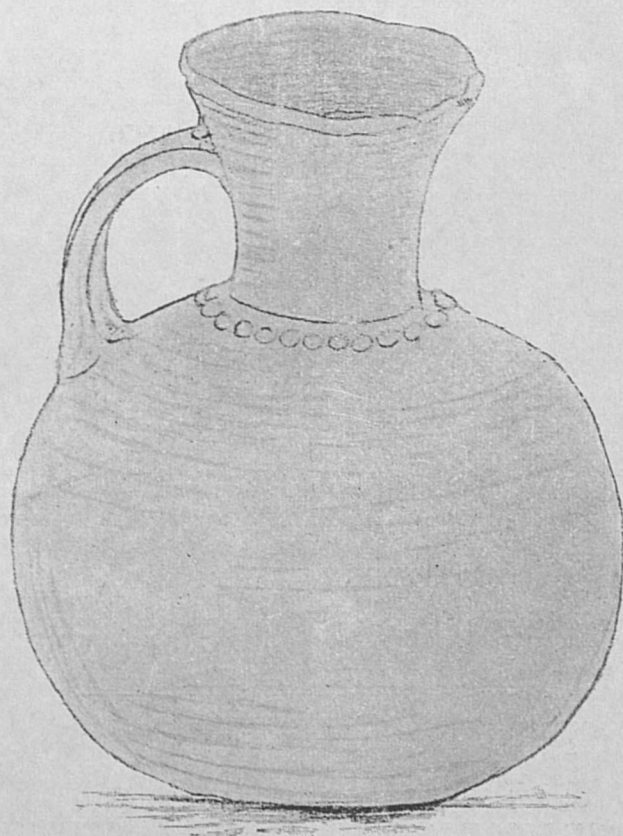
Какъ глиняная, такъ и деревянная посуда приготавливаются самими туземцами, за исключеніемъ зарафшанскихъ таджиковъ, которымъ это искусство, кажется, совсѣмъ неизвѣстно. Лишь небольшой народецъ ягнобі¹⁾ въ горахъ Зарафшана умѣетъ выдѣлывать глиняную посуду, снабжая ею, наравнѣ съ Самаркандомъ и Пенджакентомъ, своихъ сосѣдей-горцевъ. Въ горахъ Зарафшана вырабатывается только деревянная посуда, да и то не мѣстными жителями, а пріѣзжими мастерами изъ самаркандскихъ кишлаковъ. Въ послѣднихъ многіе обитатели только тѣмъ и занимаются, что развѣзжаютъ по горамъ и работаютъ изъ заранее заготовленного горцами сухого ивового лѣса различную посуду.

«Куза» (высота 9 вершк., ширина 6 вершк.).

Совсѣмъ другое видимъ по ту сторону Хисарскаго хребта и въ горныхъ кишлакахъ Каратегина и Дарваза. Тамъ горцы сами приготавливаютъ для себя посуду, не пользуясь услугами различныхъ рынковъ и заѣзжихъ мастеровъ.

Здѣсь разнообразную глиняную посуду вырабатываютъ въ каждой хижинѣ, при чемъ этимъ ремесломъ занимаются исключительно женщины. Матеріаломъ служить та прекрасно вымѣшанная, превосходная по своимъ качествамъ мѣстная глина, кирпичи и издѣлія изъ которой отличаются болѣею прочностью и отсутствіемъ пористости, присущей нашимъ глинянымъ издѣліямъ.

«Куза» для воды и молока.

Такъ какъ гончарное колесо совсѣмъ неизвѣстно, то каждую вещь стараются вылѣпить руками изъ сырой глины. Работу начинаютъ со дна, накладывая глину кусокъ за кускомъ.

¹⁾ По р. Ягноб-Даръѣ—значительному притоку р. Зарафшана съ правой стороны

Когда посуда готова, ее обжигают на очагѣ. (Способъ, еще повѣнѣ практикуемый во многихъ мѣстахъ Америки, Африки и на островахъ Тихаго океана).

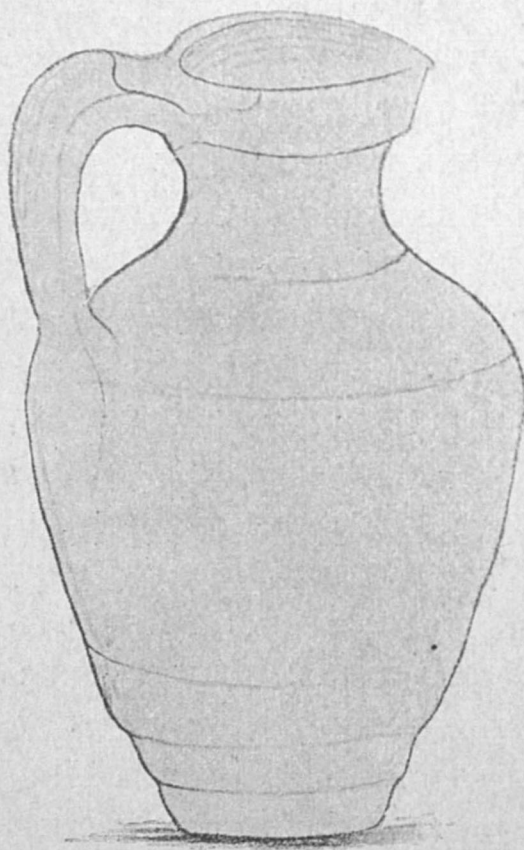
Видѣланная такимъ образомъ посуда не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ по отчетливости работы, правильности формы, такъ и по своей прочности. Муравленіе же глины, т.-е. покрываніе ея стекловидной оболочкой, не въ ходу.

«Хурмоча». (Для молока, масла и проч.).

Кувшинъ для омовеній.
(«Офтоваи-софолі»).

«Куза» для воды и молока.

Деревянная посуда работается мужчинами преимущественно изъ орѣховаго дерева, ивы и тополя. Центромъ деревяннаго производства является кишлакъ Пишхарвъ¹⁾ въ Дарвазѣ по Пянджу, снабжающій своими издѣліями весь Каратегинъ и Дарвазъ.]

Здѣсь помимо разнообразной посуды и колыбелей изготовляются и дѣтскія игрушки въ видѣ колыбелекъ, табанговъ, рості и сундучковъ. Всѣ пишхарвскія издѣлія покрыты сплошными вырѣзными геометрическими рисунками, раскрашенными черною, красною и зеленою красками.

¹⁾ На рѣкѣ того же имени, притокъ Пянджа съ правой стороны.

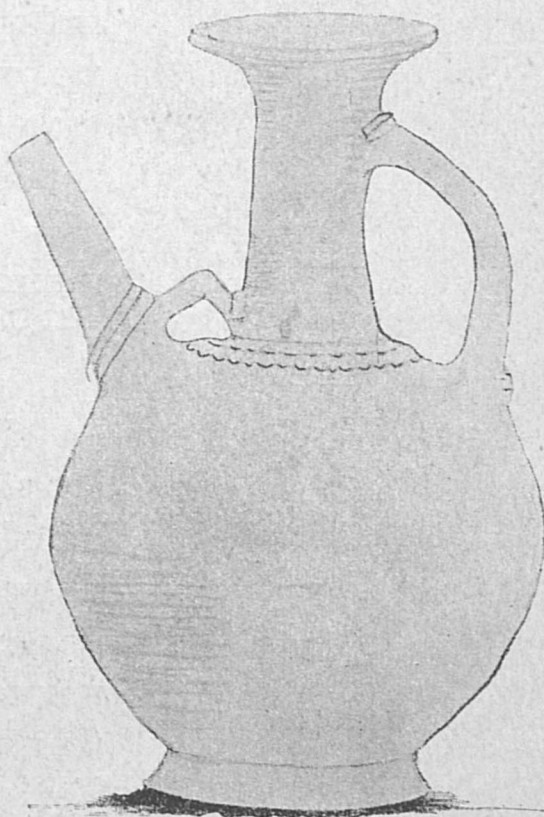
Мѣдная же посуда, иногда встрѣчаемая у туземцевъ, вся привозная. Мѣдныя чаши, блюда и кунганѣ (оби-джуш) для омовеній и для чая, гладкіе или покрывітые затѣйливѣими выбитѣими узорами,—то бухарской, самаркандской и кокандской работы, то афганской, кашгарской и персидской.

Къ посудѣ, вообще, слѣдуетъ отнести и разнообразныя, работаемыя только на Ванджѣ, кошолки для фруктовъ, ячменя, пшеницы и травѣ. Онѣ довольно искусно плетутся изъ мелкихъ таловѣхъ вѣтвей. Ихъ обычная форма—широкія кверху и суживающіяся книзу, отверстіе иногда закрывается съемной плетеной крѣпкой.

Таково въ общихъ чертахъ устройство жилища горнаго таджика, съ необходимыми къ нему принадлежностями домашняго обихода.

Большинство туземцевъ живетъ въ подобныхъ помѣщеніяхъ во все время года и примирилось со всѣми неудобствами, которыя испытываются въ нихъ зимою и осенью. Эти зимнія и осеннія невзгоды туземнаго жилища суть холодъ и сквознякъ. Правда, въ холодное время надъ очагомъ съ горячими угольями ставятъ высокій табуретъ, который покрывается одѣялами или кошмами, отчего въ хонѣ дѣлается болѣе или менѣе тепло, но на смѣну холода зато появляется тонкій убійственный угаръ, а отъ сквозняка и совсѣмъ не убережешься: онѣ проникаетъ сквозъ плохо промазанныя стѣны и кое-какъ сдѣланныя двери, свободно разгуливаетъ по внутренности хижинѣ и заставляетъ горца кутаться въ теплыя халаты и одѣяла, угрожая различными ревматизмами и всевозможными острыми простудами. Добавьте еще сюда сырость, этого неизбежнаго врага всѣхъ плохо построенныхъ жилищъ, и вы поймете, что за жизнь бываетъ въ холодное время въ тѣхъ жалкихъ мазанкахъ, въ которыхъ проводятъ свои дни горный таджикъ.

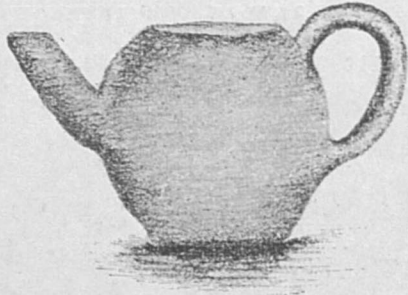
Поэтому мѣстами, какъ, напримѣръ, по Каратегину и въ

«К у з á».

Дарвазѣ, населеніе, желая сколько-нибудь избавиться отъ указанныхъ неудобствъ, на холодное время года перебирается въ особія зимнія жилища.

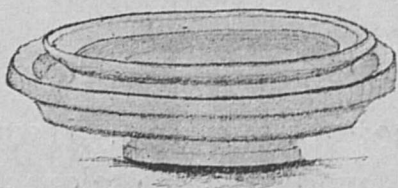
Каждое зимнее помѣщеніе представляетъ собственность нѣсколькихъ семей, потому что нѣсколько семей строятъ его соединенными силами и живутъ въ немъ все время, пока стоятъ холода. Случается, что весь кишлакъ на зиму сосредоточивается въ нѣсколькихъ такихъ помѣщеніяхъ: отъ трехъ до пяти, смотря по многочисленности селенія. Своимъ внѣшнимъ видомъ зимнее хонѣ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ хижинъ. Лишь стѣны его толще и хорошо оштукатурены глиною снаружи и внутри да нѣсколько куполообразная крыша хорошо залита глиною. Посрединѣ ея то же круглое отверстіе — около трехъ четвертей въ діаметрѣ — для выхода дыма и для свѣта.

Чайникъ для чая.

«Офтовѣи-софолі».

Миска на подносѣ («лаали-таваѣ»), рѣзаная изъ цѣльнаго дерева. Употребляется для «плова», на подносѣ складываются кости.

Крѣпкая дверь съ обычнымъ высокимъ порогомъ ведетъ внутрь, гдѣ вдоль стѣнъ идутъ высокія (около полутора аршина) деревянные загородки. Свободное пространство между ними и стѣнами заполнено крѣпко убитой глиной. Это нарвы. Они служатъ и для сна, и для работы. Каждая семья на нихъ занимаетъ свое опредѣленное мѣсто. Посрединѣ пола, какъ разъ подъ отверстіемъ въ крышѣ, — очагъ. На деревянныхъ столбахъ, поддерживающихъ потолокъ, прикрѣплены дватри «подсвѣчника» для свѣтилниковъ, если только можно назвать подсвѣчниками эти деревянные рѣзные вставки для чароговъ.

Внутри подобнаго помѣщенія было бы довольно просторно (каждое аршинъ восемь въ длину и столько же въ ширину), если бы не мѣшали упомянутыя нарвы вдоль стѣнъ, такъ что свободное пространство остается лишь среди комнаты да въ томъ мѣстѣ, гдѣ дверь.

«Чолёбъ», мѣста для спанья въ долині Ванджа.

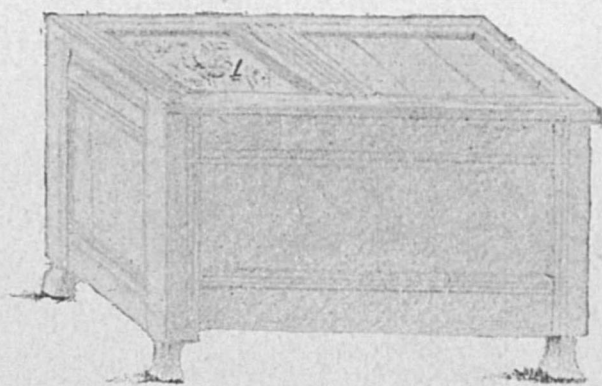
Когда подумаешь, что въ такихъ хонѣ на зиму собираются пять-шесть семей, невольно удивишься равнодушію туземца къ тѣснотѣ и его невзыскательности къ различнаго рода неудобствамъ такой совмѣстной многосемейной жизни.

Мужчины, обыкновенно, большую часть времени проводятъ предъ очагомъ, женщины съ дѣтьми — вдоль стѣнъ на нарахъ. Въ виду постоянной темноты въ такомъ хонѣ чарогъ горитъ не только ночью, но и днемъ, особенно когда кругомъ идетъ работа, такъ какъ тканье хлопчато-бумажныхъ матерій, пряденье, вязанье и вышиванье не прекращаются и зимою и берда, челноки, ткацкіе станки и игла усиленно работаютъ въ это время. Пословица «лишь бы въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ», повидимому, имѣетъ въ горахъ Центральной Азии примѣненіе болѣе широкое, чѣмъ у насъ.

По Ванджу и отчасти на Пянджѣ, кромѣ описанныхъ зимнихъ помѣщеній, встрѣчаются еще спеціальныя лѣтнія жилища (чолѣб), чего нѣтъ нигдѣ въ прочихъ мѣстахъ. Чолѣбы находятся

здѣсь почти подъ каждымъ раскидистымъ деревомъ близъ хонѣ. Они представляютъ собою помосты, устроенные изъ хвороста и, вообще, сухихъ вѣтвей, на четырехъ высокихъ столбахъ. Мѣстами, гдѣ нѣтъ деревьевъ, или же гдѣ они даютъ мало тѣни, подобный помостъ съ боковъ огораживается еще плетеными изъ таловыхъ вѣтвей стѣнами, увѣнчанными плетеною же двускатною или куполообразною или же коническою крышею. Для входа оставляется или цѣлая стѣна незагороженною, или же продолговатое отверстіе, какъ и для дверей. Снизу во внутренность чолѣба ведетъ узкая деревянная лѣстница съ рѣдкими перекладинами для ступеней. По словамъ туземцевъ, подобныя постройки лѣтомъ очень удобны для сна и вообще для жилья, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни блохъ, ни клоповъ, ни сырости.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о курганахъ или аркахъ ¹⁾, этихъ полуразвалившихся остаткахъ былыхъ

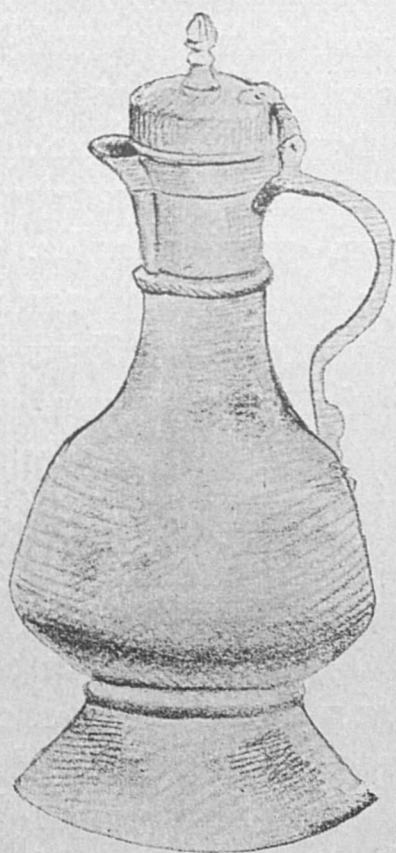

«Сундукъ» для платья. Работанъ въ кишлакѣ Круговатъ въ Дарвазѣ. (1—крышка).

¹⁾ Арк — таджикское слово, *kurān* — тюркское. Оба синонимы одного и того же понятія: замокъ, дворецъ.

временъ независимаго Кухистона. Нынѣ въ нихъ (какъ, напри-
мѣ, въ Каратегинѣ и Дарвазѣ) живутъ аммекдары и миры съ своими
приближенными, т. е. лица, которымъ ввѣрено управленіе краемъ.

Эти жилища представляютъ нѣкоторыя существенныя укло-
ненія отъ хона простого люда. Какъ и вездѣ у знатныхъ лицъ,
такія постройки отличаются прежде всего величиною и крѣ-

Мѣдный кунганъ для чая,
самаркандской работы.

Мѣдный кунганъ для чая, кашгарской
работы (46 сант. высоты).

постью сравнительно съ постройками «байкушей»¹⁾. Каждый аркъ
занимаетъ большое пространство, и его толстыя стѣны въ срав-
неніи съ прочими мизерными постройками кишлака кажутся
весьма массивными. Этому, быть можетъ, способствуетъ еще
и то, что каждый аркъ, въ большинствѣ случаевъ, не теряется
въ массѣ хона, а стоитъ особнякомъ, либо на краю селенія,

¹⁾ Байкуш—по-тюркски значитъ: *фильмъ, сова*, въ переносномъ же значеніи—*бдѣльчъ*.
Такъ мѣстные власти и привилегированные классы Бухары называютъ простой народъ.

либо совсѣмъ на отлетѣ, на одинокой скалѣ или надъ обрывомъ рѣки.

Стѣны арка сдѣланы изъ камней, скрѣпленныхъ глиною, при чемъ для прочности между ними, параллельно основанія положены длинныя бревна. Толщина стѣнъ, въ среднемъ, равна полутора аршинамъ, высота—не превышаетъ аршинъ пяти-шести. Кое-гдѣ по угламъ или по бокамъ ихъ—четыреугольныя

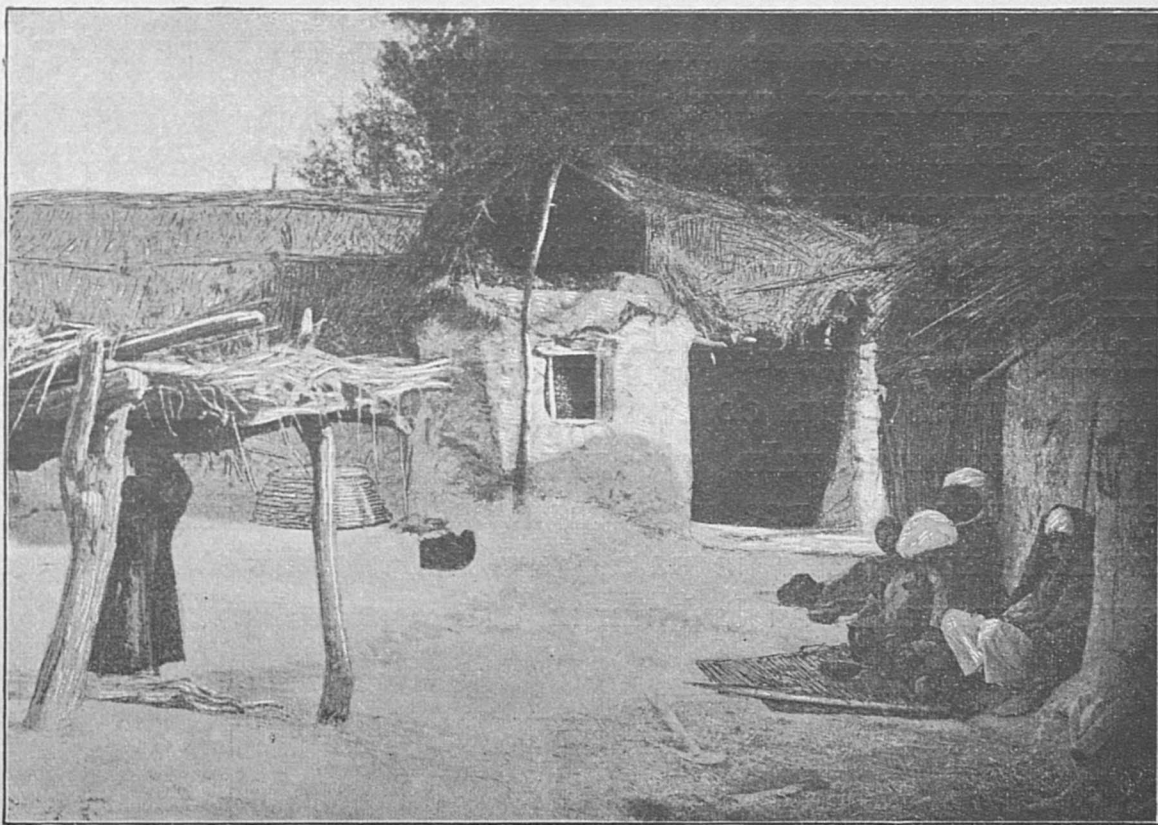
Рѣзныя двери въ богатомъ домѣ. (Снято въ кишлакѣ Оби-Гармъ, въ Каратегинѣ).

башни съ амбразами и бойницами. Окованныя сплошъ желѣзомъ или только внизу высокія и широкія ворота изъ крѣпкаго дерева, иногда покрѣплены рѣзнымъ затѣйливымъ орнаментомъ, ведутъ внутрь арка. Тамъ помѣщаются многочисленныя службы и отдѣленія, предназначенныя для житія начальника и его подчиненныхъ и для помѣщенія лошадей и домашняго скота.

Парадные комнаты для почетныхъ гостей или для различныхъ засѣданій обыкновенно находятся въ верхнемъ этажѣ арка. Ихъ немного: всего одна или много двѣ-три; онѣ высоки и длинны и всѣ

расположены въ рядъ. Съ прочими помѣщеніями такія комнаты не соединены дверями и, обыкновенно, стоятъ особнякомъ. Въ нихъ, въ одной изъ продолжныхъ стѣнъ, рядъ рѣзныхъ дверей съ широкой глинобитной террасой снаружи передъ ними. Нерѣдко двери находятся въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ. Вверху надъ каждой дверью искусно пробиты въ стѣнѣ большія узорчатыя рѣшетки для притока воздуха и для свѣта. Иногда онѣ затянуты промасленной бумагой.

Внутри — бѣлая, оштукатуренная алебастромъ стѣны съ высокимъ потолкомъ ¹⁾, полъ глинобитный, устланный циновками и паласами ²⁾. Мебели никакой, лишь по стѣнамъ лежатъ круглыя длинныя подушки въ пестрыхъ адрасныхъ ³⁾ наволочкахъ, да иногда стоитъ тахта, деревянная кровать на точеныхъ ножкахъ. Тонкій матрацъ на ней, поддерживаемый сѣткой изъ тол-

Типы построекъ въ селеніяхъ равнины, (по Аму-Дарьѣ).

стыхъ бечевокъ, накрытъ одѣяломъ, въ изголовьи — круглая подушка.

Въ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ дверей, — ниши, въ которыхъ хранятся запасныя подушки, матрацы, чайники, кунганы и прочій скарбъ.

Въ жаркіе дни особенно хорошо чувствуется въ такихъ комнатахъ. Толстыя глинобитныя стѣны не пропускаютъ жара, а свободно проникающій воздухъ чрезъ наддверныя рѣшетки и не плотно притворенныя двери сообщаетъ пріятную прохладу.

¹⁾ Такъ же, какъ и въ Бухарѣ въ зажиточныхъ домахъ, потолки состоятъ изъ поперечныхъ брусевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на поларшина и соединенныхъ небольшими узкими поперечными дощечками или палочками, плотно лежащими одна около другой.

²⁾ Палась — коверъ безъ ворса.

³⁾ Адрась — полушелковая бухарская ткань красиваго пестраго рисунка.

Въ сладкой истомѣ, обмахиваясь бархатнымъ вѣеромъ ¹⁾, горный крезъ цѣлыми днями валяется на мягкихъ подушкахъ въ такомъ помѣщеніи.

Зимнія помѣщенія въ курганахъ дѣлаются по общепринятому образцу и помѣщаются въ нижнемъ этажѣ.

Сады и огороды, примыкающіе къ горнымъ замкамъ, сравнительно съ прочими отличаются величиною и большимъ разнообразіемъ плодовѣхъ деревьевъ и овощей, произрастающихъ въ нихъ. Среди сада во многихъ мѣстахъ подъ развѣсистыми деревьями находятся глинобитныя площадки для отдыха; небольшие арки съ чистою проточною водою бороздятъ садъ по всѣмъ направленіямъ. Часто можно встрѣтитъ вырубый въ землѣ большой бассейнъ съ водою для омовеній и купанья. Во многихъ садахъ арковъ по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ расхаживаютъ нарядныя павлины.

Извнѣ весь аркъ съ его садами и огородами закрывается высокими стѣнами, такъ что вся жизнь мѣстнаго начальника, вся его обстановка, все необходимое, нужное для житейскаго обихода, все находится не на людяхъ, какъ у прочихъ туземцевъ, а ревниво прячется за крѣпкими стѣнами арка.

¹⁾ Вѣера въ Бухарѣ по своей внѣшности очень напоминаютъ наши древнія сѣкиры. Простой вѣеръ плетется изъ тростника, болѣе дорогой — изъ бархата, отдѣланнаго мишурою; тонкая рукоятка, вокругъ которой вращается самое опахало, въ длину не превышаетъ двухъ четвертей

Глава IV.

Быть, занятія и промыслы.

Всѣ горныя таджики живутъ въ осѣдомъ быту и, повидимому, искони земледѣльцы, при чемъ прогрессъ, свойственный каждому занятію, каждому промыслу, почти не коснулся основъ земледѣлія въ горахъ Средней Азіи: вѣковья традиціи земледѣлія, дурны ли, хороши ли онѣ, здѣсь свято охраняются отъ какихъ бы то ни было новшествъ.

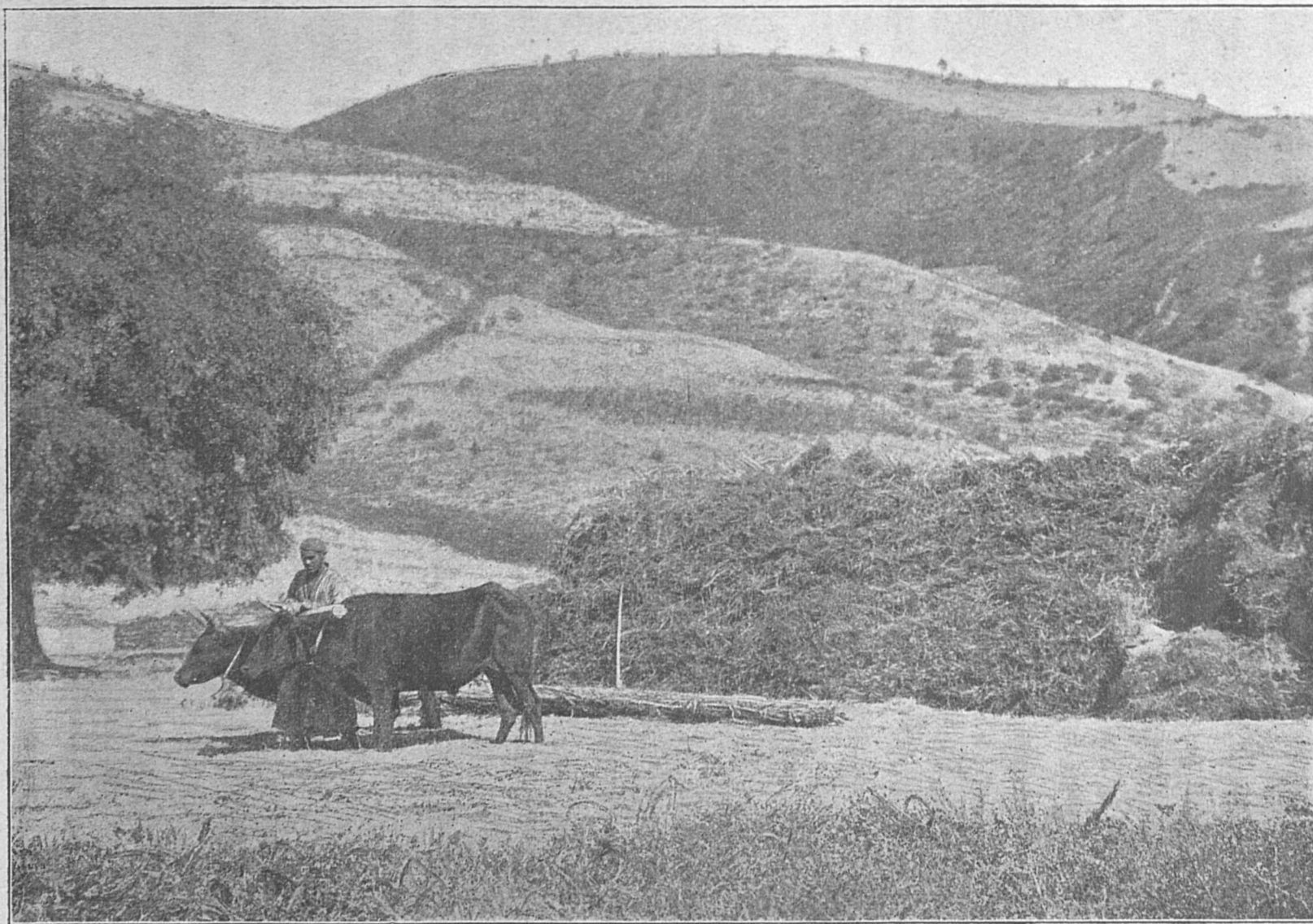
Изъ хлѣбныхъ растений горцами засѣваются: пшеница, ячмень и просо, а также горохъ, чечевица, бобы и, мѣстами въ Дарвазѣ, кукуруза; изъ волокнистыхъ растений, засѣваемыхъ только изъ-за масла, сѣютъ: ленъ, кунжутъ; въ Дарвазѣ по Пянджу въ огородахъ сѣется маслянистый *ricinus* и подсолнечникъ. Участки земли, засѣянные хлопкомъ, встрѣчаются мѣстами въ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Люцерна (*алѣф*) для скота сѣется вездѣ въ большомъ изобиліи. Ради произрастанія всѣхъ этихъ растений горецъ-таджикъ и воздѣлываетъ свое поле. Говоримъ «свое», потому что каждый горный таджикъ является полнымъ собственникомъ своего участка. Общинное владѣніе пахотной землей, какъ у насъ въ Россіи, здѣсь неизвѣстно. Кишлаки не имѣютъ общей земельной собственности, за исключеніемъ только пастбищъ для скота, но каждый туземецъ владѣетъ тѣмъ участкомъ, который ему оставилъ его отецъ, дѣдъ или, вообще, хозяинъ этого участка. Причемъ, если бы по смерти хозяина поля остался въ его семьѣ несовершеннолѣтній старшій сынъ, неспособный обрабатывать землю, и если бы даже, кромѣ него, были еще и другія дѣти или взрослыя сестры и при нихъ матъ, то участокъ передается во владѣніе не имъ, а стар-

шему мужчинѣ въ родѣ, напрымѣрь, брату покойника, за которымъ ужъ и остается на всю жизнь безвозвратно. «Земля любитъ уходъ и должна ползвовать толъко того, кто ее самъ можетъ обрабатывать», говорятъ горцы-таджики. Безземельному же предоставляется лишь право пріобрѣсти землю за деньги у кого-либо изъ своихъ односельчанъ или же поступитъ такъ: по согласію съ тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ (*сохйби-мыльк*) безземельный горецъ-таджикъ вспахиваетъ, засѣваетъ и, вообще, убираетъ извѣстный участокъ землевладѣльца съ тѣмъ, чтобы послѣдній выдалъ работнику четвертую часть изъ собраннаго имъ на этомъ участкѣ зерна.

[Начало полевыхъ работъ въ мѣстныхъ горахъ совпадаетъ съ началомъ года, празднуемымъ, какъ было выше сказано, всѣми таджиками весною, въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ это время, обыкновенно, начинается и пахота, и сѣвъ, причемъ зарафшанскій таджикъ выѣзжаетъ въ поле въ первыя дни весны, послѣ праздника Нау-Руза, т.-е. Новаго Года. И хотя въ это время часто бываетъ холодъ, снѣгъ мѣстами остается въ поляхъ и земля еще не отошла какъ слѣдуетъ, зарафшанецъ, разрыхливъ кое-какъ землю, бросаетъ въ нее сѣмена, поручивъ ихъ произрастанію и будущій урожай волѣ праведнаго Худѣ-Афридагѣ (Бога-Питателя).

Другое дѣло въ Каратегинѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза. Мягкій климатъ, теплое продолжительное лѣто, обиліе орошенія, причемъ каждый горный ключъ заботливо охраняется отъ засоренія частою расчисткою, плодородная почва и изобиліе свободной земли издавна способствовали развитію въ горахъ Каратегина мирной земледѣльческой жизни, основанной на болѣе рациональныхъ началахъ, нежели въ Зарафшанскихъ горахъ. Здѣсь туземецъ выѣзжаетъ въ поле не тотчасъ, какъ проводитъ праздникъ Новаго Года, а съ появленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, когда снѣгъ съ долинъ и скаговъ горъ сойдетъ обильными потоками, когда земля начнетъ отходить и въ воздухѣ уже чувствуется животворное дыханіе весны. Старательная запашка полей, тучная, вдобавокъ еще съ осени хорошо унавоженная земля¹⁾ при тепломъ климатѣ и безчисленныхъ ручьяхъ воды, бороздящихъ горныя посѣвы,

¹⁾ Поля унаваживаются и въ Зарафшанскихъ горахъ, и въ Каратегинѣ, въ Дарвазѣ же не во всѣхъ долинахъ.

Молотьба хлѣба «чапаромъ» въ долинь Ях-Су.

какъ арбіки средне-азіатскихъ равнинъ,—все это даетъ возможность собрать хлѣбъ въ такомъ количествѣ, что каратегинцы продаютъ его избытокъ своимъ бѣднымъ и нуждающимся въ хлѣбѣ сосѣдямъ, таджикамъ Зарафшанскихъ горъ и Дарваза. Въ урожайный годъ въ Каратегинѣ не рѣдкость встрѣтить такихъ туземцевъ, которые собрали пшеницы по 100 батмановъ (каратегинскій батманъ равенъ 9 пудамъ)¹⁾. Обиліе хлѣба при отсутствіи рынковъ и его небольшомъ сбытѣ служить въ Каратегинѣ причиною его баснословной дешевизны. Такъ, на примѣръ, весною одинъ батманъ пшеницы стоитъ 11 тенговъ²⁾ (1 руб. 76 к.), послѣ же уборки хлѣба, къ осени,—8 тенговъ (1 р. 28 к.); прежде же, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, по словамъ туземцевъ, батманъ пшеницы стоилъ еще дешевле, 3—4 тенги (48—64 коп.).

Земледѣльческимъ орудіемъ для вспахиванія полей служитъ плугъ, называемый по мѣстному то «аспѳръ», то «уммѳчъ», то «даннанъ», смотря по говору. Онъ деревянный и представляетъ собою какъ бы прототипъ нашей сохи: состоитъ либо изъ одного цѣльнаго куска дерева, по большей части изъ орѳхового, либо изъ двухъ кусковъ, съ рукояткою для пахаря и длиннымъ шестомъ, играющимъ роль дышла. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развитъ желѳзодѣлательный промыселъ, на одно или два деревянныхъ острія плуга, смотря по устройству, насаживаются желѳзные сошники (*ноу́к*). При паханіи въ плугъ впрягается пара воловъ.

Когда хлѣба начинаютъ колоситься и созрѣвать, горецъ ставитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пугала отъ назойливыхъ птицъ или же сгоняетъ послѣднихъ криками или различными стуками, причемъ этимъ, обыкновенно, занимаются дѣти или подростки.

Созрѣвшій хлѣбъ, пшеницу, ячмень и просо, а вмѣстѣ съ ними и люцерну, жнутъ, горохъ же, чечевицу и кукурузу дергаютъ.

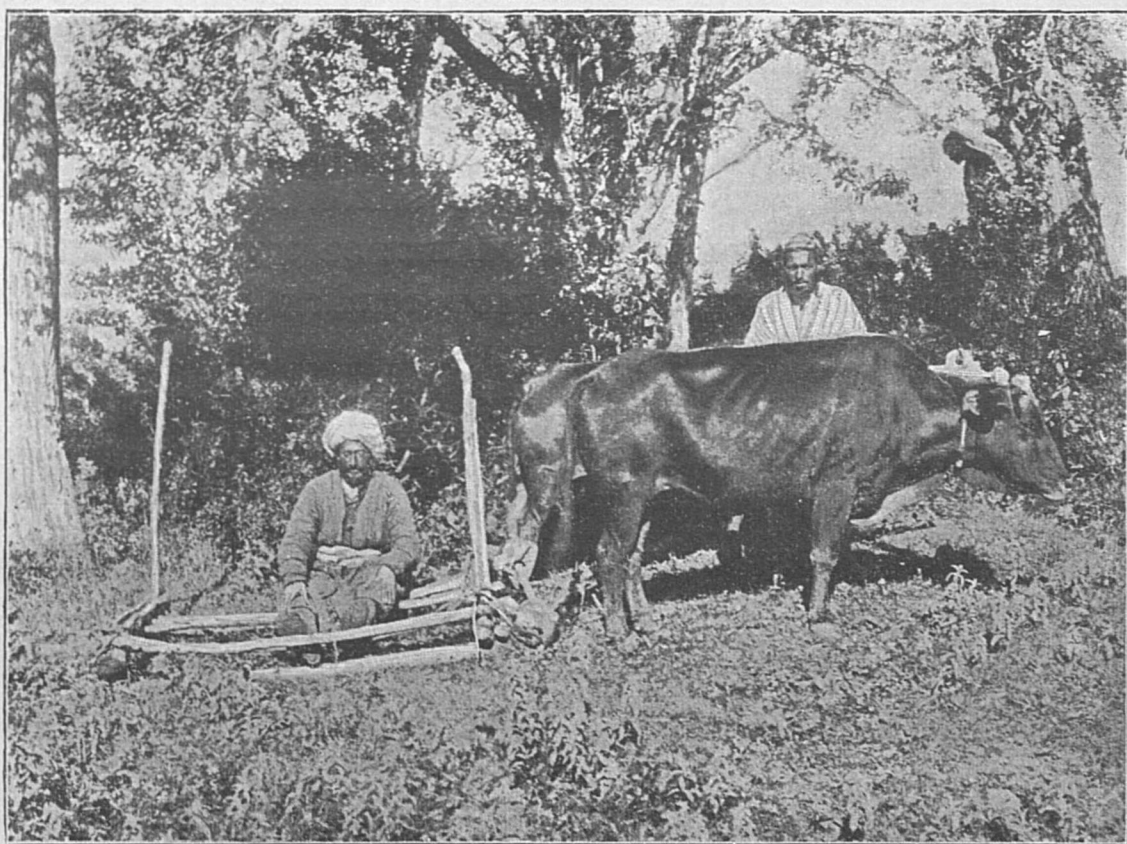
Орудіемъ жатвы служитъ желѳзный серпъ (*доз*, *дост*), насаженный на деревянную рукоятку, совершенно такой же, какъ и у нашихъ крестьянъ, развѣ лишь съ тою разницею, что таджинскій достъ не такъ выгнутъ и не имѣетъ на своемъ остріѣ тѣхъ мелкихъ зазубринъ, которыя свойственны нашимъ серпамъ.

¹⁾ Бухарскій батманъ—8 пудовъ.

²⁾ Тенга—серебряная бухарская монета, въ 1898 году была по курсу равна 16 копѣйкамъ, нынѣ же по курсу 15 копѣекъ.

Вся жатва, какъ и вообще всѣ полевныя работы, производится мужчинами. Женщины же въ поляхъ не работаютъ, за исключеніемъ, кажется, Матчинской волости въ Зарафшанскихъ горахъ, гдѣ, какъ намъ передавали, жнутъ и мужчины, и женщины вмѣстѣ.

Сжатый хлѣбъ связываютъ въ небольшіе снопы (*банди-гандумъ*, *банди-джау*, смотря по хлѣбу), которые складываются въ небольшія копны и потомъ или отвозятся въ кишлаки для обмолота, или обмолачиваются на мѣстѣ. Для перевозки сжа-

Сани для перевозки тяжестей.

таго хлѣба или люцерны употребляютъ особныя сани, называемыя по мѣстному «чигинá» (въ мѣстныхъ говорахъ «арбá» и, вообще, какое бы то ни было слово, означающее колесный экипажъ, совершенно не употребляется). Ихъ незатѣливое устройство видно изъ приложеннаго здѣсь рисунка. Четыре высокихъ палки, прикрѣпленныхъ къ угламъ чигинá, служатъ для поддержанія воза, а чтобы снопы во время перевозки не развалились, возъ еще утягиваютъ веревками и жердью, совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ съ возами въ страдную пору у насъ.

Молотба хлѣба производится на большомъ току, на которомъ снопы кладутся въ видѣ громаднaго круга. На этотъ кругъ вводится пара воловъ, запряженныхъ въ тяжелый деревянный «чапъръ» (см. рисунокъ), съ которымъ подгоняемые волы медленно начинаютъ описывать круги по разложеннымъ на току снопамъ. Обмолоченный такимъ образомъ хлѣбъ провѣиваютъ, стрясая его по вѣтру съ круглой чашки опять-таки совершенно тѣмъ же способомъ, какой употребляютъ у насъ для большаго очищенія отъ сора уже провѣяннаго зерна.

Если кишлакъ далеко, то обмолоченный и провѣянный хлѣбъ оставляется на сбереженіи у самаго поля. Для этого по близости послѣдняго вырываютъ одну или нѣсколько большихъ ямъ, смотря по количеству умолта, стѣны ямы аккуратно обмазываютъ глиной, на дно же кладутъ солому, на которую и сепаютъ зерно. Сверху опять застилаютъ соломой, заливаютъ глиной, смѣшанной съ рубленой соломой или съ известкой (гдѣ она есть), и засыпаютъ землей. Открывается такая кладовая лишь въ томъ случаѣ, когда нужно зерно для той или другой потребности. Такимъ же образомъ во многихъ мѣстахъ берегутъ хлѣбъ и дома, такъ какъ амбары и закрома встрѣчаются сравнительно не часто.

Садоводство и огородничество служатъ не малымъ подспорьемъ земледѣлію. Овощи въ огородахъ, плоды и фрукты въ садахъ въ пору ихъ созрѣванія доставляютъ таджикъ если не питательную, то во всякомъ случаѣ пріятную пищу. Сушеніе же яблоки, дули, сливы, груши, абрикосы и т. п. плоды и фрукты идутъ и въ зиму, разнообразя въ томъ или другомъ видѣ скудный столъ горца.

Мѣстами, какъ, на примѣръ, на Вахію, на Ванджѣ и въ Дарвазѣ по Пянджу, гдѣ природа бѣдна и преобладаетъ каменистая почва, гдѣ мало-мальски годные для земледѣлія участки заняты болѣе цѣнными, чѣмъ хлѣбные злаки, культурами (какъ, напр., хлопчатникомъ), существованіе населенія находится въ тѣсной зависимости отъ тутъ. Здѣсь, особенно по Пянджу, всѣ почти свободныя отъ построекъ мѣста заняты громадными многолѣтними деревьями кормильца-тута, разводимаго не для шелководства, которымъ здѣсь не занимаются, а только для питанія. Именно, спѣлыя ягоды тутъ, опадая, тщательно собираются населеніемъ и высушиваются либо на крышахъ хонъ, либо на

Вѣянье пшеницы. (Снято въ долину Ях-Су).

громаднихъ камняхъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ этихъ обездоленныхъ уголкахъ. Сушенія ягоды перетирають между ручныхъ жернововъ въ муку, которую прибавляютъ въ хлѣбъ или же варятъ изъ нея родъ каши или супа. Подобную же муку дѣлають и изъ сушеныхъ яблокъ. Намъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ таджиковъ, что они мѣсяца по два—по три не видятъ никакого другого хлѣба, кромѣ какъ печенаго изъ тутовой муки. Благодаря обилію здѣсь тутъ, за нимъ прѣзжаютъ сюда и съ Вахіо (лѣвый берегъ р. Хингоу), гдѣ недостатокъ въ хлѣбѣ заставляетъ порою тамошнихъ таджиковъ прибѣгать къ питанію тутомъ и яблоками.

Что касается пользованія тутомъ въ цѣляхъ шелководства, то таковое сосредоточено, главнымъ образомъ, въ Каратегинѣ, шелковія ткани котораго пользуются большою популярностію не только среди горцевъ, но и въ равнинѣ. Къ сожалѣнію, способы добыванія шелка и пріемы шелководства настолько примитивны, что шелковія матеріи не отличаются ни тонкостію работы, ни ровностію основы и утка. Лишь одна отрасль горныхъ шелковыхъ издѣлій пользуется справедливою и заслуженною славой. Это вышиваніе мѣстными женщинами по матѣ (по рисункамъ, намѣченнымъ пунктиромъ) различныхъ затѣйливыхъ рисунковъ на вышеупомянутыхъ женскихъ покрывалахъ, дѣтскихъ повязкахъ, воротахъ дѣтскихъ и женскихъ рубашекъ и т. п. Такіе узоры, исполненные разноцвѣтными шелками, отличаются разнообразіемъ мотивовъ и необыкновенной тщательностію работы.

Большую пользу сослужили бы почти всю жизнь впроголодь живущему таджику рожь и овесъ, мѣстами въ изобиліи встрѣчающіеся въ горахъ, но, къ сожалѣнію, культивированіе этихъ злаковъ здѣсь неизвѣстно, и туземецъ смотритъ на нихъ, какъ на обыкновенную траву. Помню, какъ въ кишлакѣ Свѣтаргъ, въ верховьяхъ рѣки Ванджа, увидя ячменное поле, все заросшее дикимъ овсомъ, мы спросили случившагося при этомъ таджика: «что это растетъ въ ячменѣ?» Тотъ отвѣтилъ, что это трава, называемая по мѣстному «гызъ». Когда же мы объяснили, что подобную траву въ Россіи нарочно зазѣваютъ и кормятъ ею вмѣсто ячменя лошадей, нашъ собесѣдникъ лишь пожалъ плечами да прищелкнулъ языкомъ отъ удивленія: ишь, молъ, какая вещь!

[Помимо перечисленныхъ злаковъ и кормилцевъ-плодовъ, составляющихъ насущный хлѣбъ горца, слѣдуетъ упомянуть еще о хлопчатникѣ, значеніе котораго въ жизни нѣкоторыхъ уголковъ Кухистона весьма велико. Именно, если пшеница, тутъ и прочіе злаки и плоды кормятъ туземца, то хлопчатникъ одѣваетъ его съ ногъ до головы. Правда, не вездѣ въ Нагорной Бухарѣ встрѣчаются хлопковія поля: ихъ, напримѣръ, очень мало въ Каратегинѣ, въ Дарвазѣ по Хингоу; въ долинѣ же Ванджа, начиная съ кишлака Техарвъ, хлопокъ начинаетъ попадаться чаще

Водяная мельница «олоб». (Снято въ кишлакѣ Хакими, на южныхъ склонахъ Хисарскаго хребта).

и, наконецъ, въ Дарвазѣ по Пянджу почти вытѣсняетъ хлѣбныя злаки, являясь на ряду съ туговѣми рощами однимъ изъ типичнѣйшихъ признаковъ этой части Дарваза. Здѣсь хлопокъ является своего рода гордостью туземцевъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства говорящихъ: «мы, люди Дарваза, умѣемъ ткать хлопчато-бумажныя ткани», и эта похвала мѣстныхъ туземцевъ самимъ себѣ не должна казаться пустою: отсюда по всей долинѣ Ванджа, на Язгулянѣ, Ях-Су и отчасти на Хингоу и въ Каратегинѣ хлопокъ расходуется въ сыромъ и обработанномъ видѣ. Дарвазъ по Пянджу, такимъ образомъ, является значительнымъ

хлопчатобумажнымъ центромъ, гдѣ ткацкіе станки почти въ каждомъ хонѣ ткуть самую популярную во всей Нагорной Бухарѣ бѣлую бумажную ткань (*мата*), въ которую одѣваются всѣ горцы отъ мала до велика.]

Изготовленіемъ пряжи для маты занимаются женщины, тканьемъ же—мужчины. Описание самого производства матеріи, т.-е. тканья, едва ли дастъ читателю какія-либо особенно новыя свѣдѣнія по этому предмету, такъ какъ приготовленіе основы и утка, ткацкіе станки, берда, челноки, мотушки и шпульки—все то же, что и вездѣ, за исключеніемъ развѣ того, что здѣсь они сдѣланы примитивнѣе да размѣромъ много меньше, чѣмъ наши.

Обычное время для тканья это зима, когда нѣтъ другихъ занятій въ родѣ полевыхъ работъ, пастбы скота и т. п. Въ это время семьи горцевъ, собравшись по нѣскольку въ зимнія жилища, обыкновенно только и заняты изготовленіемъ различной одежды, тканьемъ и вязаньемъ. Дни стоятъ небольшие, пасмурные, вершины горъ окутаны нависшими густыми облаками, снѣгъ лежитъ глубокимъ слоемъ, холодъ слишкомъ даетъ себѣ знать, лишь въ зимнемъ хонѣ тепло и уютно. Чароги, воткнутые по стѣнамъ, пылаютъ яркимъ пламенемъ, очагъ, разведенный по срединѣ хижины, разливаетъ пріятную теплоту, вдоль стѣнъ по нарамъ идетъ дружная и спѣшная работа: женщины вяжутъ, шьютъ или сучатъ нитки, мужчины ткуть, при чемъ часто стукъ ткацкихъ станковъ и шелканье челноковъ смѣшиваются съ веселыми и продолжительными пѣснями, которыми вторятъ бубны и барабаны.

Обычная ширина ткани—вершковъ шесть; куски матеріи, обыкновенно, не складываются въ штуки, а свертываются въ трубку. Кромѣ маты изъ хлопка ткются и разноцвѣтныя бумажныя матеріи ¹⁾, та же мата, но только тканая вперемежку съ цвѣтными нитками и видомъ нѣсколько напоминающая сарпинку. Помимо подобныхъ тканей встрѣчаются такія, на которыхъ по общему какому-либо цвѣтному фону разбросаны различныя узоры другого цвѣта. Последнее достигается слѣдующимъ образомъ. На матѣ предварительнѣ дѣлаютъ тѣ или другіе узоры: квадратики, крестики, просто пятна и т. п., затѣмъ, просушивъ матерію, каждое мѣсто съ рисункомъ на немъ тщательно собираютъ въ ко-

¹⁾ Всякая хлопчатобумажная матерія называется «карбось», мата—спеціально бѣлая ткань.

мочекъ и плотно - наплотно обвязываютъ нитками, послѣ чего матерію погружаютъ въ другую краску (чѣмъ та, которой наведенъ узоръ). Вынувъ ткань изъ краски, ее просушиваютъ и затѣмъ развязываютъ узелки.

Для окраски матеріи употребляютъ искусственныя и растительныя краски. Первыя—русскаго и отчасти иностраннаго производства, привозятся въ горѣ купцами-узбеками, киргизами и равнинными таджиками изъ Ферганѣ, Самарканда, Куляба и Афганистана; часто ихъ покупаютъ въ городахъ равнины и сами горцы, попадающіе туда по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Изъ растительныхъ красокъ съ равнины привозятся также: «руйанъ» (имѣющій оттѣнки отъ свѣтло-краснаго до бордового ¹⁾), приготовляемый изъ травы того же названія ²⁾, и «бузгунчъ» (желтаго цвѣта), добываемый изъ пустоцвѣта фисташковаго дерева.

Черная краска готовится самими туземцами слѣдующимъ образомъ. Берутъ нашатырь (зорк), шелуху гранатъ (пусти-анор) и желѣзные опилки (охан-сау), кладутъ все это въ воду и кипятятъ раза два вмѣстѣ съ положенной въ эту смѣсь матеріей, послѣ чего послѣднюю оставляютъ на недѣлю лежатъ въ краскѣ. По истеченіи этого срока матерія вынимается и просушивается на солнцѣ.

Эти краски употребляются и для окрашиванія шелковыхъ тканей и шерстяной пряжи.

Неизмѣнныя друзья нашихъ деревень, конопля и ленъ, называемые по мѣстному «каноу» или «канопъ» и «загвиръ», хотя и жмутся мѣстами у краевъ мутныхъ арѣковъ подлѣ жилыхъ мѣстъ, но не цѣнятся здѣсь за драгоцѣнное качество своихъ волоконъ, потому что оно здѣсь неизвѣстно: наряду съ засѣваемымъ мѣстами баданджіромъ (ricinus) ленъ, кунджуть и конопля въ горахъ имѣютъ цѣну исключительно съ точки зрѣнія добыванія изъ нихъ маслянистаго вещества для чароговъ.

На ряду съ земледѣіемъ другая отрасль сельскаго хозяйства имѣетъ весьма существенное значеніе для туземца. Это—скотоводство. Крупный рогатый скотъ, разводимый въ Нагорной Бухарѣ, принадлежитъ къ той породѣ, праотцами которой,

¹⁾ Смотря по степени густоты раствора краски. Руйанъ спеціально производятъ въ Хисарѣ, гдѣ батманъ такой краски стоитъ 45 рублей на наши деньги.]

²⁾ Rubia peregrina.

вѣроятно, были знаменитые зебу Индии и Сиамы. Эта порода сравнительно малорослая, отличающаяся небольшими рогами, преобладающим черным цветом шерсти и характеристичным горбом, ныне распространена на всем том громадном пространстве, которое занимает Иранъ, Закаспийская область, Хива, Бухара и Афганистанъ.

Быковъ, предназначенныхъ для работъ (пахоты, молотбы и проч.), выхаживаютъ, причемъ этимъ дѣломъ занимается кто-либо изъ мѣстныхъ жителей.

Овцы, въ большинствѣ случаевъ не особенно крупныя, отличающіяся курчавою бѣлою, черною либо рыжею шерстью и небольшими курдюками, встрѣчаются громадными стадами.

Что касается мѣстной породы лошадей, то происхождение ея, возможно, восходитъ къ глубокой древности (по отзыву знатоковъ мѣстныхъ конскихъ породъ родственна съ гетской породой). Обычный типъ лошадей: средняго роста, съ облагороженными формами, съ сухими ногами и тонкой кожей. Выносливыя въ утомительныхъ путяхъ по горнымъ дорогамъ и переваламъ, осторожныя при спускахъ и подъемахъ по головокружительно извилистымъ тропинкамъ, послушныя и кроткія, эти кони незамѣнимы при всѣхъ передвиженіяхъ по горамъ и не мудрено, что горецъ довѣрчиво поручаетъ имъ нести на своей спинѣ не только самого себя, но и свою жену и дѣтей.

Сравнительно съ общимъ количествомъ рогатаго скота лошадей въ горахъ встрѣчается гораздо меньше, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ каждомъ кишлакѣ находится не больше двухъ-трехъ кобылъ, остальные же всѣ—жеребцы. Обычай выхаживанія послѣднихъ неизвѣстенъ, желательность атрофирования половой потребности у жеребцовъ достигается простымъ охраненіемъ ихъ отъ всякаго общенія съ матками. Владелецъ забеременѣвшей кобылы считается самымъ счастливымъ человекомъ, но это счастье, вслѣдствіе крайней бѣдности жителей и потому невозможности приобрести лишнюю кобылу, благодаря сравнительно дороговизнѣ кобылицъ вообще, доступно очень немногимъ.

Обширныя горныя пастбища и тучныя травы искони способствовали въ горахъ развитію скотоводства, и горецъ-таджикъ, чья и воздѣлываемая мать-земля, вмѣстѣ съ тѣмъ охотно занимается и пастушескимъ промысломъ, не прочь на нѣкоторое время

обратиться и въ номада. Съ появленіемъ теплыхъ весеннихъ дней и зеленой травы на пастбищахъ, туземецъ, особенно владѣлецъ стада, покидаетъ свой кишлакъ и идетъ искать вблизи своего селенія, гдѣ-нибудь въ долинѣ рѣки, удобное пастбище. Найдя таковое, онъ ставитъ кибитку или строитъ изъ камней убогую хижину и заживаетъ на зеленомъ просторѣ долины до наступленія холодовъ.

И въ отдаленныхъ ущельяхъ и въ нагорныхъ вѣсяхъ часто эти кибитки или хижины служатъ единственными отголосками обитаемости окружающихъ каменныхъ громадъ.

Помимо молока, масла, сметаны и прочаго, скотъ доставляетъ таджику шерсть для производства грубой ткани, для зимнихъ чалмъ, халатовъ, штанъ и упомянутыхъ выше узорчатыхъ чулокъ¹⁾, а также овчины и кожи для постелей, одежды и обуви.

Способъ выдѣлки овчины и кожъ заслуживаетъ вниманія бытъ упомянутымъ. Такъ, въ Зарафшанѣ онъ выдѣлывается слѣдующимъ образомъ. Мяздро только-что снятой шкуры обильно посыпаютъ солью и оставляютъ въ такомъ видѣ на однѣ или двое сутокъ. По прошествіи этого срока мяздро счищаютъ

Охотники за горными козлами въ Зарафшанскихъ горахъ.

¹⁾ Поистинѣ надо удивляться, какъ туземныя женщины въ какихъ-нибудь 3—4 дня на трехъ тонкихъ деревянныхъ прутикахъ связываютъ пару такихъ чулокъ, отличающихся поразительнымъ разнообразіемъ рисунка.

особой желѣзной острой полосой и мнутъ овчину въ теченіе нѣкотораго времени руками, послѣ чего она готова къ употребленію. Въ другихъ мѣстахъ овчины для одеждъ вѣдѣливаютъ (обыкновенно зимою) нѣсколько инымъ способомъ. Разводятъ жидко въ водѣ ячменную муку и кладутъ въ нее овчину дней на десять, послѣ чего ее вынимаютъ и, если стоитъ ясная морозная погода, развѣшиваютъ на протянутой веревкѣ. Когда овчина замерзнетъ, ее посыпаютъ солью и опять развѣшиваютъ на веревкѣ, оставляя въ такомъ положеніи на недѣлю. Потомъ мядро счищается просто руками и овчина снова кладется дней на семь въ растворъ ячменной муки. Окончательная отдѣлка заключается въ томъ, что, по вынутіи изъ этого раствора, ее растираютъ руками въ теченіе пяти или шести дней.

Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ овчинъ мѣстные портные, обыкновенно ходящіе по кишлакамъ, шьютъ горцамъ (за три или четыре тенги) теплые зимніе халаты.

Шкурки сурковъ, идущія на обувь, также вѣдѣливаются этимъ способомъ, но часто употребляются и сыромятными.

Изъ промысловъ, помимо выработки посуды и тканья на сторону хлопчатобумажныхъ и отчасти шелковыхъ матерій, о которыхъ было выше упомянуто, для полноты картины необходимо замѣтить и другіе, какъ, напримѣръ: желѣзодѣлательное производство, добываніе золота, нашатиря, отхожіе промыслы и, отчасти, охоту.

Богатія залежи желѣзной руды въ верховьяхъ р. Ванджа даютъ горцамъ Ванджской долины неизсякаемый матеріалъ для различнаго рода желѣзныхъ издѣлій, которыя удовлетворяютъ самымъ разнообразнымъ требованіямъ домашняго обихода горныхъ таджиковъ и потому расходятся изъ этой огромной кузницы, какова долина Ванджа, по всему Дарвазу, Каратегину и Язгуляну, проникая даже въ отдаленные и трудно достижимые уголки Рошана, Шугнана и Вахана.

Несмотря на примитивность выработки мѣстныхъ желѣзныхъ издѣлій и крайне первобытный способъ полученія желѣза изъ руды, ванджскія желѣзныя издѣлія все-таки отличаются большою прочностью и извѣстною долею изящества.

Самый способъ добыванія желѣза намъ пришлось наблюдать во кишлакѣ Сѣтаргъ, на Ванджѣ, гдѣ находится нѣсколько кузницъ и желѣзо-плавильныхъ печей. Онъ состоитъ въ слѣ-

дующемъ. Привезенную изъ рудниковъ желѣзную руду разбиваютъ на мелкіе куски и складываютъ въ сухомъ мѣстѣ, обыкновенно подъ просторнымъ и низкимъ, огороженнымъ съ трехъ сторонъ навѣсомъ, подлѣ самой печи. Послѣдняя—конусообразная, вѣсотою аршина въ три, діаметръ ея основанія не превышаетъ $\frac{3}{4}$ аршина; вверху небольшое, около четверти, отверстіе. Два мѣха изъ козвихъ шкуръ лежатъ на полу у самаго основанія. Наложивъ въ такую печь сверху до низу хвороста или дровъ (*избм*), поджигаютъ ихъ, закладывая камнями широкое боковое отверстіе печи и замазываютъ его глиною. Когда дрова прогорятъ и останутся лишь раскаленные уголья, въ верхнее отверстіе печи особымъ круглымъ черпакомъ съ тонкою деревянною рукояткою (*кавлізи-гоугар*) накладываютъ куски руды, раздувая въ то же время угли мѣхами. По мѣрѣ уменьшенія углей прибавляютъ другіе, на которые опять бросаютъ куски руды, причемъ все время идетъ непрерывная работа мѣховъ, около которыхъ стоитъ для этого по нѣскольکو человекъ, работающихъ посмѣнно въ теченіе 6—8 сутокъ. По истеченіи этого срока разламываютъ заложенное камнями боковое отверстіе печи и вынимаютъ чрезъ него отдѣлившееся отъ постороннихъ примѣсей чистое желѣзо.

Количество послѣдняго, добытаго за одинъ такой пріемъ, трудно опредѣлить, такъ какъ туземцы не знаютъ почти никакихъ мѣръ вѣса¹⁾, и спрошенный мною по этому поводу туземецъ-желѣзодѣлатель простодушно отвѣчалъ:

— Вотъ, тюрѣ, приблизительно сто такихъ штукъ добудемъ, и при этихъ словахъ показалъ на руку отъ локтя до конца пальцевъ.

Желѣзные издѣлія, вырабатываемыя на Ванджѣ, слѣдующія: серпы (*доз, дост*), заступы (*бель*), клевцы (*кенѳдж*), топоры (*тавар*), подковы (*нааль*), сошники для плуговъ (*ноук*), тесала (*хоркан*) для выдалбливанія посуды и отчасти рубки дерева, въ видѣ нашихъ мотыгъ или клевцовъ, мотыги (*теша*), формою похожія на наши, но нѣскольکو меньше размѣромъ и притомъ насаженныя на короткую ручку, ножи (*корча*), бритвы (*тиг*),

¹⁾ Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, какъ мѣра вѣса употребляется «сангъ» (камень), тяжестью, примѣрно, въ 1 пудъ, 20 фунт., 15 и 5 фунтовъ и, иногда, въ $2\frac{1}{2}$ фунта. Четверти и половины фунта не употребляютъ. Вѣсы (*чуби-коса*), сдѣланные изъ дерева, пріобрѣтаются исключительно въ равнинныхъ городахъ или у бродячихъ цыганъ (*молю*).

кузнечные тяжелые молоты (*пульк*), обыкновенные молотки (*хохизк*), клещи (*амбър*), шила (*дарави*) и ножницы (*кайчи*).

Эти изделия находят большой сбыт на рынках Кал'аи-Хума и в соседних долинах: Язгуляна и Оби-Хингоу, причем продажа на деньги совершается очень редко; обыкновенно вещи мѣняются на тѣ, которыя необходимы таджикамъ Ванджа напимѣръ: изъ Кал'аи-Хума привозятъ очищенный хлопокъ (*пахта*) для тканья маты на костюмы, язгулянци въмѣниваютъ желѣзные вещи на мату и «карбось» вообще, а также снабжаютъ горцевъ Ванджской долины чулками, съ Оби-Хингоу привозятъ для обмена на желѣзные изделия хлѣбъ и мату.

Помимо долины Ванджа вѣдѣлкою желѣзныхъ изделий занимаются также и въ Каратегинѣ, хотя не въ такихъ размѣрахъ, именно, небольшой (десять хижинъ) кишлакъ Бод-Ревакъ вырабатываетъ знаменитые, крученые изъ стальной проволоки, каратегинскіе ножи.

Другой промыселъ, охватывающій собою не одну, а почти все долины Нагорной Бухары, это добываніе золота изъ золотоснаго песку мѣстныхъ рѣчекъ. Лично намъ приходилось видѣть два способа добыванія этого благороднаго металла.

Одинъ состоитъ въ слѣдующемъ. Весною, когда воды рѣкъ спадаютъ и по нимъ можно ходить по всемъ направленіямъ, горецъ беретъ небольшой, продолговатый деревянный лотокъ и, засучивъ штаны, входитъ въ рѣку, достаетъ со дна песокъ, кладетъ его въ лотокъ и тамъ же въ рѣкѣ или на берегу начинаетъ «отмывать» золото, дѣлая лоткомъ круговращательныя движенія, чтобы золотой песокъ сбился въ одно мѣсто. Этотъ способъ весьма утомителенъ, потому что на него уходитъ масса времени, да кромѣ того при всей тщательности работы золото отмывается не все.

Другой способъ состоитъ въ слѣдующемъ. Партія горцевъ въ нѣсколько человекъ, имѣя при себѣ длинныя палки съ насаженными на нихъ круглыми травянками, у которыхъ срубаны одинъ бокъ ¹⁾, рѣдкую, плетеную изъ прутьевъ рѣшетку, прикрепленную продолжными сторонами къ двумъ полозьямъ, и кусокъ грубаго «своейскаго» сукна, отправляется вдоль берега рѣки.

¹⁾ Такъ что получается родъ черпака.

Группа охотниковъ за горными козлами.

Облюбовавъ то или другое мѣсто, гдѣ можно начатъ промываніе золота, золотоискатели ставятъ на берегу рѣшетку загибами полозьевъ внизъ и накрываютъ ее сукномъ, такъ что образуется покатая поверхность. Затѣмъ черпаютъ черпаками со дна рѣки песокъ, вытряхиваютъ его на сукно и сверху понемногу поливаютъ водою до тѣхъ поръ, пока небольшіе камешки, крупный и мелкій песокъ не смоются внизъ, оставивъ на поверхности сукна крупинки драгоцѣннаго металла. Конечно, и такой способъ промыванія золота весьма примитивенъ и утомителенъ.

Добытый золотой песокъ отчасти идетъ въ казну эмира, въ видѣ уплаты податей, а отчасти расходуется по карманамъ кулябскихъ и ферганскихъ купцовъ, разбѣзжающихъ по горнымъ кишлакамъ и вѣмѣнивающимъ «презрѣнный металлъ» на мату, русскій ситецъ и прочія вещи, необходимыя туземцу. Что касается заработка каждаго золотоискателя за весну, то онъ, въ среднемъ, не превышаетъ рублей двадцати.

Производство нашатыря (*зорк*) извѣстно, кажется, лишь въ Зарафшанскихъ горахъ, гдѣ въ кишлакѣ Паніанъ (между кишлакомъ Пасрудъ и развалинами крѣпости Серводанъ) намъ и пришлось наблюдать эту отрасль мѣстной промышленности.

Рядъ низкихъ, темныхъ глинобитныхъ хижинъ, носящихъ довольно громкое названіе «кор-хона» (заводовъ), служитъ указаніемъ на то, что здѣсь добывается нашатырь.

Пройдя съ трудомъ чрезъ маленькую узкую дверь одного изъ такихъ «заводовъ», входящъ въ совершенно темный продолговатый сарайчикъ, стѣны и потолокъ котораго покрыты отвердѣвшею и блестящею копотью; земляной полъ весь заваленъ обломками нашатырнаго камня. Очагъ сложенъ изъ кирпичей и въ него вдѣланъ большой котелъ, подлѣ—двѣ глубокія ямы.

Для полученія нашатыря куски нашатырнаго камня кладутъ на дно котла, наливаютъ туда воды и кипятятъ. Затѣмъ прокипяченную воду сливаютъ въ одну изъ находящихся подлѣ ямъ, на днѣ которой, по охлажденіи воды, образуется не чистый, смѣшанный съ землею, осадокъ нашатыря. Его кладутъ въ промытый начисто котелъ, наливаютъ водою и опять кипятятъ, послѣ чего воду сливаютъ въ другую яму. Полученный по охлажденіи болѣе чистый осадокъ нашатыря снова кладутъ въ ко-

тель и кипятятъ съ водой, которую потомъ сливають вѣ какой-либо чистый сосудъ (по большей части вѣ котель); на днѣ его на этотъ разъ осаждаются кристаллы совершенно чистаго нашатыря. Послѣдній сбывается, обыкновенно, на рынки Пенджакента и Самарканда по цѣнѣ отъ 6 до 8 рублей за пудъ. ▢

Перечисленные занятія и промыслы горцевъ - таджиковъ, однако, не обезпечиваютъ ихъ вполне и потому очень многіе изъ нихъ ищутъ заработка на сторонѣ, особенно зарафшанцы и каратегинцы, хотя мы должны здѣсь же оговориться относительно послѣднихъ, что эти не ради крайней нужды, какъ ихъ сосѣди, зарафшанскіе таджики, отправляются на чужую сторону. Живя вѣ чудной, вѣ изобиліи надѣленной и хлѣбомъ и фруктами долинѣ, каратегинцы, эти овернѣяты Бухары, идутъ на сторону болѣе изъ-за той любознательности и живости своего характера, которыми они такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ изъ своихъ со-родичей и которыя ихъ влекутъ изъ родимыхъ горъ на чужбину все осмотрѣть и обо всемъ разспросить.

Сокольникъ съ соколомъ. (Снято вѣ «Калаи-Хумѣ»).

Время ухода на заработки — осень, послѣ окончанія полевыхъ работъ, причемъ само-собою разумѣется, что тѣ, кому нечего дѣлать лѣтомъ, идутъ на сторону и на лѣто. Зарафшанцы болѣе отправляются вѣ близлежащіе города: Самаркандъ, Пенджакентъ, Ташкентъ и проч., гдѣ и исполняютъ различныя черныя работы: таскаютъ тяжести, поправляютъ или заново копаютъ колоды, бассейны и проч. Каратегинцы ищутъ заработка вѣ сосѣдней Ферганѣ, Хисарѣ и отчасти Сыръ-Дарьинской области, гдѣ ихъ нерѣдко можно встрѣтить вѣ числѣ рабочихъ на различныхъ заводахъ, вѣ качествѣ ночныхъ сторожей лавокъ, домовъ и проч.

Ночная стража въ г. Каратагъ (въ Хисарѣ).

Обиліе въ горахъ дичи, какъ-то: козловъ (*оху*), медвѣдей (*хырс*), зайцевъ (*харгѹш*), куропатокъ (*кабкѹ*), голубей (*кафтѹр*), гусей (*коз*), утокъ (*ордѹк*) и проч., повидимому, издавна упрочило среди туземцевъ охотничій промыселъ, и мѣстныя охотники нерѣдко цѣлыми днями пропадаютъ въ родныхъ горахъ, то преслѣдуя осторожныхъ горныхъ козъ, то вѣслѣживая медвѣдя. Но обѣ охотахъ или облавахъ на звѣря цѣлыми обществами здѣсь нѣтъ и помину. На охоту ходятъ всегда въ-одиночку, беря съ собою лишь кремневое ружье (*милтъѹк*) крайне первобытнаго устройства, съ подпоркою для прицѣла (*шѹхи-милтъѹк*), да острый ножъ, висящій у лѣваго бока въ кожаныхъ ножнахъ. Нерѣдко за охотникомъ идетъ одна или нѣсколько собакъ той прославленной когда-то персидской породы, которая извѣстна подѣ именемъ «тазі» и еще до сихъ поръ сохранилась въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ во многихъ горныхъ уголкахъ ¹⁾.

Напавъ на слѣдъ звѣря, охотникъ терпѣливо вѣслѣживаетъ его, прячась за каждымъ выступомъ скалы, за каждымъ камнемъ или кустомъ, пока ему удастся подкрасться къ крайне осторожному и чуткому стаду горныхъ козъ или къ одиноко блуждающему горному медвѣдю. Тогда онъ, положивъ милтъѹкъ на воткнутый въ землю въ видѣ распорки шѹхи-милтъѹкъ, становится на колѣни, прицѣливается и мѣткимъ вѣстрѣломъ поражаетъ звѣря.

Такимъ же способомъ бѣютъ и птицъ, не стрѣляя съ руки, а положивъ ружье на подпорку, и сообразно положенію птицы, на лету ли она или сидитъ, принаравливаютъ положеніе своего тѣла къ болѣе удобному и мѣткому вѣстрѣлу.

Среди привилегированныхъ сословій (амлекдаровъ и мировъ) весьма распространена и соколиная охота.

¹⁾ Особенно въ кишлакѣ Ромитъ, близъ впаденія р. Чичу въ Кафирнаган-Дарью.

[Глава V.

Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ ¹⁾.

Религіозныя воззрѣнія горнаго таджика не сложны и крайне просты.

Тысячелѣтняя давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азіи, повидимому, не оставила глубокихъ и прочныхъ слѣдовъ въ ихъ вѣрованіяхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ міросозерцаніе Арабскаго Пророка совершенно изгладило первобытныя религіозныя представленія народовъ. Что за причины того—многовѣковая ли замкнутость этихъ таджиковъ въ горныхъ трущобахъ и потому разобщенность ихъ отъ остальнаго мусульманскаго міра, полнѣйшее ли невѣжество муллъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нежеланіе, а иногда и открытая враждебность принимать всякаго пріѣзжаго миссіонера изъ великихъ медресе священной Бухары и Самарканда,—судить не берусь. Во всякомъ случаѣ, горецъ довольно равнодушно относится къ своей настоящей религіи—мусульманству—и свято чтитъ свои старыя исконныя вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у его сородича, равниннаго таджика. По мнѣнію горнаго иранца, во главѣ всего міра видимаго и невидимаго стоитъ «Худо-Парвардигоръ» (Богъ-Питатель), существо вѣчное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствамъ. Кто онъ, откуда?

¹⁾ Эта глава первоначально была читана авторомъ, какъ отдѣльный рефератъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и затѣмъ помѣщена въ издаваемомъ Отдѣломъ «Этнографическомъ Обзорѣніи» за 1899 г., въ № 4-мъ.

Смертнѣмъ не дано этого знатъ. «Онъ самъ появился», какъ объясняется самѣмъ его названіемъ «Худó». Его жилище—небо, тамъ Его постоянный престолъ и пребываніе. Худо часто сходитъ на землю и слѣдитъ за людьми, за ихъ поступками, слѣдитъ своимъ всевидящимъ окомъ за дѣтми и за домашними животными: какъ съ ними обращается и какъ ухаживаетъ за ними «Его рабъ-человѣкъ», бережетъ ли ихъ, кормитъ ли, заботится ли о нихъ. «И малыя дѣти и животныя языка не имѣютъ, своихъ нуждъ не выскажутъ никому, кто же о нихъ позаботится, какъ не вѣчный Худо-Парвадигоръ?» наивно разсуждаетъ горецъ-таджикъ.

Слуги Худо, добрые духи, созданные имъ, раздѣляются на двѣ категоріи. Первые—«фириштѣ» (ангелы), прямые исполнители Его велѣній, охранители людей. Когда дитя находится еще въ утробѣ матери, Худо, давъ младенцу жизнь, умъ и дыханіе, посылаетъ къ нему ангела, который даетъ ему глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія его на свѣтъ. По рожденіи человека Худо посылаетъ къ нему двухъ ангеловъ, которые и остаются съ нимъ на всю жизнь, постоянно сидя у него на плечахъ. Это, по вѣрованію горцевъ, дѣлается безконечно-добрымъ Худо для защиты человека отъ двухъ злыхъ духовъ, которыхъ посылаютъ къ каждому изъ людей темныя силы. По смерти человека эти ангелы возносятъ его душу на судъ праведнаго Худо. Въ звѣздныя, ясныя ночи всегда можно наблюдать дорогу святыхъ людей и дѣтей къ престолу Худо: это—Млечный Путь.

Близко къ фириштѣ стоятъ добрые духи болѣе низшіе, чѣмъ они. Это «парі» или «парікъ», благодѣтели людей и животныхъ, геніи-покровители каждаго семейства, невидимые охранители стадъ и пастуховъ. Пари горецъ-таджикъ представляетъ въ видѣ женскихъ существъ необыкновенной красоты. Ихъ свѣтозарное сіяніе такъ ослѣпительно, что человекъ не выноситъ его, ихъ длинныя бѣлокурые волосы напоминаютъ золотокованную парчу, ихъ синія очи сверкаютъ, «какъ камни въ ризѣ вѣчнаго Худо», т. е. какъ звѣзды. Пари очень любятъ людей, и если человекъ ведетъ добродѣтельную жизнь, если онъ добръ и милосердъ, то онъ, тайно покровительствуя ему, приносятъ счастье и удачу во всемъ. При этомъ, если добродѣтельный человекъ бѣденъ и не имѣетъ жены, то пари ночью тайно замѣняютъ ему ее. Добрые люди иногда видятъ пари, злымъ же и отли-

чающимся зазорною жизнью не дано такого счастья: пари отвертываются от них и держатся вдали от таких людей. Представляя себя пари в вид доброго генія-покровителя, горецъ-таджикъ допускаетъ и зло со стороны этого доброго духа, впрочемъ, по отношенію къ однимъ только новорожденнымъ и роженицамъ. Когда подлѣ родившагося и родильницы нѣтъ людей, то пари заглядываютъ въ то мѣсто, гдѣ онѣ находятся, и ударяютъ ихъ по какой-либо части тѣла, отчего происходятъ пораненія или увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ тѣла, напримѣръ: отнимается рука или нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ и т. д. И почти всегда по горнымъ кишлакамъ Каратегина и Дарваза при встрѣчѣ съ страдающими падучею болѣзнію, золотухою, огневицею и т. п. на вопросъ о причинѣ этого, слышится одинъ отвѣтъ: «въ дѣтствѣ съ нимъ пошутила пари».

Богъ-Творецъ Худо и подчиненные Ему добрые духи, Его слуги, фиришты и пари, составляютъ одинъ общій міръ—царство добра, свѣта и правды и ведутъ непрерывную борьбу съ темными силами, которыми наполнена вся земля и атмосфера. Всемогушій Худо поражаетъ и убиваетъ всѣхъ злыхъ духовъ во множествѣ, но изъ утробы земли, изъ нѣдръ горъ, изъ безпредѣльныхъ воздушныхъ міровъ темныя силы выставляютъ противъ Творца міровъ все новыя и новыя отряды. Этотъ міръ темныхъ силъ, съ которыми борются добрыя начала въ мірѣ, Богъ-Творецъ и подчиненные Ему добрые духи, ведетъ также и постоянную брань съ «рабомъ земли» (*бандѡи-хок*), человекомъ, и съ животными, двумя чистѣйшими твореніями Худо. Проявленіе дѣйствія злыхъ силъ на человека и животныхъ выражается или посредствомъ всевозможныхъ болѣзней, или психическимъ разстройствомъ, или же, наконецъ, внезапной смертію. И горецъ-таджикъ, на каждомъ шагу трепеща за свое существованіе, такъ или иначе старается избавиться отъ такого губительнаго вліянія темныхъ силъ. Правда, онъ не прибѣгаетъ къ ихъ умиловленію, не старается задобрить ихъ жертвами и молитвами, не прибѣгаетъ и къ заклинаніямъ, нѣтъ, онъ только молить Худо, повелителя двухъ міровъ: доброго и злого, чтобы Тотъ спасъ его отъ козней злыхъ духовъ и далъ бы ему покровителемъ доброго духа. Какъ вещественное средство для отогнанія злыхъ духовъ употребляютъ (какъ, наприм., въ Дарвазѣ

по Пянджу) талисманѣ («айкяль»), которіе носятьсѣ всѣми безѣ исключенія туземцами и ихѣ домашними животными. Айкяль обыкновенно представляетѣ собою клочокѣ бумаги сѣ надписью: «Бисмилляхир-Рахманир-Рахими»¹⁾, или вообще какое-либо изреченіе изѣ Корана. Подобный клочокѣ зашивается вѣ кожу или вѣ мату вѣ формѣ равнобедреннаго треугольника и подвѣшивается у каждаго на правой рукѣ, или на правомѣ боку, а нерѣдко даже и на правомѣ ухѣ. У лошадей айкяль прикрѣпляется кѣ гривѣ, у рогатаго же скота кѣ рогама. Очень часто можно встрѣтитѣ и людей, и животныхѣ, у которѣхѣ встрѣчается по нѣскольکو подобныхѣ талисмановѣ. Имѣя такой талисманѣ, по вѣрованію горцевѣ-таджиковѣ, можно бытѣ застрахованнымѣ отѣ всякихѣ козней злого міра, которѣй составляютѣ: «дэвѣ» или «дэу», «шайтанѣ», «джинѣ» или «аджина», «гули-явонѣ» и «аждахорѣ» (драконѣ).

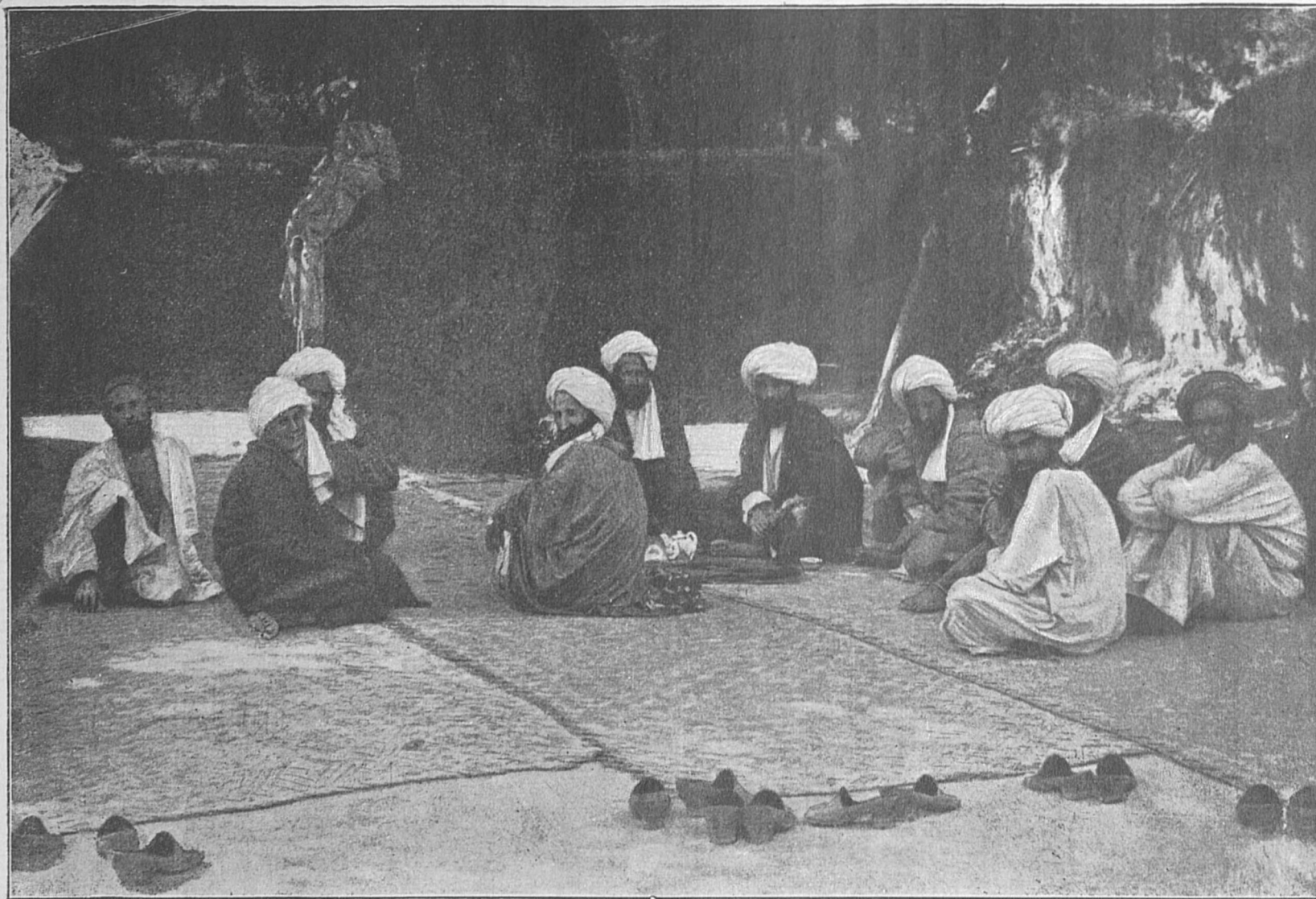
Дэвѣ это духи-мужчины гигантскаго роста, сильные, могучіе, покрытые шерстью, сѣ острыми когтями на рукахѣ и ногахѣ, сѣ ужасными лицами. Ихѣ обиталище внутри горѣ, вѣ утробѣ земли и на днѣ озерѣ. Дэвѣ стерегутѣ тамѣ сокровища земли: золото, серебро и драгоценные камни. Они великіе мастера дѣлатѣ различныя ювелирные вещи изѣ находящихся вѣ ихѣ распоряженіи благородныхѣ металловѣ и камней. Порою случающіеся различныя обвалы вѣ горахѣ и сотрясенія почвѣ туземцы объясняютѣ стукомѣ дэвовѣ вѣ своихѣ мастерскихѣ или же просто тѣмѣ, что «дэвѣ бунтуетѣ». Дэвѣ ненавидятѣ все человѣчество и при первой встрѣчѣ сѣ людьми убиваютѣ ихѣ или уносятѣ вѣ свои мрачныя жилища. Чувство жалости и состраданія имѣ невѣдомо, страха возмездія за свои поступки отѣ Худо они не знаютѣ. Вѣ многочисленныхѣ памятникахѣ народнаго творчества горныхѣ иранцевѣ, называемыхѣ то «обсанѣ», то «осунѣ», рисуютѣ разнообразныя сценѣ кровавыхѣ битвѣ дэвовѣ сѣ различными царями и героями. Вѣ нихѣ то дэвѣ одолеваетѣ людей, то сами гибнутѣ вѣ жестокихѣ битвахѣ. Пища дэвовѣ, по вѣрованію горцевѣ, состоитѣ исключительно изѣ человѣческаго мяса, и внутри ихѣ жилищѣ есть всегда темницы, гдѣ томятъ сотни людей, удручаемые страхомѣ каждодневной смерти, такѣ какѣ каждыи день дэвѣ выбираетѣ

¹⁾ Т.-е. во имя Господа Милостиваго, Милосердаго.

себѣ по два человѣка, одного на обѣдъ, а другого на ужинъ. Звонъ цѣпей заключенныхъ, ихъ стонъ и молббы не трогаютъ сердца дэва, и на всѣ воззванія невольниковъ къ дэву о жалости и состраданіи, на всѣ заклія его именемъ Худо дэвъ отвѣчаетъ страшными богохульствами. Похищая людей, чтобы они служили имъ пищею, дэвы также съ помощію только имъ извѣстныхъ чаръ нерѣдко уносятъ въ свои недоступныя убѣжища и свѣтлыхъ пари, которыхъ и дѣлаютъ себѣ женами. Проливая каждый день жемчужныя слезы, пари томится десятки, сотни лѣтъ въ тяжелой неволѣ у дэва, моля и прося Худо послать ей избавленіе. И милосердый Худо въ концѣ-концовъ шлетъ на помощь доброму духу свое созданіе—«раба земли», человѣка, и притомъ героя (*палавон'а*), который убиваетъ дэва и освобождаетъ пари.

Вмѣстѣ съ дэвами, духами-мужчинами, существуютъ злые духи-женщины. Это «шайтанъ». Они страшнаго вида; ихъ туловище напоминаетъ что-то полузвѣриное, получеловѣческое; на рукахъ и ногахъ у нихъ острые когти, на головѣ, вмѣсто волосъ, извивающіяся змѣи. Шайтанъ не имѣютъ опредѣленныхъ жилищъ и вѣчно странствуютъ по воздуху и по землѣ, разнося зло и грѣхъ. Каждое совершившееся беззаконіе, каждая сдѣланная вопіющая несправедливость на землѣ—«слѣдъ пролетѣвшаго шайтана»,—говорятъ горцы-таджики. Шайтанъ—причина всѣхъ проявленій враждебности между людьми: ненависть, злоба, зависть, скрытая и явная вражда, убійства, война и т. п.—все это носитъ одно общее названіе «сѣмя шайтана» (*тукми-шайтанъ*). Если бы не было шайтановъ, то, по вѣрованію горцевъ, на землѣ было бы царство взаимной братской любви между человѣчествомъ, всякія проявленія зла между людьми отсутствовали бы, такъ какъ остальные злые духи имѣютъ вліяніе только на физическую сторону человѣка, съ чѣмъ можно еще примириться. Таковъ общій взглядъ у всѣхъ горцевъ-таджиковъ на шайтана.

Позволяю себѣ привести здѣсь другое воззрѣніе на шайтана у другого народа, именно—у арабовъ племени Курайшъ, живущихъ въ долинѣ р. Ях-Су, на границахъ Дарваза. По вѣрованію этихъ арабовъ, шайтанъ есть отвлеченное понятіе и за духа его считать никакъ нельзя. Шайтанъ есть общее собирательное имя мірового зла, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Во дворѣ мечети въ г. Кулябѣ (въ долині р. Ях-Су).

Ссора, драка, война, смятеніе, различнѣя тайнѣя и явнѣя омерзительнѣя проявленія человѣческихъ страстей—все это носитъ одно общее названіе «шайтана».

Третью категорию темныхъ силъ составляютъ существа болѣе низшія, чѣмъ дэвы или шайтаны, это «джинны» или «аджина́». Они живутъ въ покинутыхъ, нежилыхъ помѣщеніяхъ. Джинны—это тѣни нѣкогда жившихъ тамъ людей, которыхъ Худо за различныя проступки и грѣхи на землѣ обрекъ вѣчно скитаться вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили. Джинны представляются горцами-таджиками въ видѣ существъ мужескаго и женскаго пола; они очень злы, не любятъ людей и при первомъ удобномъ случаѣ всячески стараются вредить имъ. Случается, что люди ихъ видятъ, причемъ въ тотъ самый моментъ, когда человѣкъ увидитъ джина, тотъ ударяетъ его рукою по тѣлу, и человѣкъ, отъ боли и испугавшись ихъ страшнаго вида, дѣлается сумасшедшимъ (*дивонá*) на всю жизнь. По вѣрованію горцевъ, джиновъ въ особенности можно встрѣтитъ въ сумерки и ночью подлѣ кишлаковъ, на развалинахъ старыхъ домовъ и на кладбищахъ. Глубокая увѣренность въ существованіи джиновъ и страхъ предъ ними такъ велики, что горецъ ни за что не согласится подойти къ старымъ развалинамъ послѣ того, какъ солнце скроется за горными вершинами, изъ опасенія, что могутъ встрѣтиться озлобленныя тѣни нѣкоторыхъ его предковъ и сдѣлать его калѣкой на всю жизнь. Только лишь одни «урұсы», которые въ состояніи убивать дэвовъ не хуже палавонъ, не боятся джиновъ и даже могутъ порою подчинить ихъ своей власти. Это повѣрье встрѣчается во многихъ горныхъ кишлакахъ. Помню, напримѣръ, какъ въ Дарвазѣ, въ верховьяхъ Оби-Хингоу, одинъ таджикъ пресерьезно увѣрялъ меня, какъ ему пришлось быть въ «очаровательномъ Кокандѣ» и помимо всякихъ чудесъ онъ видѣлъ тамъ громадную шкуру дэва, желтаго цвѣта съ поперечными темными полосами, которую продавалъ русскій въ своей лавкѣ, да видѣлъ еще, какъ водилъ какой-то человѣкъ по улицамъ на веревочкѣ джина, такого маленькаго (надо полагать, еще ребенка), черненькаго и очень присмирѣвшаго, который подлѣ музыки плясалъ и кувыркался.

Въ горныхъ лѣсахъ и рощахъ, въ чащахъ прирѣчныхъ кустарниковъ живутъ лѣсныя существа, подобныя человѣку, покрытыя черною шерстью, съ когтями на рукахъ и ногахъ,

необычайной силы, всегда вооруженныя тяжелыми дубинами. Это «гули-явони», лѣсные демоны, соотвѣтствующіе нашимъ лѣшимъ. При встрѣчѣ съ людьми они безжалостно убиваютъ ихъ, при чемъ тѣло человѣка, погибшаго отъ руки этого лѣсовика, дѣлается чернымъ и покрывается мѣстами кровавыми полосами, которыя есть не что иное, какъ слѣды когтей гули-явони. По этимъ признакамъ всегда можно узнать, что человѣкъ погибъ отъ руки страшнаго обитателя лѣсовъ. И только сильный духомъ и тѣломъ человѣкъ-герой (палавонъ) можетъ въ долгомъ и ужасномъ бою одолѣть гули-явони и убить его мечомъ, простымъ же смертнымъ нечего и думать избѣжать смерти отъ руки этого лѣсовика.

По берегамъ горныхъ рѣчекъ, въ мрачныхъ ущельяхъ горъ, гдѣ зарождаются шумные потоки, обитаютъ драконы (аждахоры), чудовища въ видѣ большихъ змѣй безъ ногъ, съ длинною гривой, съ громадною головой и страшною пастью, которая усажена острыми и крѣпкими зубами. Изъ пасти дракона выходитъ дымъ и огонь и постоянно истекаетъ желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка такъ велики, что проглотить человѣка для него ничего не значитъ. Драконы очень любятъ лакомиться человѣческимъ мясомъ, и потому, какъ только завидятъ человѣка, стараются втянуть его въ себя, съ необыкновенною силой вбирая въ себя воздухъ. Попадъ въ эту воздушную струю, человѣкъ какъ перо летитъ къ пасти дракона и, отуманенный зловонными испареніями, выходящими изъ рта послѣдняго, обожженный его огнемъ, безъ чувствъ падаетъ въ ротъ аждахора, который и пожираетъ его.

Всѣ драконы и змѣи горъ подчиняются живущему въ недоступныхъ для людей заоблачныхъ вѣсяхъ горъ, «Змѣиному Царю» (*Шохи-Морó*), который обитаетъ въ своей столицѣ, «Змѣиномъ Городѣ». Онъ великій волшебникъ, и окружающая его свита старается превзойти другъ-друга въ совершеніи различныхъ невиданныхъ и небывалыхъ проявленій волшебной силы.

Всѣ эти перечисленные добрые и злые духи неразрывно связаны съ религіозными представленіями горныхъ иранцевъ. Безъ этихъ добрыхъ и злыхъ силъ трудно представить себѣ жизнь горца-таджика, который всѣ дни своего существованія проводитъ въ туманѣ поэтическихъ легендъ, наивныхъ преданій старины и мистическихъ религіозныхъ образовъ. Во всѣхъ

почти памятникахъ туземнаго народнаго творчества, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ обсанѣ или осунѣ, главные герои—дэвы, пари, драконѣ, цари, герои и проч., которые ведутъ непрерывную войну между собою, и всегда почти проявленія злыхъ силъ, въ чемъ бы они ни выражались, побѣждаются добрыми началами. И горецъ-таджикъ свято вѣритъ въ простотѣ своей младенческой души, что когда-нибудь, чрезъ много-много лѣтъ, всемилосердый Худо и подчиненные Ему добрые и свѣтлые духи побѣдятъ темныя силы, которыя господствуютъ въ мірѣ въ видѣ дэвовъ, шайтановъ, джиновъ, гули-явони и драконовъ. Худо заключитъ ихъ въ пустынные, дикія горныя области съ мрачными ущельями, съ бездонными пропастями, съ шумящими водопадами, наложитъ на нихъ великое заклятіе и они не выйдутъ оттуда никогда, не будутъ болѣе терзатъ человѣчество, разноситъ зло по землѣ, убивать людей и дѣлать ихъ уродами. Всякое зло, въ чемъ бы оно ни проявлялось, навсегда исчезнетъ изъ міра, уступивъ мѣсто царству добра, свѣта и правды, во главѣ съ милосердымъ Худо-Парвадигоромъ и подчиненными Ему добрыми духами.

Когда же исчезнетъ изъ міра зло, скоро ли воцарится въ немъ добро и правда? На эти скорбные вопросы мятущагося духомъ человѣчества горецъ-таджикъ съ глубокимъ убѣжденіемъ наивно отвѣчаетъ: «скоро». Драконѣ ужъ стали встрѣчаться рѣдко. Не замедлитъ дойти очередь и до другихъ темныхъ силъ: ужъ Худо и Добро стоятъ у вратъ Нагорной Азіи.

Глава VI.

Семейные нравы и обычаи.

Женщина въ горахъ полбзуется гораздо бѣльшею свободою, чѣмъ въ равнинѣ: здѣсь не увидишь тѣхъ безобразныхъ сѣрыхъ халатовъ, накинутыхъ на голову, и волосяныхъ сѣтокъ, скрывающихъ лицо, коими глубоко развращенное, но ханжествующее населеніе равнинныхъ городовъ ревниво оберегаетъ подругу жизни отъ нескромныхъ взоровъ постороннихъ мужчинъ,

Правда, и здѣсь вы можете наблюдать вышеупомянутыя рубаны или чашбаны, но они надѣваются лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ: во время свадебъ, разныхъ пиршествъ и проч., и, повидимому, составляютъ единственный признакъ затворничества женщинъ, предписываемый Исламомъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ женщины не закрываютъ своего лица, какъ дома, такъ и внѣ его. Поэтому въ горныхъ кишлакахъ часто можно видѣть въ то или другое время дня многочисленныя группы мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ подлѣ хижинъ, при чемъ взрывъ веселаго смѣха, обоюдныя шутки и взаимныя разговоры весьма мало напоминаютъ традиціонную замкнутость мусульманскихъ женщинъ.

Эта-то открытая жизнь туземной женщины и даетъ возможность горцу-таджику выбирать себѣ подругу жизни не только «по сердцу», но очень часто и «по взаимной любви».

Какъ и вездѣ на Востокѣ, здѣсь также женятся и выходятъ замужъ очень рано. Мальчикъ въ 16 лѣтъ уже считается созрѣвшимъ для половой жизни; дѣвушекъ выдаютъ замужъ, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста и до двадцати-пяти лѣтъ.

По прошествіи послѣдняго возраста онѣ считаются «перестарками» и мало имѣютъ шансовъ связать себя съ кѣмъ-либо узами Гименея.

Облюбовавъ невѣсту, къ ея родителямъ прежде всего засылаютъ сваху, обыкновенно мать жениха или, за отсутствіемъ ея, сестру его. Сваха приходитъ въ домъ невѣсты, начинаетъ издали вести разговоръ съ родителями ея, по большей части съ матерью или, если ея нѣтъ въ живыхъ, съ кѣмъ-либо изъ близкихъ родственниковъ, живущихъ въ домѣ. Потомъ приступаетъ къ дѣлу; если послѣдуетъ согласіе, то заходитъ рѣчь о калымѣ (по-мѣстному «колинкѣ»). Онѣ бываетъ не вездѣ и не для всѣхъ одинаковъ. Пословица «что городъ—то норовъ, что ни деревня—то обычай» сказалась и здѣсь такъ же, какъ и повсемѣстное различіе между богатымъ и бѣднымъ. Вотъ, напри- мѣръ, что даетъ богатый женихъ за невѣсту въ Дарвазѣ, въ долину Оби-Хингоу: двѣ-четыре лошади, столько же коровъ, три-четыре барана, три или четыре ружья, одинъ капъ¹⁾ пшеницы, сапоги съ туфлями, ²⁾ одинъ халатъ, нѣсколько кусковъ маты, ситецъ на пять или на семь рубашекъ и шелковую матерію на двѣ рубашки. У бѣдныхъ (тамъ же) реестръ приданого значительно скуднѣе, именно: лошадь, корова, баранъ или овца, ружье, три или четыре чашки пшеницы, туфли, одна-двѣ рубашки изъ маты и ситецъ на одну рубашку. Тотъ же почти комплектъ приданого мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ; такъ, на Ванджѣ богатые даютъ: три лошади, шесть коровъ три барана, три ружья, двѣ сабли (*шоп*, *корд*), три халата изъ хлопчатобумажной матеріи, «карбось» на двѣнадцать одеждъ и одинъ батманъ пшеницы. Бѣдные тамъ же даютъ: двѣ коровы, одного барана, одно ружье, двѣ сабли, одну чалму, одну мужскую рубашку, сапоги и около двухъ пудовъ пшеницы. Денгами, обыкновенно, не даютъ нигдѣ.

Калымъ уплачивается въ извѣстный, заранее договоренный срокъ. По внесеніи его назначается и самый день свадьбы. Въ назначенное время женихъ въ сопровожденіи своихъ родственниковъ обоюго пола, мѣстнаго старшины (*аксакѳл*) и муллы (*мулло*) отправляется въ домъ невѣсты. Тамъ мулла читаетъ поло-

1) *Кап*омъ называются большой мѣшокъ изъ грубой шерстяной ткани; въ немъ, обыкновенно, помѣщается 8—9 пудовъ зерна.

2) *Вмѣстѣ* называются «маси-кафшъ».

женнѣя при бракосочетаніяхъ молитвы, предварительно спросивъ у свидѣтелей (двухъ мужчинъ) о согласіи жениха и невѣсты, потомъ во всеуслышаніе объявляетъ, кого онъ повѣнчалъ. Этимъ оканчивается обрядъ бракосочетанія, послѣ котораго новобрачныхъ отправляютъ въ домъ жениха, гдѣ имъ отводятъ особую комнату съ приготовленною въ ней постелью. Въ этомъ помѣщеніи молодыхъ запираютъ до слѣдующаго утра, не давая имъ никакой пищи.

Между тѣмъ въ домѣ невѣсты начинается пиръ, который задаютъ родители послѣдней. Передъ гостями въ изобиліи появляются самыя изысканныя и утонченныя блюда, какія только употребляются въ Кухистонѣ въ торжественныхъ случаяхъ. Наряду съ простою лапшою (*угрѣ, тунѣ, ѳи-ляпѣ, ѳи-борік*), вареною въ водѣ съ кислымъ молокомъ, и съ «умѣчемъ» — мелкими вареными катышками изъ бобовой, пшеничной или ячменной муки, которые ѣдятъ съ кислымъ молокомъ, — подаются: «тѣхми-буріонѣ» — яичныя желтки, выпущенныя на сковороду и поджаренныя съ лукомъ на маслѣ, мясо (*гушт*) во всѣхъ видахъ: въ супѣ, кебабомъ и пловомъ, жаренныя въ собственномъ соку курбы, кислое молоко (*джурхѣд, джигрѣд*) и т. п. «Чумча» (ложка съ длинной ручкой) едва успѣваетъ переходить отъ одного рта къ другому ¹⁾.

Веселые разговоры, смѣхъ, пѣсни, посвященныя похвалами новобрачныхъ, и танцы пирующихъ продолжаютъ чуть не до разсвѣта; на ряду съ чаемъ рѣдко лѣтся «дунѣкъ», настоенныя на водѣ сушенныя яблоки. Женщины, обыкновенно, держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, собираясь въ отдѣльной комнатѣ.

На слѣдующій день происходитъ доказательство невинности молодой. Старая родственница молодой (обыкновенно бабушка) утромъ является въ спальню новобрачныхъ и вынимаетъ изъ-подъ одѣяла кусокъ маты, который она вчера незамѣтно сунула въ руку невѣсты, оставляя ее въ первый разъ наединѣ съ молодымъ. Мата показывается родителямъ невѣсты и женщинамъ, родственницамъ новобрачныхъ; если матерія оказывается окровавленою, то женщины и отецъ молодой всячески ласкаютъ новобрачную, покрывая ее поцѣлуями и назы-

¹⁾ ѣдятъ, обыкновенно, одною ложкой, передавая ее по очереди другъ-другу.

вая всевозможными ласкательными словами. Въ противномъ случаѣ дѣло обходится безъ огласки, ограничиваясь лишь пирательствомъ и ссорой втихомолку сватовъ. Жена же остается при мужѣ, будучи нелюбимою и постылою на всю жизнь. (У Бухарскихъ и Самаркандскихъ таджиковъ въ такомъ случаѣ полагается разводъ).

Съ выходомъ замужъ оканчиваются беззаботные и, сравнительно, счастливые дни туземной женщины. Впереди пред-

стоитъ цѣлая жизнь полного подчиненія мужчинѣ и пассивная роль самки-производительницы. Обреченная на вѣчную работу, она мало видитъ свѣтлыхъ дней въ своей замужней жизни. Ея единственная радость—дѣти¹⁾.

Нигдѣ, кажется, послѣдніе не пользуются такимъ попеченіемъ и внимательностью, какъ у горцевъ-таджиковъ. Чадолубіе вообще присуще всѣмъ среднеазиатскимъ таджикамъ, всюду дѣти у нихъ составляютъ предметъ трогательной любви, которая въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ у

Дѣтскіе типы Зарафшанскихъ горцевъ.

¹⁾ Нижепомѣщаемое описаніе отношеній горныхъ таджиковъ къ дѣтямъ первоначально было читано, какъ рефератъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии и затѣмъ помѣщено въ 3-й книжкѣ «Этнографическаго Обзорія» за 1899 г., подъ заглавіемъ «Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ».

Въ настоящую главу это описаніе вошло въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ деталяхъ.

равнинних обитателей заходитъ иногда даже за предѣлы приличія. Но дѣти-горцы, живущія въ патриархальной неиспорченной средѣ своихъ отцовъ, пользуются особенно нѣжною любовью и привязанностью своихъ родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Дѣтей ласкаютъ, нѣжатъ и при первой возможности спѣшатъ ихъ хоть чѣмъ-нибудь порадовать. Ихъ не бьютъ, не наказываютъ и даже дать небольшой щелчокъ или подзатыльникъ считается позоромъ. Да и какъ не ласкать, не любить малютокъ горцу-таджику, если съ момента зачатія до наступленія совершеннолѣтія дѣтская жизнь туземца уже много сотенъ лѣтъ окружается цѣлымъ рядомъ легендъ и повѣрій, иногда наивныхъ и трогательныхъ по своей простотѣ.

Когда еще ребенокъ находится въ утробѣ матери, о немъ печется самъ Промыслитель-Худо, который даетъ ему умъ, дыханіе и жизнь и посылаетъ къ нему, еще не родившемуся, ангела. Послѣдній даетъ ребенку глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія на свѣтъ. По смерти же малютки въ первое время по рожденіи, ангелъ, его питатель, беретъ его душу и несетъ къ Худу, Который и помѣщаетъ ее съ прочими душами младенцевъ въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ рая.

Передъ родами женщина, обыкновенно, прощается со всѣми своими родными и въ отдѣльной комнатѣ, куда не долженъ входить никто изъ родныхъ и знакомыхъ, дожидается появленія на свѣтъ ребенка. Подлѣ нея только «дой» (бабка) и двѣ-три старыхъ женщины, приглашенныхъ оберегать родильницу и новорожденного отъ злыхъ дэвовъ и отъ пари¹⁾. Въ моментъ (наступленія родовыхъ болей родильницу подводятъ къ табурету *сандолі*); она становится на колѣни, опирается на него руками и, согнувъ спину, въ такомъ положеніи производитъ на свѣтъ дитя. По первому моменту появленія послѣдняго судятъ о всей его послѣдующей жизни. Если ребенокъ родился съ крикомъ или же въ сорочкѣ, значитъ въ жизни онъ будетъ счастливъ и уменъ; если же при рожденіи ребенокъ молчалъ, стало-бытъ въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ несчастливъ и, вдобавокъ, недалекъ. Почти тотчасъ по рожденіи ребенка обмываютъ и завертываютъ въ кусокъ мягкой хлопчатобумажной ткани своего издѣлія, родильницу же укладываютъ въ постель и въ теченіе

¹⁾ Смотри предыдущую главу.

перваго дня родовъ къ ней никого не пускають. Для подкрѣпленія силъ послѣ перенесенныхъ болѣе роженицъ даютъ питъ коровѣ масло и кушатъ «аталя», небольшое количество пшеничной или пшенной муки, замѣшенной и прокипяченной въ водѣ съ кислымъ молокомъ.

Мѣстомъ пребыванія новорожденнаго до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи ходитъ, служитъ деревянная колыбель (*гаворъ*), на которую сверху набрасываютъ пологъ. Эта колыбель очень низка и нѣсколько напоминаетъ наши дѣтскія качалки.

Уходъ за новорожденнымъ и его кормленіе составляютъ самую главную заботу туземной женщины. Она отдаетъ ребенку всѣ свои силы, здоровье и молодость; цѣлые дни она проводитъ у крохотной постелки своего малютки, укачиваетъ его, заботливо поправляетъ, осыпаетъ его милліонами поцѣлуевъ и называетъ самыми разнообразными ласкательными именами, какія только можетъ подсказать ея безгранично-любящее материнское сердце. Въ первое время по рожденіи надзоръ за младенцемъ бываетъ особенно бдителенъ. Долго ли сдѣлать его несчастнымъ на всю жизнь? На землѣ живутъ добрые духи, пари, и много злыхъ, съ разными названіями. Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ причинить ребенку зло, похитить и унести его безвозвратно или изувѣчить на всю жизнь.

По сну младенца матъ судитъ о томъ, что ея дорогое дитя видитъ во снѣ. Если ребенокъ смѣется, то, стало-бытъ, ему снится кто-либо изъ небожителей или добрыхъ духовъ, если же онъ плачетъ, то это означаетъ, что дитя боится злобнаго дэва или шайтана, котораго онъ увидалъ во снѣ. И по этой причинѣ, изъ боязни различныхъ дурныхъ послѣдствій, матъ еще болѣе ревностно смотритъ за своимъ ребенкомъ, никуда не отлучаясь отъ его колыбели и всюду таская его за собою. Какъ часто можно наблюдать въ садахъ и огородахъ горныхъ кишлаковъ женщинъ, занятыхъ какою-либо работою, сборомъ овощей, подчисткою деревьевъ и проч., и подлѣ многихъ изъ нихъ стоятъ колыбели съ дѣтми. Оставить маленькаго ребенка дома, на попеченіе чужихъ, таджичка никогда не рѣшится.

Дѣти—это великая награда за всю тяжелую трудовую жизнь туземной женщины, единственная отрада за тѣ невзгоды и непріятности, которыми такъ полно ея существованіе, и лю-

бовѣ къ дѣтямъ и безграничное желаніе имѣть ихъ такъ велики у каждой туземки, что если дѣти умираютъ, то для предотвращения этого беременная женщина тайно идетъ къ муллѣ. Тотъ за извѣстный подарокъ читаетъ надъ тряпкою, палкою, костью или иною какою-либо вещью извѣстное заклинаніе или молитву, потомъ отдаетъ наговоренный предметъ пришедшей женщинѣ. Она бережно прячетъ его и при первомъ удобномъ случаѣ кидаетъ наговоръ къ дому того сосѣда, у котораго много дѣтей, въ надеждѣ, что теперѣ смерть минуетъ будущее ея дѣтище и унесетъ дитя сосѣда.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ сохранились еще кое-какіе остатки маздеизма, таджичка беретъ лоскутъ какой-либо ткани и идетъ съ нимъ къ священному дереву обѣтовъ. Здѣсь она привязываетъ тряпицу на одну изъ вѣтвей и, произнося горячую молитву Худо, даетъ при этомъ клятву, что если Богъ-Творецъ исполнитъ ея молбѣ и желаніе—ея ребенокъ не умретъ, то она поставитъ столько-то зажженныхъ свѣчей въ углубленіи священнаго камня, который, обыкновенно, находится подлѣ мечети или въ старомъ мазарѣ.

Когда дитя подрастетъ и начнетъ ходить—это, приблизительно, бываетъ на второмъ году,—ему впервые бреютъ или просто коротко стригутъ волосы. Эта операція происходитъ, обыкновенно, безъ всякихъ церемоній. Потомъ лѣтъ до 7—10 волосы стригутся довольно аккуратно, но мальчикамъ въ это время не полагается еще носить «токы» (ермолки). Происходитъ ли это отъ крайней бѣдности таджика, у котораго подчасъ у самого не бываетъ на головѣ ничего, или же вообще не принято,—не знаю. Дѣвочкамъ послѣ первой стрижки больше не стригутъ волосъ; когда послѣдніе отрастутъ, ихъ заплетаютъ въ двѣ косы по обѣимъ сторонамъ головки. Иногда болѣе зажиточные родители при этомъ вплетаютъ въ косу малятки какую-нибудь ленту или просто полоску окрашенной хлопчатобумажной ткани. Въ такомъ возрастѣ мать нерѣдко надѣваетъ на шею дѣвочки свое ожерелѣ изъ мелкихъ полированныхъ камней или простыхъ стеклянныхъ бусъ. Это считается необыкновеннымъ щегольствомъ. Когда ребенокъ начнетъ ходить, его освобождаютъ отъ того тряпья, въ которое онъ завернутъ, и впервые надѣваютъ на него длинную, достигающую до лодыжекъ рубашку. Этотъ костюмъ, обыкновенно,

одинъ на годъ и на два, словомъ—какъ износится; другая рубашка для смѣны, по бѣдности, не полагается. Нужно ли при этомъ добавлять, что грязь и засаленность дѣтской рубашки превосходить всякое вѣроятіе?

Съ того момента, какъ ребенокъ уже въ состояніи ходить, къ нему на всю жизнь Худо приставляетъ двухъ ангеловъ, а темныя силы посылаютъ одного шайтана, который незримо для людей сидитъ верхомъ на шеѣ каждаго чековѣка, подстрекая

его на все злое. Ангелы также невидимо для людей сидятъ на плечахъ человѣка и охраняютъ его отъ всего злого, дурного и предостерегаютъ отъ порочной жизни. Дитя находится подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и охраною. Эти два небожителя строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ребенку жилось, по возможности, хорошо и никто бы его не обижалъ; въ противномъ случаѣ жалуются Худо, и Тотъ строго караетъ виновнаго. Когда дитя умираетъ, два ангела-хранителя берутъ его душу и несутъ на небо по свѣтлой дорогѣ всѣхъ праведниковъ и добродѣтельныхъ людей. Въ звѣздныя ясныя ночи этотъ небесный путь умершихъ дѣтей и святыхъ всякій можетъ

Дѣтскіе типы Каратегина. (Снято въ селеніи «Чор-Содá»).

наблюдать: у нѣкоторыхъ горцевъ-таджиковъ онъ такъ и называется «Дорога ко Всевышнему» (*Róhi ba neши Худó*), у насъ же—«Млечный Путь».

Въ возрастѣ до 10 лѣтъ дѣти пользуются особенною любовью родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Отцы во время отдыха отъ работъ находятъ покой и развлеченіе въ кругу дѣтей. И по кишлакамъ часто можно видѣть, особенно подвѣчерь, какъ партіи мужчинъ сидятъ подвѣтѣю какого-нибудь дерева, окруженныя дѣтворою; самыя маленькія дѣти

сидятъ на колѣняхъ, часто по два, по три. Мозолистыя, загорѣлыя руки отцовъ съ необыкновенною нѣжностью и любовью ласкаютъ эти черныя и бѣлокурныя головки и грязныя, испачканныя личики, и подъ дѣтскій лепетъ и ласки таджикъ забываетъ всѣ свои невзгоды и тяжелую бѣдность. На вопросъ, сколько у него дѣтей, горецъ всегда вамъ отвѣтитъ на это съ какою-то внутреннею радостью, что дѣтей у него столько-то, и при этомъ всегда раздѣлитъ ихъ, назвавъ мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ. И при словахъ: столько-то «бача» (мальчикъ), столько-то «духтаръ» (дѣвочка), лицо горца складывается въ самую сладкую улыбку. Самое лучшее лакомство, которое только можно достать, горецъ-таджикъ никогда не станетъ ѣсть самъ, а всегда отдаетъ своимъ дѣтямъ. Каждый, котораго судьба занесетъ въ города равнины (Самаркандъ, Кокандъ и друг.), считаетъ своимъ долгомъ принести на родину не только своимъ дѣтямъ, но и постороннимъ хоть что-нибудь такое, что могло бы ихъ обрадовать. Человѣкъ, не любящій дѣтей, едва ли найдется въ горныхъ кишлакахъ: на него стали бы смотрѣть съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ. Часто можно слышать въ горахъ фразу, что кто дѣтей не любитъ, того и Худо не любитъ и постоянно наказываетъ его, ни въ чемъ не давая удачи. Горецъ-таджикъ смотритъ на ребенка какъ на даръ Божій, какъ на самое чистое проявленіе божества; въ немъ онъ видитъ все лучшее въ своей жизни, всю отраду и надежду. Ласкать и баловать дѣтей—святая обязанность не только каждой матери, но и каждого мужчины. Всякое жестокое обращеніе съ дѣтьми способно вызвать горькія слезы у взрослыхъ. У заѣзжаго чужестранца таджикъ съ трогательными просьбами выпрашиваетъ хоть какую-нибудь бездѣлушку или кусокъ сахара, только бы отнести своимъ бача или духтаръ. При отказѣ онъ будетъ молить васъ, выпрашивать и для большаго состраданія путешественника ведетъ и несетъ къ нему дѣтвору. И надо видѣть его радость, если дѣти получаютъ какое-либо лакомство или ничтожный подарокъ: таджикъ съ неподдѣльною искренностью благодарить дающаго и призываетъ на него всѣ благословенія Худо и всякія пожеланія земныхъ и небесныхъ благъ. «Кто любитъ дѣтей, у того сердце чистое, незапятнанное ничѣмъ», говорятъ горцы. И изъ подобнаго воззрѣнія на подрастающее поколѣніе нерѣдко происходятъ такія явленія: умираетъ отецъ и

матѣ, послѣ нихъ остаются круглыми сиротами ихъ дѣти; въ другомъ бѣ мѣстѣ они, пожалуй, пошли бѣ по міру или бѣ разбрелись по нѣсколькимъ домамъ чужихъ людей, гдѣ и влачили бѣ жалкую, скорбную жизнь безпріютныхъ сиротъ; у таджиковъ же этого почти никогда не случается. Сиротъ всегда беретъ на свое попеченіе ближайшій родственникъ и воспитываетъ ихъ наравнѣ со своими дѣтьми, при этомъ любви къ нимъ бываетъ еще больше, чѣмъ къ своимъ дѣтямъ. «Они,—сироты, не имѣютъ ни отца, ни матери: грѣхъ не заботитъ о нихъ», говорятъ окружающіе. Помню, какъ въ одномъ дарвазскомъ кишлакѣ пришлось встрѣтитъ одного туземца, у котораго было своихъ пять человѣкъ дѣтей и, кромѣ того, онъ воспитывалъ еще четырехъ своихъ племянниковъ, оставшихся послѣ смерти его брата. При этомъ когда приходилось раздавать дѣтямъ леденецъ и разныя сласти, этотъ таджикъ просилъ дать побольше сиротамъ; «модаръ надора, падаръ надора» (ни отца, ни матери не имѣютъ), добавлялъ онъ всякій разъ, глядя грязныя головки сиротъ. Девять человѣкъ дѣтей—всюду обуза порядочная, но въ горахъ Центральной Азіи, среди страшной окружающей бѣдности, прямо-таки удивительно, какъ ухитряется туземецъ прокормить столько ртовъ и такъ нѣжно заботиться о нихъ. Въ крайнихъ случаяхъ, когда по смерти родителей дѣти остаются совсѣмъ безпріютными, не имѣя никого родственниковъ, ихъ кормить и воспитываетъ все селеніе сообща до самаго ихъ совершеннолѣтія, причемъ если сирота—дѣвушка, ее выдаютъ замужъ всѣмъ кишлакомъ, если же это мужчина, то съ момента совершеннолѣтія его земляки перестаютъ заботиться о немъ и предоставляютъ его своему собственному усмотрѣнію.

На третѣмъ или на четвертомъ году оканчивается кормленіе ребенка грудью. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза и Каратегина дѣтямъ для праздничныхъ дней болѣе зажиточные родители дѣлаютъ рубашки изъ бѣлой хлопчатобумажной ткани, рукава и вороты которыхъ украшаются оторочками изъ небольшихъ перламутровыхъ кружковъ, покрытыхъ различными рѣзными узорами. Это называется по-мѣстному «садафъ», по имени вообще жемчужныхъ раковинъ, которыя встрѣчаются въ верхнемъ теченіи Аму и въ нѣкоторыхъ ея притокахъ съ правой стороны. Въ этихъ мѣстахъ на дѣвочекъ

впервіе надѣвають шальвары и, въ болѣшинствѣ случаевъ, въ уши вставляють серьги. Въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ надъ мальчиками производится обрѣзаніе (*чукбороні*). Въ назначенный день родители приглашаютъ мастера этого дѣла (*усто*), обыкновенно кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, постоянно производящаго эту операцію, и если имѣють достатокъ, сзываютъ много гостей и всѣхъ тѣхъ мужчинъ кишлака, которые имѣють лошадей. Когда явится усто и соберутся гости, начинается угощеніе, появляются неизбежныя: пловъ, кебобъ, «тѹхми-буріонъ» (жаренія яйца въ маслѣ), вареное мясо, «шурбó» (супъ) и проч. туземныя кушанья. Во время пира конныя тѣшатся извѣстною игрою «бузкашъ» — разрываніе козла, котораго имѣ жертвуетъ отецъ мальчика. Послѣ пира и окончанія игры происходитъ самое чукборони. Мальчика кладутъ на взничъ и держатъ его по рукамъ и ногамъ; мастеръ беретъ короткую камышевую палочку, расщепленную съ одного конца. Въ этотъ расщепъ зажимается крайняя плотъ, такъ что ея верхняя частъ нѣсколько выдается изъ расщепа наружу. Туго сдавивъ камышъ, усто быстро срѣзаетъ острымъ ножомъ или бритвой выдавшуюся вверхъ кожицу. При этомъ чтобы унять кровь, на рану сейчасъ же накладывается зажженная вата. Этимъ и заканчивается операція.

Послѣ обряда обрѣзанія мальчику дается лукъ и деревянныя стрѣлы. Онъ, такъ-сказать, съ этого момента начинаетъ готовится бѣть мужемъ и воиномъ. Стрѣлбѣ изъ лука его учать отецъ или же болѣе старшіе сверстники. Отъ прежнихъ малолѣтнихъ своихъ товарищей мальчикъ уже отдѣляется и примыкаетъ къ болѣе старшимъ. Стрѣлба изъ лука составляетъ одну изъ самыхъ любимѣйшихъ дѣтскихъ занятій въ горахъ. Кромѣ этого, едва ли даже существуютъ какія-либо игры у болѣшинства туземныхъ мальчиковъ. Съ луками въ рукахъ, партіи дѣтей рѣзвятся подъ тѣнью исполинскихъ карагачей, чинаръ и широколиственныхъ платановъ, забавляются стрѣлбой въ птицъ, въ стволы деревъ и проч. Эти небольшіе дѣтскіе отряды можно видѣть играющими и за кишлаками въ лугахъ, и при дорогахъ, и на скатахъ горъ. Самый старшій изъ нихъ, обыкновенно, является предводителемъ, его слушаются и ему повинуются всѣ остальныя дѣти. При этомъ нельзя удержатъся отъ улыбки, когда, проѣзжая, видишь, что самія маленькія дѣти не

обращаютъ на тебя никакого вниманія и безпечно роются гдѣ-нибудь въ пескѣ или на берегу какого-либо ручья, тогда какъ болѣе взрослыя, завидя незнакомца, въстраиваются при дорогѣ или гдѣ-нибудь въ сторонѣ и молча провожаютъ его долгимъ сербизнымъ взглядомъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ горныхъ тущобъ встрѣчаются партіи дѣтей, которыя напоминаютъ своимъ видомъ что-то первобытное. На этихъ маленькихъ воинахъ, обыкновенно, ничего не надѣто, за исключеніемъ только волчьей шкурѣ, которая наброшена на плечи, и кожаного передника; на ногахъ и головѣ ничего нѣтъ. Съ луками въ рукахъ эти полуголыя дѣти имѣютъ какой-то крайне дикій и воинственный видъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть полуголыми почти взрослыхъ дѣтей, что 3—4 лѣтнія малютки, которыя бѣгаютъ здѣсь, имѣютъ на себѣ хотѣ какія-нибудь рубашонки. Спросите любого изъ такихъ подростковъ, почему онъ такъ жалко одѣтъ, вы всегда услышите одинъ простодушный отвѣтъ: «лабосо надорум» (платья не имѣю). Малышей хотѣ какъ-нибудь, въ ущербъ иногда себѣ, родители стараются прикрыть какою-нибудь рубашкою, такъ какъ безъ одеждѣ они легко могутъ простудиться по слабости организма, а эти—болѣе взрослыя, и потому, какъ ихъ ни жалко, по бѣдности приходится положиться на волю Худо: авось они вътерпятъ и не простудятся.

Само-собою понятно, что причина такого отношенія къ подросткамъ кроется не въ скупости горца-таджика, который для дѣтей ничего не пожалѣетъ, а въ его бѣдности. Хлопокъ, засѣваемый въ горахъ въ небольшомъ количествѣ, и то только тамъ, гдѣ его позволяетъ разводить климатъ, не удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ населенія, и потому горцы вънужденны покупать ткани или хлопчатобумажную пряжу въ городахъ, отдавая за это различныя свои незатѣйливыя произведенія и скотъ. Глядя на этихъ до-нелзя оборванныхъ, полуголыхъ дѣтей, прикрытыхъ грязными, страшно засаленными лохмотьями, невольно думается, какую бы могли сослужить драгоцѣнную службу волокна конопли и кунджута, которые здѣсь засѣваются только изъ-за масла. Но, къ сожалѣнію, эти растенія другого примѣненія въ горахъ не имѣютъ, кромѣ упомянутаго. Въ праздничныя дни—а такими бывають: Нав-Рузъ (Новый Годъ, 8 марта) и Курбанъ-Байрамъ—дѣтей наряжаютъ въ чистыя рубашки. Кромѣ того, въ день Нав-Руза наравнѣ съ взрослыми

имѣ красятъ хеною ¹⁾ ногти рукъ, ногъ и концы пальцевъ. Хена, по мнѣнію таджиковъ, обладаетъ свойствомъ укрѣпляетъ ногти и придаетъ имѣ красивый изгибъ и гладкость; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каратегина и Дарваза хену употребляютъ не только въ день Нав-Руза, но и въ другіе праздники въ году, причемъ дѣтямъ красятъ, кромѣ того, волосы на головѣ и подошвы ногъ; послѣднее дѣлаютъ, по мнѣнію туземцевъ, кожу на подошвахъ твердою и нечувствительною, что очень важно, если принятъ во вниманіе постоянную ходьбу по гористой мѣстности и острыми камнями.

Желая хоть чѣмъ-нибудь порадовать своихъ дѣтей въ торжественные дни, родители наканунѣ послѣднихъ окрашиваютъ яйца, часть которыхъ отдаютъ дѣтямъ, часть оставляютъ у себя. Нечего и говорить, что радость дѣтей въ такіе дни бываетъ безпредѣльна. Да и мудро ли, если такое счастье выпадаетъ имъ въ году только разъ или два! И маленькій горецъ всегда съ затаенною радостью и нѣкоторою тревогою передъ праздниками спрашиваетъ своихъ родителей, много ли будутъ красить яицъ и какихъ больше: красныхъ или желтыхъ (окрашиваютъ только въ эти два цвѣта ²⁾). Въ самый день праздника, особенно если это бываетъ весною или лѣтомъ, весь кишлакъ выходитъ на улицу: взрослые, здороваясь другъ съ другомъ, обмѣниваются крашенными яйцами, а дѣти въ чистыхъ рубашонкахъ, съ выбритыми или стриженными головками, бережно прижимая къ груди такіе же яйца, съ ликующимъ видомъ спѣшатъ подъ тѣнь деревьевъ, на зеленѣющіе берега ручьевъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ, дѣвочки и мальчики, такъ же, какъ и у насъ на Пасху, начинаютъ катать яйца. И въ этой игрѣ проводятъ весь день съ утра до позднего вечера. Радости дѣтей радуются и взрослые: это катанье дѣтьми яицъ и ихъ ликованіе при этомъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, есть прославленіе дѣтскими сердцами всемогущаго Худо-Парвардигора, Который милостивымъ взоромъ вѣчнаго покровителя взираетъ на безгрѣшныхъ

1) Толченый корень *Balsaminae hortensis*.

2) Въ красный цвѣтъ яйца окрашиваются фуксиномъ и „руйаномъ“ (сухіе стебли *Rubiae peregrinae*, кипяченые въ водѣ), покупаемыми у заѣзжихъ купцовъ-узбековъ и равнинныхъ таджиковъ. Окраска въ желтый цвѣтъ достигается слѣдующимъ образомъ: высушиваютъ грибовидные наросты на стволахъ тутовыхъ деревьевъ и перетираютъ ихъ въ порошокъ, который бросаютъ въ кипящую воду, куда, затѣмъ, опускаютъ и яйца.

созданія—на дѣтей, и доволенъ, что они своею радостью чтятъ Его праздниѣ.

Подрастаетъ дитя, и если въ дѣтствѣ не сладка была для него жизнь, мало видѣлъ онъ радостей даже въ ту счастливую пору, то что сказать о взросломъ человѣкѣ? Суровая, окружающая природа постепенно охватываетъ и всецѣло подчиняетъ себѣ его, невооруженнаго противъ нея различными благами цивилизованной жизни. Сгибаясь подъ тяжестью выпавшей на его долю участи, безропотно переноситъ горецъ рѣзкую смѣну жары холодами, осеннюю и весеннюю непогоду и ненастье, зимній холодъ и стужу, и лишь жметъ онъ въ это время ближе къ очагу своей бѣдной хижинѣ, гдѣ ярко пылаетъ та стихія, которой, по его преданіямъ, въ сѣдой древности поклонялись его праотцы. Полагая въ большинствѣ случаевъ все свое благосостояніе въ земледѣліи, горецъ терпѣливо воздѣлываетъ самыми примитивными орудіями землю, изъ которой, по его вѣрованіямъ, Творцомъ былъ впервые вызванъ къ бытію человѣкъ. И нерѣдко трудъ земледѣльца приноситъ лишь горести разочарованія: пропадаетъ посѣвъ, вѣмерзаютъ всходы и проч. А впереди надвигается грозный призракъ голода и беспощадное требованіе исправнаго платежа податей ¹⁾. Сжимается сердце таджика, и часто, очень часто наивно спрашиваетъ онъ заѣзжаго въ его горы чужестранца: «Скажите, тюрка, скоро ли насъ возьметъ къ себѣ «Бѣлый Царь» (*Подшѣх-Сафѣд*)? У него, говорятъ, такъ хорошо житъ: податей платятъ мало и нѣтъ голода». Но молчитъ заѣзжій путникъ въ отвѣтъ на этотъ

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ взимаютъ годовую подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмиру: $\frac{1}{10}$ часть собраннаго за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и баранъ стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.), или же 12 тенговъ деньгами; съ бѣдныхъ же, взявъ масла и барана,—кусочъ «маты» стоимостью отъ 60 к. до 1 рубля. Въ пользу же мира, амлекдара, волостного старшины и ихъ прислуги сходить еще пуда по два хлѣба зерномъ, полпуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванія, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдности такіе поборы невыносимы, ибо если перевести на нашъ курсъ стоимость ихъ съ каждаго мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горецъ-таджикъ дастъ 2 пуда пшеницы ($\frac{1}{10}$ часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 р. 10 к. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп.; 20 фунтовъ масла стоятъ, приблизительно, 5 рублей, баранъ—три рубля, или столько же деньгами; итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вмѣсто барана и масла положить кусочъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 5. Если прибавить еще столько же на мѣстныя власти, то непосильность платежа такихъ поборовъ станетъ очевидною. Недоимокъ же не полагается: для ихъ устраненія существуютъ многія, весьма радикальныя, мѣры.

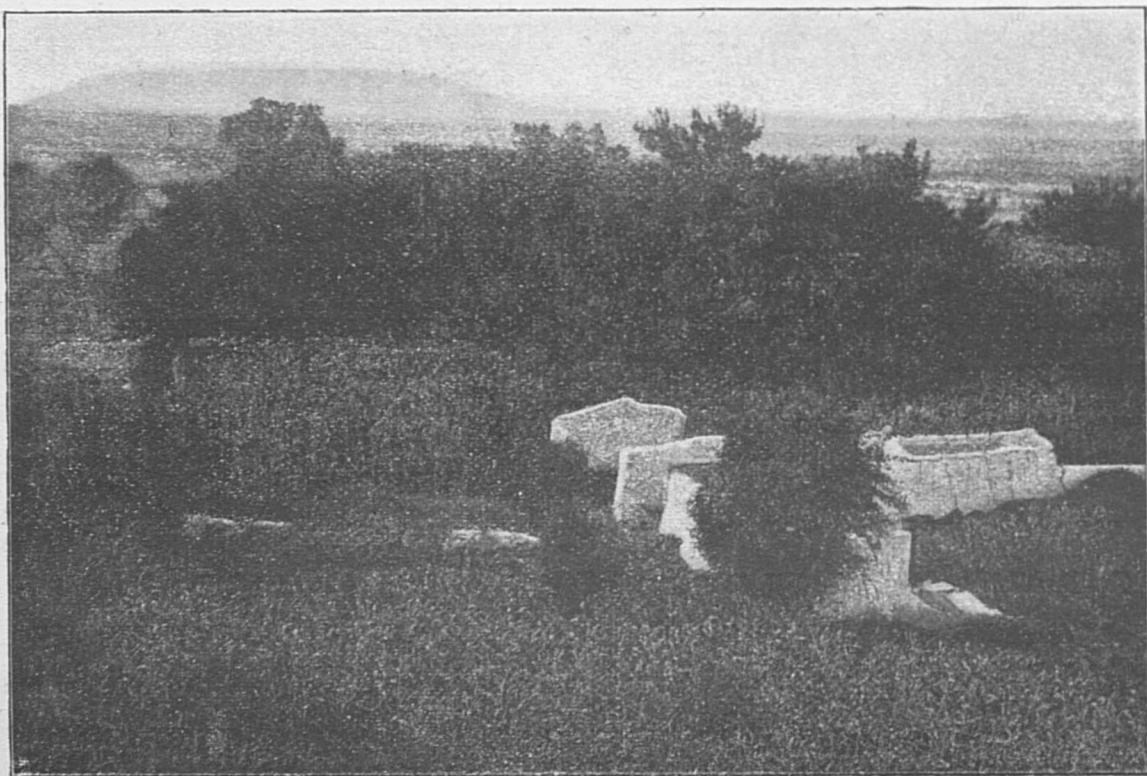
вопросъ, и горецъ изъ силъ выбивается, стараясь заработать кусокъ хлѣба себѣ и своей семьѣ въ занятіяхъ какимъ-либо кустарнымъ промысломъ, промываніемъ золота и проч., или же бредетъ пѣшкомъ за сотни верстъ, на чужбину, искать работы, чтобы прокормить свою семью и уплатить подати. Безбоязненно и легко проходитъ онъ высокіе перевалы на пути и опасныя дороги со всевозможными карнизами и балконами, не останавливаютъ его и широкія бурливыя горныя рѣки. Всѣмъ извѣстный бурдюкъ (*санѳч*, *сангоч*¹⁾) замѣняя ему въ дорогѣ сумку для путевыхъ запасовъ, служить и для переправы черезъ рѣки. Для этого горецъ-таджикъ кладетъ снятое платье въ сангочъ, надуваетъ послѣдній воздухомъ и, туго завязавъ отверстіе, подвязываетъ бурдюкъ поясомъ спереди туловища, между ногъ; затѣмъ, войдя въ рѣку, ложится на воду и переплываетъ на другой берегъ²⁾.

На чужбинѣ, перенося различныя лишенія и насмѣшки окружающихъ надъ своею наивною, горецъ живетъ лишь одною мѣслю о своей семьѣ и родныхъ горахъ. Къ нимъ стремится его сердце, и, скопивъ кое-что изъ своего скуднаго заработка, на крыльяхъ радости онъ слѣшитъ подъ родное небо. Тамъ ему дороги каждый кустъ, каждый камень, тамъ мила ему родная природа, съ ея шапкообразными карагачами, могучими раскидистыми деревьями грецкаго орѣха или съ низкорослыми березками и трепетнолистными осинами; дороги ему и прохладная тѣнь дубравъ въ жаркій полдень, и зимнія вьюги и непогоды. Даже болѣзнь не удерживаетъ горца-таджика на чужой сторонѣ, и если только онъ въ состояніи двигаться, то тащится въ родной кишлакъ. Тамъ онъ, на дорогой родинѣ, легче умереть, если суждено ему умереть, и скорѣе выздоровѣть, если Худо не изгладилъ его изъ книги жизни, ибо велика цѣлебная сила наговоровъ своихъ знахарей и непостижима чудодѣйственность родныхъ «мазаровъ» (гробницы святыхъ). Въ самомъ дѣлѣ, если влюбишься въ кого, а тебѣ не отвѣчаютъ взаимностью, иди къ муллѣ или какому-либо вѣдуну, и они прочтутъ тебѣ наговоръ на хлѣбъ, соль или какое-либо лакомство;

1) У равнинныхъ таджиковъ — «губсаръ».

2) Слѣдуетъ замѣтить, что при переправахъ чрезъ большія горныя рѣки въ большинствѣ случаевъ на бурдюкахъ переправляются партіями, сцепившись между собою руками и ногами.

кому хочешъ дай наговоренное—ни одно сердце не устоитъ противъ тебя, и муки души твоей пройдутъ безслѣдно. Сглазилъ кто-нибудь—отрѣжь тайно лоскутъ отъ платя сглазившаго, зажги на огнѣ и этимъ дымомъ окури больного: болѣзнь сниметъ какъ рукою. Заболѣлъ лихорадкою или другою какою-либо болѣзнью—иди къ муллѣ или позови его къ себѣ; онъ завяжетъ толстую нитку узлами, прочтетъ надъ каждымъ узломъ заговоръ и надѣнетъ эту нитку больному на шею. Не хочешь обращаться къ муллѣ или знахарю—отправься къ наиболѣе чтимому мѣст-

К л а д б и щ е.

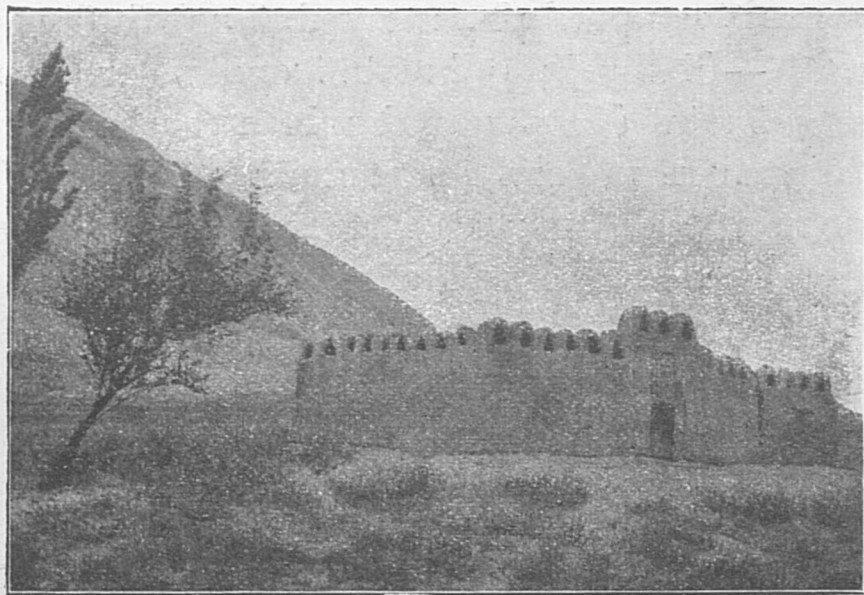
ному мазару и горячо помолись у гробницы святого, а если имѣешь состояніе, то принеси тамъ жертву. Или же повѣсь на «дерево обѣтовъ» кусокъ матеріи и поклянись, что если выздоровѣешь, то поставишь столько-то зажженныхъ свѣчей въ камнѣ подлѣ мазара или мечети, и болѣзнь пройдетъ безслѣдно.

Въ борьбѣ съ природой изъ-за засушнаго хлѣба проходитъ вся жизнь горца-таджика. Мало ему выпадаетъ свѣтлыхъ дней въ жизни, и не мудрено, что преждевременная старость и истощеніе являются его пожизненными спутниками, не мудрено,

что число дѣтей, нерѣдко и при многоженствѣ, бываетъ незначительно: одинъ-два, много двое-трое. Но вѣчная жизнь въ скудости не изгнала изъ сердца горца бодраго, веселаго духа; не сталъ онъ мрачнымъ и угрюмымъ. Часто раздаются его смѣхъ и часто пѣсни и пляски изъ конца въ конецъ оглашаютъ горныя кишлаки. Любитъ онъ свои родныя горы и, довольный и по-своему счастливый, живетъ въ родномъ кишлакѣ до самой смерти въ блаженномъ невѣдѣніи все мятущейся жизни цивилизованнаго человѣка.

Приходитъ время умирать—таджикъ оставляетъ этотъ міръ съ твердымъ сознаніемъ того, что тамъ, за гробомъ, его также ждетъ жизнь, именно:

если онъ жилъ на землѣ добродѣтельно, жалѣлъ несчастныхъ и нищихъ, любилъ людей, говорилъ правду, оказывалъ гостепріимство, избѣгалъ ссоръ, не дѣлалъ никому зла,—его душа будетъ жить въ раю (*бахъишт*), наслаждаясь блаженствомъ и созерцая славу Предвѣчнаго Творца міровъ. Если же онъ велъ зазорную, худую жизнь, не любилъ людей, говорилъ неправду и сѣялъ зло, то Худо помѣститъ его душу въ аду (*дузâх*), гдѣ она и будетъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ.

Фамильный склепъ богатыхъ людей. (Снято близъ «Калаи-Рохарва», на Ванджѣ).

И не одинокій умираетъ онъ: при послѣднемъ разставаніи души съ тѣломъ у одра умирающаго собираются его семейные и родственники, они принимаютъ его послѣдній вздохъ и закрываютъ его глаза. Они обмываютъ покойника, завертываютъ его въ бѣлый саванъ изъ маты и хоронятъ по обрядамъ религіи Пророка, причемъ нѣтъ нужды, если за неимѣніемъ настоящаго муллы похоронныя молитвы прочтетъ кто-нибудь изъ грамотныхъ односельчанъ. На могилѣ накладываютъ небольшую груду

камней, сверху которой наваливаютъ колючій хворостъ, во многихъ же мѣстахъ въ изголовьѣ послѣдняго успокоенія умершаго человѣка втыкаютъ высокій шестъ съ насаженнымъ на него деревяннымъ голубемъ (*кафтър*), символомъ неоскверненной человѣческой души, взлетѣвшей къ своему Творцу.

У знатныхъ лицъ существуютъ особыя фамилныя кладбища: рядъ могилъ, обнесенныхъ высокою, иногда зубчатою глинобитною стѣною, въ которую ведетъ затѣйливо рѣзная дверь.

Скорбь по утерянномъ членѣ семьи, помимо присущаго всему человѣчеству плача, выражается также и трауромъ, ношеніе котораго свойственно, кажется, лишь однимъ женщинамъ. Его цвѣтъ бываетъ различенъ, смотря по мѣстности: въ Каратегинѣ, на примѣръ, траурный цвѣтъ бываетъ краснымъ, въ Дарвазѣ—бѣлымъ; обычнѣйшій срокъ его ношенія—день, но если покойникъ былъ примѣрнымъ мужемъ или хорошимъ сыномъ, то трауръ носятъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ и даже цѣлаго года, не говоря о траурѣ души, которѣй туземная женщина способна носить по дорогомъ ей человѣкѣ всю жизнь въ своемъ сердцѣ. Проходятъ дни, уносятся циклы лѣтъ¹⁾, а таджичка время-отъ-времени заходитъ на знакомую ей могилу и, вспоминая объ умершемъ, пролетѣть подчасъ не одну слезу надъ дорогимъ ей прахомъ.

1) Въ горахъ неизвѣстно лунное счисленіе, котораго здѣсь придерживаются лишь муллы. Всѣ мѣстные туземцы слѣдуютъ солнечному счисленію, введенному на Востокъ въ XI вѣкѣ сельджукскимъ султаномъ Малек-Шахомъ и позаимствованному у китайцевъ. По этому счисленію годъ считается отъ одного весенняго равноденствія до другого и состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ, каждый въ 30 дней; недостающіе 5 дней прибавляются къ послѣднему мѣсяцу. Года распределяются по цикламъ; каждый циклъ заключаетъ въ себѣ 12 лѣтъ, которыя слѣдуютъ у горцевъ-таджиковъ въ такомъ порядкѣ: 1-й—годъ мыши (*сѳли-мѳи*), 2-й—годъ быка (*сѳли-бакър*), 3-й—годъ леопарда (*сѳли-паланг*), 4-й—годъ зайца (*сѳли-харгѳи*), 5-й—годъ крокодила (*сѳли-нахъанг*), 6-й—годъ змѣи (*сѳли-мѳр*), 7-й—годъ лошади (*сѳли-асп*), 8-й—годъ барана (*сѳли-чупъанд*), 9-й—годъ обезьяны (*сѳли-хамдунъ*), 10-й—годъ курицы (*сѳли-мѳри*), 11-й—годъ собаки (*сѳли-саг*) и 12-й—годъ свиньи (*сѳли-хѳѳк*). (О лѣтосчисленіи циклами см. статью Терентьева «О мусульманскомъ лѣтосчисленіи», приложенную къ его «Хрестоматіямъ: турецк., персидск., киргизск. и узбекской». Изд. 1876 г. Спб.).

Распределеніе на часы неизвѣстно: пору дня опредѣляютъ просто по солнцу или по намазамъ.

Глава VII.

Образцы памятниковъ народного творчества.

Помѣщаемъ ниже нѣскольکو, по нашему мнѣнію, наиболее интересныхъ басенъ и сказокъ горцевъ-таджиковъ записаны въ разныхъ мѣстахъ Кухистона и первоначально были помѣщены въ нашихъ «Матеріалахъ для изученія нарѣчія горныхъ таджиковъ Центральной Азіи»; находя, что въ данномъ случаѣ дословность въ передачѣ ихъ на русскій языкъ была бы не совсѣмъ уместна, мы позволили себѣ мѣстами допустить нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, небольшія, уклоненія отъ оригинала. Полагаемъ, что отъ этого суть предлагаемыхъ памятниковъ народного творчества и, такъ сказать, ихъ индивидуальная окраска особенно не пострадали. Вѣроятно, большинству читателей нижепомѣщаемыя сказки и басни отзовутся чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ съ дѣтства, хотя и слышаннымъ или читаннымъ въ ту пору совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ другой формѣ, чѣмъ онѣ предлагаются здѣсь. Это обстоятельство лишній разъ доказываетъ общность идей и образовъ человечества, хотя бы тѣ или другіе представители послѣдняго стояли на различныхъ ступеняхъ культуры.

Подобно впечатлѣніямъ ранняго дѣтства, навсегда сохраняемымъ въ сердцахъ, не въ примѣръ событіямъ болѣе позднихъ лѣтъ, такіе памятники народного творчества, слагаясь въ младенчествѣ народовъ, потомъ помнятся послѣдними и въ періодъ возмужалости и во время старости, когда, «въ предѣлахъ земныхъ совершивъ все земное», они достигаютъ вершинъ культуры и цивилизаціи.

I.

Оселъ, Левъ, Верблюдъ и Волкъ.

Б а с н я ¹⁾.

Одинъ начальникъ каравана велъ караванъ изъ десяти верблюдовъ и десяти ословъ въ Китай. Дорогою одинъ верблюдъ и одинъ оселъ настолько изнурились, что онъ принужденъ былъ бросить ихъ въ пустынь на произволъ судьбы. Оставленный Оселъ напился пьянымъ и сказалъ своему товарищу Верблюду:

— Давай запоемъ пѣсни.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Верблюдъ,—нелзя этого дѣлать: услышитъ Левъ, придетъ и съѣстъ насъ.

Но не послушался Оселъ предостереженій Верблюда и затянулъ пѣсню. Пришелъ Левъ. Верблюдъ, увидя его, сказалъ Ослу:

— Ну, не говорилъ ли я тебѣ: не пой пѣсни. Вотъ Левъ и пришелъ.

И сказалъ Левъ:

— Сейчасъ съѣмъ Осла.

Но Оселъ сказалъ на это Льву:

— Постою, давай-ка побьемся о закладъ: кто изъ насъ достанетъ мозгъ земли, тотъ и съѣстъ другого.

Левъ согласился на это. А надо замѣтить, что Оселъ до прихода Льва зарылъ въ землю горшокъ съ кислымъ молокомъ. Сколько Левъ ни копалъ земли, не могъ найти въ ней мозга, Оселъ же сразу нашелъ; вырылъ горшокъ съ кислымъ молокомъ и подбросилъ его за ручку до самого неба. Затѣмъ устремился на Льва съ крикомъ:

— Ну, теперь я съѣмъ тебя!

Испугался Левъ, что ему грозитъ опасность быть съѣденнымъ и побѣжалъ безъ оглядки. Попадаетъ ему навстрѣчу Волкъ.

— Что ты бѣжишь, Левъ?—спрашиваетъ тотъ.

¹⁾ Записано со словъ Ходжи-Назара, изъ кишлака Дѣи-Ходжа-Али, на одномъ изъ притоковъ р. Сурхоба, въ Каратегинѣ.

— Какъ же мнѣ не бѣжатъ: меня хочетъ съѣсть Оселъ,—отвѣчаетъ Левъ.

— Вернись,—началъ Волкъ уговаривать Льва,—у меня есть съ Осломъ старыя счеты: надо мнѣ получить съ него прежній долгъ, сорокъ кусковъ мяса. Вернись, мы вмѣстѣ и съѣдимъ Осла!

Но Левъ изъ боязни не соглашался. Тогда Волкъ посовѣтовалъ Льву сдѣлать слѣдующее:

— Чтобы намъ не разъединиться, надѣнь ты веревку съ петлею на мою шею, а петлю на другомъ концѣ веревки закрѣпи на своей шеѣ.

Послушался Левъ и поступилъ по совѣту Волка. И пошли они назадъ къ Ослу. Послѣдній, увидѣвъ ихъ, заревѣлъ что есть силы. Левъ опять испугался и побѣжалъ, потащивъ за собою на арканѣ и Волка, такъ что тотъ задушился и издохъ.

II.

Человѣкъ и Змѣя.

Б а с н я ¹⁾.

Былъ одинъ человѣкъ. Отправился онъ въ путь и дошелъ до лѣса, который былъ объятъ пламенемъ. На вершинѣ одного изъ деревъ увидѣлъ онъ Змѣю, которая сказала тому человѣку:

— Вытащи меня изъ огня.

— Нѣтъ, Змѣя,—сказалъ Человѣкъ,—не вытащу я тебя изъ огня.

— Почему?

— Да потому, что ты меня ужалишь.

— Клянусь тебѣ, что не ужалю тебя,—сказала Змѣя.

Повѣрилъ ей Человѣкъ, сдѣлавъ изъ веревки петлю, забросилъ ее на дерево, захватилъ Змѣю и вытащилъ изъ огня. Потомъ сказалъ:

— Ну, Змѣя, вымѣзай теперь изъ моей петли.

— Нѣтъ,—отвѣчала Змѣя,—не вымѣзу я и ужалю тебя.

¹⁾ Записано со словъ Сохиб-Назара, изъ кишлака Техарвъ, въ верховьяхъ р. Ванджа въ Дарвазѣ.

И взмолился тогда Человѣкъ:

— Не кусай ты меня безъ свидѣтелей.

И пошли они искать свидѣтелей. Пришли къ Ивѣ.

— Скажи, чѣмъ платится за добро?—спросилъ Человѣкъ у дерева.

— За добро платятъ зломъ,—отвѣтила Ива.

Восторжествовала Змѣя и сказала:

— Ужалю тебя, а вонъ не вѣлѣзу.

Но Человѣкъ просилъ Змѣю идти далѣе. Пошли они далѣе и пришли къ Лисѣ.

— Эй, Человѣкъ, что ты пришелъ?—спросила Лисица.

— Да вотъ Змѣя не пускаетъ меня: ужалитъ хочетъ.

И сказала Лиса:

— Змѣя, вѣлѣзъ-ка изъ петли Человѣка, я посмотрю на тебя.

Змѣя вышла и поползла.

— Человѣкъ, бей ее палкою,—закричала Лиса.

Человѣкъ ударилъ Змѣю палкою и убилъ. Такъ онъ освободился отъ нея и пошелъ далѣе. Великъ Господь!

III.

Сынъ визиря.

Сказка ¹⁾.

Жилъ-былъ одинъ царь, былъ у него визирь. Однажды царь сказалъ визирю: «Собери со всего царства молодыхъ людей по парѣ, т.-е. чтобы каждому юношѣ приходилось по дѣвушкѣ-ровесницѣ. Мы ихъ всѣхъ, начиная съ твоего сына и моей дочери, перевѣнчаемъ». Сталъ визирь исполнять приказаніе царя, но во время сборовъ молодежи умеръ. У визиря хотя и былъ сынъ юноша, но царь не исполнилъ своего обѣщанія: не отдалъ за него своей дочери.

— Матушка,—обратился однажды молодой человѣкъ къ матери,—сходи къ царю, попроси его выдать за меня дочь. Если

¹⁾ Записано со словъ того же Сохиб-Назара, изъ кишлака Техарвъ, въ верховьяхъ р. Ванджа.

же онъ не согласится, то пусть хоть дать мнѣ сколько-нибудь денегъ.

Пошла старуха къ царю и повторила просьбу сына. Царь вынулъ три золотыхъ и далъ женѣ визиря. Та принесла деньги домой и отдала ихъ сыну. Тотъ взялъ ихъ и отправился на базаръ. Видитъ онъ—трое людей хотятъ убить котенка. Далъ имъ молодой человекъ за него три золотыхъ и принесъ котенка къ себѣ домой.

На базарѣ въ г. Каратагѣ (въ Хисарѣ).

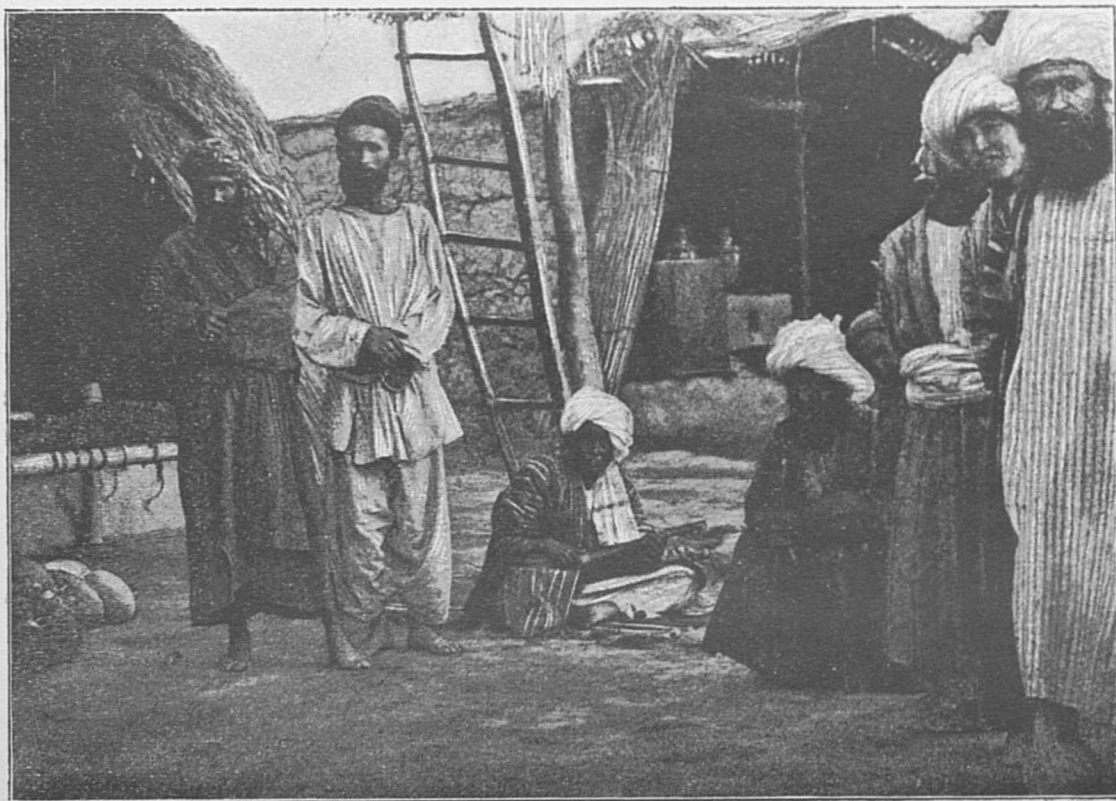
— Неужели, дитя, ты заплатилъ за котенка три золотыхъ?—спросила его матъ.

— Матушка,—отвѣчалъ юноша,—его хотѣли убить, а я спасъ его отъ смерти.

Опять пошла его матъ къ царю, принесла другіе три золотыхъ и опять отдала сыну. Снова тотъ понесъ эти деньги на базаръ. Видитъ—трое людей хотятъ убить щенка. Заплатилъ онъ за него три золотыхъ и принесъ щенка домой. Горько заплакала матъ, увидя сына со щенкомъ, и сказала:

— Дитя мое, ты истратилъ шесть золотыхъ и приобрѣлъ лишь котенка и щенка.

Въ третій разъ отправилась бѣдная женщина къ царю и, получивъ отъ него еще три золотыхъ, попрежнему отдала ихъ сыну, а онъ опять понесъ эти деньги на базаръ. Понравился тамъ ему одинъ сундукъ, купилъ онъ его и принесъ къ матери. Едва послѣдняя подняла крышку сундука, какъ вышелъ изъ него драконъ, да такой страшный и громадный, что нижняя губа его—на землѣ, а верхняя доходитъ до неба. Увидя это

На базаръ въ Патта-Хисаръ (на Аму-Дарьѣ).

чудовище, жена визиря упала въ обморокъ; очнувшись, она сказала сыну:

— Удали, ради Бога, отъ меня этого дракона!

Юноша положилъ дракона обратно въ сундукъ, закрылъ крышку и понесъ его къ его отцу. Въ видъ подарка за принесенное дѣтище, драконъ подарилъ сыну визиря перстень стоимостью въ одинъ поясъ земли¹⁾. Юноша понесъ этотъ перстень на базаръ и, продавъ его, такъ много привезъ денегъ, что весь замокъ царя наполнилъ ими. И царь вѣдалъ свою дочь

¹⁾ По мнѣнію мусульманъ, вся земля дѣлится на семь поясовъ.

за сына визиря, и тотъ сталъ обладателемъ на землѣ полного счастья. Да, достигнемъ и мы такого счастья по милосердію Того, Кто самый Милостивый изъ милосердныхъ.

IV.

Сказка о курильщикѣ опія и о его мнимомъ богатствѣ ¹⁾.

Былъ одинъ курильщикъ опія ²⁾; сидѣлъ онъ однажды въ банѣ; кончилъ курить и собирался уже выходить изъ бани, какъ туда вошелъ какой-то купецъ изъ Балха и крикнулъ ему:

— Эй, носильщикъ!

Продавецъ опія подбѣжалъ къ нему:

— Къ вашимъ услугамъ!—сказалъ онъ.

— Отнеси-ка вотъ это кислое молоко въ мою квартиру, и сколько это стоитъ?—сказалъ купецъ.

— Полъ-тенгги.

— Одну мирі я дамъ тебѣ.

Курильщикъ согласился и взялъ горшокъ съ молокомъ. Идя, онъ размечтался.—На эту монету,—говорилъ онъ,—которую мнѣ дастъ купецъ, я куплю себѣ курицу, она мнѣ снесетъ тридцать яицъ. Изъ тридцати яицъ будутъ у меня цыплята. Каждый цыпленокъ снесетъ мнѣ по яйцу, и изъ этихъ яицъ выведется множество куръ; число ихъ достигнетъ тысячи лаковъ ³⁾. Продавъ куръ, я сдѣлаюсь богачемъ и накуплю себѣ барановъ, нѣсколько тысячъ барановъ. Затѣмъ женюсь, жену возьму либо у царя, либо у купца, либо у поселанина. Лучше возьму у царя дочь. Пошлю сватовъ къ царю. Царь согласится, выдастъ за меня свою дочь, за нею дастъ большой калымъ. Приведу я ее въ свой домъ и скажу: «дочь царя, приготовь-ка какое-либо кушанье, чтобы я поѣлъ; а потомъ и время проведу весело!» Позоветъ царица невольницу, прибѣжитъ на ее зовъ молодая дѣвушка, а она ей скажетъ: «приготовь-ка кушанье, я покушаю съ моимъ мужемъ, а потомъ предадимся удовольствіямъ!» Дѣвуш-

1) Записано со словъ муллы Давлята, изъ кишлака Сарха, въ верховьяхъ Оби-Хингоу.

2) Въ оригиналѣ *бани*, что значитъ *курильщикъ* „*бани*“ (растенія, извѣстнаго въ ботаникѣ подъ именемъ *Datura-stramonium*).

3) Лакъ=100.000.

ка побѣжитъ приготовлять кушанье. Поѣдимъ, и я скажу: «ну' теперъ я покурю.» — «Отлично», скажетъ моя жена. Придетъ невольница за кушаньемъ, а я курю. Покуривши, скажу своей женѣ: «принеси-ка мнѣ воды. Я вымою себѣ руки!» Жена отвѣтитъ: «вѣдѣ я дочѣ царя, не подамъ тебѣ воды!» — «Что же ты не подашь, — я твой мужъ!» закричу я. — «Ты курильщикъ опія, безумецъ, и я не подамъ тебѣ воды!» «О ты, дочѣ проклятаго, принеси воды!» закричу я; жена опять начнетъ возражать: «твой

На базарѣ въ «Мумин-Абадѣ» на одномъ изъ притоковъ Ях-Су).

отецъ—проклятѣй, ты—курильщикъ опія, воръ, нищій!» — Тогда я вѣйду изъ терпѣнія и позову палача, а жена кликнетъ слугъ. Я разсержусь, вскочу съ мѣста и ударю жену; та закричитъ палачамъ. Явятся двое палачей, обнажатъ мечи и ударятъ меня по головѣ».

Но не попали палачи по головѣ его, а попали по горшку съ кислѣмъ молокомъ, которѣй и разбился вдребезги ¹⁾. Въ

¹⁾ Т.-е. курильщикъ опія до такой степени увлекся своими мечтами, что вообразилъ, будто бы палачи хотятъ его ударить, и выпустилъ горшокъ изъ рукъ.

это время возвращавшійся изъ бани купецъ нагналъ курилбщика опія и спрашиваетъ его: «для чего ты разбилъ горшокъ?»—Курилбщикъ опія отвѣчалъ: «палачъ царя ударилъ меня по головѣ, но не попалъ по ней, а по горшку, и разбилъ его».—Купецъ ударилъ его два раза пинкомъ, курилбщикъ опія пустился бѣжать, не получивъ обѣщанныхъ ему денегъ. Такъ ему и не пришлось быть богачемъ.

V.

О продѣлкахъ Ашур-Айора и его жены.

Сказка ¹⁾.

Жилъ-былъ на свѣтѣ человѣчище по имени Ашур-Айоръ, имѣлъ онъ жену по имени Ашур-Бика-Джонъ. Случилось однажды, что нѣчего имъ было ѣсть. Всталъ Ашур-Айоръ и пошелъ искать пропитанія, а жена его отправилась къ Судбѣ съ просьбой:

— Ашур-Айоръ у меня ушелъ изъ дома и умеръ. Дайте, ради Бога, сиротамъ хоть сколько-нибудь муки!

Далъ Судбѣ Ашур-Бика-Джонъ чашку муки и спрашиваетъ ее:

— Не удостоишь ли ты меня своею благосклонностью?

— Какъ настанетъ ночь, захватите барана и побольше муки и приходите ко мнѣ,—шепнула та Судбѣ.

Судбѣ съ радостью исполнилъ все, что ему сказала Ашур-Бика-Джонъ: принесъ къ ней вѣ домъ муки, привелъ барана и пригласилъ гостей. Зарѣзали барана; Ашур-Бика-Джонъ наварила разныхъ кушаній и началась пирушка. Когда гости разошлись, Судбѣ остался у «вдовы» ночевать. Но ночью пришелъ Ашур-Айоръ и сталъ стучаться вѣ дверь. Испугался Судбѣ и спрашиваетъ женщину:

— Что мнѣ дѣлать?

— Ложись скорѣе вѣ колыбель,—сказала ему Ашур-Бика-Джонъ и затѣмъ впустила мужа. Войдя вѣ домъ и осмотрѣвшись, Ашур-Айоръ спросилъ жену:

— Что это вѣ колыбели?

— Ребеночка Богъ послалъ,—отвѣчала та.

¹⁾ Записано со словъ Махмед-Сафида, изъ кишлака Пошхарвъ, на р. Пянджѣ, вѣ Дарвазѣ.

Подошелъ Ашур-Айоръ поближе къ колыбели и видитъ, что у «ребенка» ноги высунулись изъ колыбели и торчатъ.

— Послушай-ка,—обратился Ашур-Айоръ къ женѣ,—принеси мнѣ топоръ: я укорочу ребенку немного ножки.

Перепугался Судья, услышавъ это, вскочилъ и вмѣстѣ съ колыбелью убѣжалъ домой ¹⁾.

Прошло послѣ того нѣсколько времени, и опять насталъ въ семьѣ Ашур-Айора голодъ. Вышелъ Ашур-Айоръ изъ дому, а жена его пришла къ Райсу ²⁾ и повторила ему ту же просьбу, что когда-то говорила и Судьѣ. Понравилась Ашур-Бика-Джонъ Райсу и тотъ предложилъ ей войти за него замужъ.

— Согласна,—отвѣчала «вдова»,—берите больше муки и приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Настала ночь; взялъ Райсъ муку, собралъ гостей и пришелъ съ ними къ невѣстѣ. Та наварила похлебки, и пошелъ пиръ горой. Когда гости ушли, Райсъ и говоритъ Ашур-Бика-Джону:

— Постели постель и ляжемъ спать.

Легли. Вдругъ въ дверь постучался Ашур-Айоръ и закричалъ женѣ:

— Отопри-ка дверь!

— Что мнѣ дѣлать?—въ испугѣ заметался Райсъ.

— Завернись скорѣй въ коровью шкуру, авось Ашур-Айоръ тебя не увидитъ,—сказала Ашур-Бика-Джонъ и пошла отпирать мужу двери. Райсъ же завернулся въ коровью шкуру и сталъ въ углу у двери ³⁾.

Вошелъ Ашур-Айоръ и, заглянувъ за дверь, спросилъ жену:

— Чья это корова?

— Райса,—отвѣчала та.

— Давай-ка убьемъ ее,—предложилъ женѣ Ашур-Айоръ,—и съѣдимъ.

Испугался Райсъ и опрометью, какъ былъ въ шкурѣ, убѣжалъ домой.

¹⁾ Надо замѣтить, что колыбели всюду на Востокѣ дѣлаются съ однимъ или двумя полукруглыми надъ ними ободьями. Поэтому чтобы влѣзть въ колыбель или вылѣзть изъ нея взрослому, нужно подлѣзть подъ эти ободья.

²⁾ Райсъ—начальникъ вообще.

³⁾ Двери хона въ большинствѣ случаевъ открываются внутрь помѣщенія, почему райсъ и сталъ у двери въ углу въ надеждѣ, что вошедшій Ашур-Айоръ, отворивъ дверь, не увидитъ его въ комнатѣ.

На другой день Ашур-Айоръ говоритъ женѣ:

— До сегодняшняго дня ты добывала пропитаніе дѣтямъ, нынѣ же ты оставайся дома: займусь этимъ дѣломъ я.

Купилъ Ашур-Айоръ осленка и погналъ его по улицѣ. Попадаются ему навстрѣчу трое прохожихъ.

— Что у тебя за оселъ?—спрашиваютъ они Ашур-Айора.

— Этотъ оселъ дорогого стоитъ,—отвѣчаетъ Ашур-Айоръ:—когда онъ испражняется, я его толкаю ногою, и онъ извергаетъ денѣги.

Подивились прохожіе такому диковинному ослу и купили его у Ашур-Айора за двѣсти тенѣговъ. Получилъ Ашур-Айоръ денѣги и понесъ ихъ къ себѣ домой. Новыя же владѣльцы осла сколько ни толкали послѣдняго, онъ, къ сожалѣнію, ничего не извергалъ, кромѣ того, что ему было свойственно по его природѣ.

— Ахъ, мерзавецъ,—ругались обманутые люди,—Ашур-Айоръ обманулъ насъ. Поведемъ осла обратно къ хозяину и возвемъ денѣги назадъ.

Привели осла къ Ашур-Айору, вошли въ хона; видятъ, жена Ашур-Айора умерла и онъ сидитъ около нея съ палкой въ рукѣ.

— Къ чему у тебя палка?—удивились люди.

— Эта палка оживляетъ мертвецовъ,—отвѣтилъ Ашур-Айоръ и, поднявъ палку, ударилъ ею по мертвой женѣ: жена тотчасъ же ожила и встала. И сказали люди про себя:

— Купимъ эту чудесную палку и много приобрѣтемъ богатства.

Приобрѣли они эту палку у Ашур-Айора за двѣсти тенѣговъ и ушли.

Разнеслась вѣсть, что умеръ царь; слуги его случайно встрѣтили людей, купившихъ палку у Ашур-Айора, и когда послѣдніе рассказали, что у нихъ за палка, слуги царя стали ихъ упрашивать пойти и оживить умершаго царя. «Мы вамъ много за это всякаго добра дадимъ», говорили они.

Пришли владѣльцы чудодѣйственной палки во дворецъ и ударили ею по трупъ царя; но сколько ни били его, покойникъ не ожилъ, и со срамомъ и побоями изгнали ихъ изъ дворца царедворцы. И пришли эти люди опять къ Ашур-Айору, но дома застали одну грустную его жену. На ихъ вопросъ, гдѣ Ашур-Айоръ, Ашур-Бика-Джонъ сказала, что онъ умеръ. Пришли люди къ могилѣ Ашур-Айора и видятъ, что изъ нея подымается пламя.

— Подбломъ ему, окаянному,--сказали они:--сожралъ онъ наши денѣги: вотъ теперѣ его огонь и палитъ въ могилѣ.

Разрыли они могилу Ашур-Айора и каждый по-очереди хотѣлъ осквернить ее. Но едва первый расположился на могилѣ, Ашур-Айоръ изо всей силы ударилъ того человѣка молотомъ въ задъ, такъ что онъ тотчасъ же испустилъ духъ, двое же другихъ его товарищей со страху бросились бѣжать. Ашур-Айоръ же возвратился къ себѣ въ домъ и счастливо зажилъ. Мы его въ такомъ положеніи и понынѣ видимъ.

VI.

Лисица и Перепелка.

Б А С Н Я ¹⁾.

Жила-была на свѣтѣ Лисица. Однажды летѣла Перепелка, и прямо на Лису; испугалась послѣдняя и убѣжала, а потомъ, подкарауливъ птичку, схватила ее.

— За что ты меня схватила, Лиса?—спрашиваетъ Перепелка.

— Ты меня напугала, и вотъ я тебя схватила, чтобы съѣсть,—отвѣчала Лисица.

— Я тоща, не ѣшь меня,—взмолилась Перепелка.

— Нѣтъ, шалишь, съѣмъ,—не слушала Лиса.

— Я буду твоимъ другомъ и буду кормить тебя,—говорила птичка.

— Какъ это ты сдѣлаешь?—спросила Лиса.

— Ты видишь вонъ того человѣка?

— Вижу.

— Его жена готовитъ теперь пищу, чтобы отнести ее мужу,—сказала Перепелка.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени показалась женщина, несшая мужу пищу.

— Посиди пока здѣсь,—сказала Перепелка Лисицѣ и порхнула на дорогу.

¹⁾ Записано со словъ Махмед-Джалиля, изъ кишлака Круговатъ, на р. Пянджѣ, въ Дарвазѣ.

«Дай-ка я поймаю эту птичку»,—подумала женщина и, поставивъ чашку съ пищею, бросилась ловить Перепелку. Лисица же воспользовалась этимъ временемъ, выбѣжала изъ-за своей засады, и прямо къ чашкѣ; поѣла всю пищу и, испражнившись въ чашку, опять прикрѣпила ее крѣпкой. Улетѣвшая отъ женщины Перепелка подлетѣла къ Лисицѣ и спрашиваетъ ее:

— Поѣла?

— Поѣла,—отвѣчала та.

Женщина же, бросивъ ловить Перепелку, вернулась къ оставленной чашкѣ, взяла ее, поставила на голову и отправилась къ мужу. Когда тотъ взялъ отъ жены чашку и снялъ крѣпкую съ нее, то вмѣсто пищи увидалъ лисій пометъ.

— Это что такое?—спросилъ онъ жену.

— Это пометъ Лисицы,—сказала жена.

Схватилъ человекъ палку и сталъ бить жену, приговаривая: «почему ты не принесла мнѣ пищи?» Сильно избилъ онъ женщину, такъ что та съ плачемъ убѣжала домой.

— Ну, теперь я свита, пойдемъ далѣе,—сказала Лисица.

Пошли далѣе. Черезъ нѣсколько времени дошли до одной деревни и, взобравшись на крѣпкую одного хона, заглянули внутрь хижинъ; видятъ, подлѣ очага сидятъ мужчина и женщина.

— Подожди здѣсь, а я влечу въ хижину,—сказала Перепелка Лисѣ и вспорхнула въ хона.

Женщина, увидя Перепелку, сказала мужу:

— Вотъ эта птичка обманула меня, затвори-ка дверь: сейчасъ мы ее поймемъ.

А надо замѣтитъ, что женщина была та самая, у которой Лисица поѣла кушанье въ чашкѣ.

Мужъ притворилъ дверь, Перепелка порхнула на постель.

— Постой,—сказалъ мужъ,—я ее убью.

— Нѣтъ,—отвѣтила жена,—убью ее я.

Схватилъ мужъ камень и пустилъ имъ въ Перепелку, но не попалъ въ нее, а въ своего ребенка-сына, который тутъ же и умеръ.

— Ты убилъ нашего сына!—закричала женщина, а птичка перелетѣла съ постели и сѣла на край котла, въ которомъ варили пищу. Въ гнѣвъ женщина схватила большой ковшъ, а мужъ палку, при чемъ и та и другой бросились за Перепелкой съ крикомъ: «вотъ я убью ее!» Замахнулся мужъ палкою, но

жена предупредила его и запустила ковшомъ въ птичку, но не попала въ нее, а угодила въ лобъ мужу, которъй тутъ же упалъ и умеръ. Перепелка же чрезъ отверстіе въ крѣшѣ вылетѣла къ Лисицѣ, и обѣ немало смѣялись надъ всѣмъ происшедшимъ.

— Ну, довольно смѣяться, — сказала наконецъ Лисица, — пойдемъ хотѣ поплачемъ.

Спустились онѣ съ крѣши и пошли далѣе. Дорогою Перепелка замѣтила двухъ спящихъ собакъ и полетѣла къ нимъ. Лисица же, не замѣтивъ, куда полетѣла ея спутница, стала искать ее по сторонамъ, и вдругъ увидѣла собакъ; съ испугу она бросилась бѣжать. Собаки же тѣмъ временемъ, замѣтивъ Перепелку, вскочили схватить ее, но птичка, какъ бы спасаясь отъ нихъ, полетѣла прямо на Лисицу и этимъ навела собакъ на послѣднюю. Собаки, увидя Лису, бросились за нею. Лиса спряталась отъ нихъ въ нору. Собаки, видя неудачу, возвратились обратно. Перепелка же положила у входа въ нору сухую тѣкву, которая, колебаясь отъ вѣтра и катаясь по землѣ, сильно громыхала. Лисица, пугаясь этихъ звуковъ, стала копать выходъ изъ норы въ другомъ мѣстѣ; сдѣлавъ его, она сильно утомилась. Найдя тѣкву, Лисица поняла, что та была причиною ея испуга.

— погоди же, — сказала Лиса тѣквѣ, — ты меня испугала; я пойду и утоплю тебя.

Привязала Лиса тѣкву къ хвосту и потащила въ рѣку. Придя къ берегу, она опустила хвостъ, а тѣкву въ воду; когда тѣква достаточно наполнилась водою, то потащила Лису въ воду.

— Что ты меня пугаешь? — сказала Лиса тѣквѣ, а въ послѣднюю все продолжала булькать вода.

Въ это время прилетаетъ Перепелка. Лиса, увидя ее, спросила:

— Другъ, ты куда же улетѣла?

— А я ныряла подъ водою, наполнивъ свои шальвары камнями, — отвѣчала Перепелка.

— Вотъ какъ, — сказала Лисица, — попробую и я. Наложила камней въ свои шальвары, повѣсила ихъ на шею и нырнула въ воду, но больше ужъ не появлялась изъ рѣки. Такъ Перепелка освободилась отъ Лисицы.

VII.

Ястребъ, Ворона и Лисица.

Б а с н я ¹⁾.

Жилъ - былъ одинъ Ястребъ ²⁾; вѣвелъ онъ дѣтей на вершинѣ дерева. Пришла къ нему Лисица и говоритъ:

— Брось мнѣ одного дѣтенѣша: я его съѣмъ. — Но Ястребъ не далъ Лисѣ своего птенца.

— Брось, — приставала Лисица, — иначе я повалю дерево.

Испугался Ястребъ, и бросилъ Лисицѣ одного изъ своихъ дѣтенѣшей; та подхватила его и съѣла.

Увидѣлъ это Воронъ и спрашиваетъ Ястреба:

— Для чего ты отдалъ Лисицѣ своего птенца?

— Я испугался словъ Лисы, такъ какъ она хотѣла обвить мое дерево хвостомъ, повалить его и съѣсть всѣхъ моихъ птенцовъ.

— Не отдавай больше Лисѣ птенцовъ: не можетъ она повалить дерева, — сказалъ Воронъ и улетѣлъ.

Приходитъ опять Лиса къ Ястребу и требуетъ другого птенца.

— Не дамъ я тебѣ больше своихъ дѣтей ѣсть, — отвѣтилъ Ястребъ.

— Кто это научилъ тебя быть умнымъ? — спросила Лиса.

— Самъ, — отвѣчалъ Ястребъ.

— Неправда, — приставала Лисица, — говори, кто тебя научилъ?

— Воронъ, — сознался Ястребъ.

Пошла Лиса прочь отъ дерева, легла въ чащу и высунула на дорогу языкъ. Замѣтилъ его Воронъ, и думая, что лежитъ что-нибудь съѣдобное, потянулъ за языкъ Лисы, чтобы его съѣсть, но Лисица схватила Ворона и сказала:

— Это ты научилъ Ястреба не давать мнѣ птенцовъ. По годи, теперѣ я тебя съѣмъ!

¹⁾ Записано со словъ того же Махмед-Джалиля.

²⁾ Въ подлинникѣ — «кальмургъ», родъ ястреба безъ хохла на головѣ.

— Не бѣшъ меня здѣсь, Лиса,—сталъ упрашивать ее Воронъ.
— Гдѣ же мнѣ тебя съѣсть?—спросила Лисица.
— На какомъ-нибудь высокомъ мѣстѣ,—сказалъ Воронъ.
Послушалась Лиса, принесла его на высокое мѣсто и говорить:

— Вотъ здѣсь я тебя съѣмъ!

— Прочти сначала молитву: я предъ смертью послушаю.

— Богъ великъ!—начала Лиса, раскрывши свой ротъ. Въ этотъ моментъ Воронъ и вылетѣлъ у нея изо рта.

Удивилась Лиса и, опомнившись, проворчала:

— Сначала надо было откусить голову у этого мерзавца, а потомъ ужъ и молитву читать.

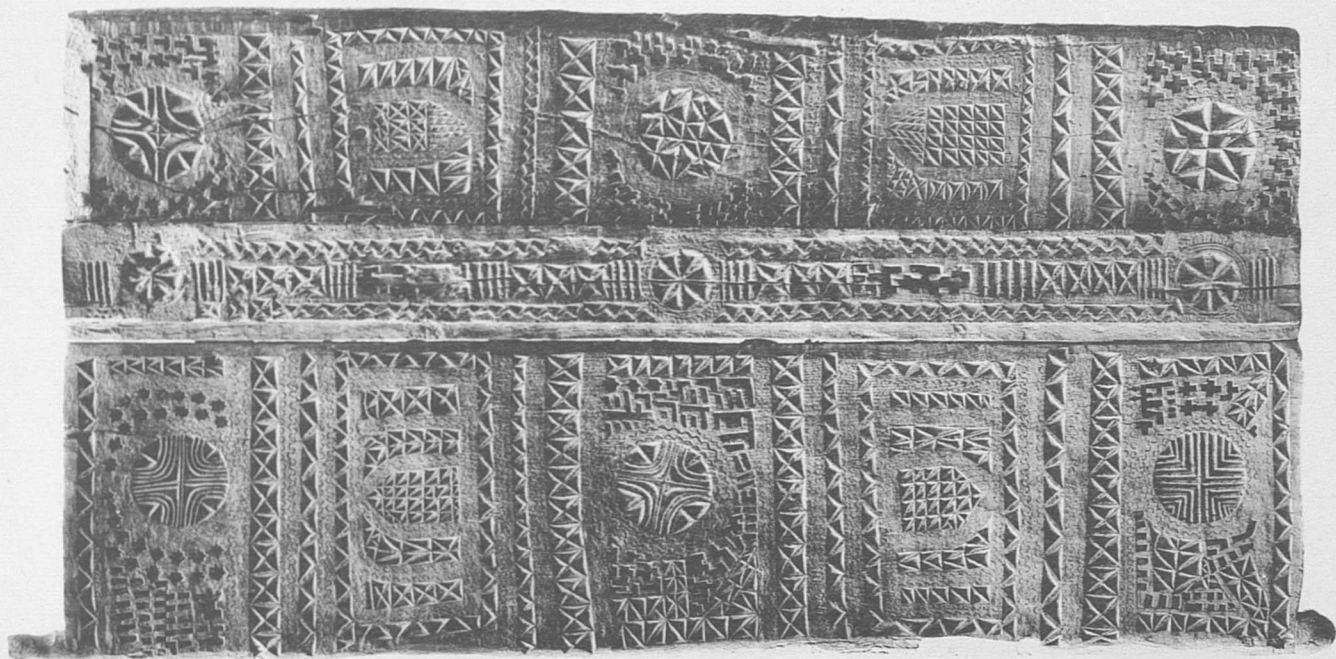
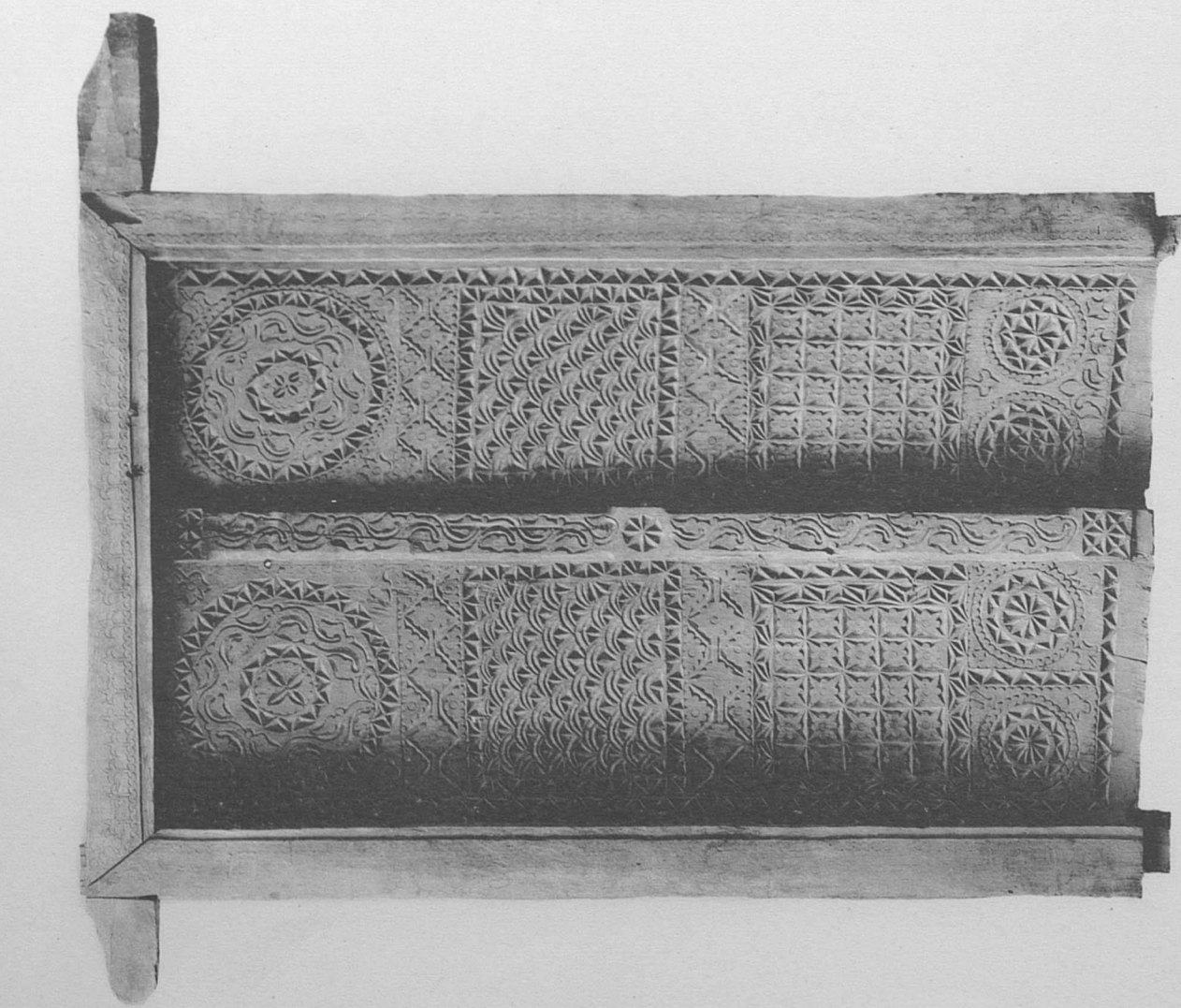

Базарный пѣвецъ и «осунагуй» (разсказчикъ сказокъ).

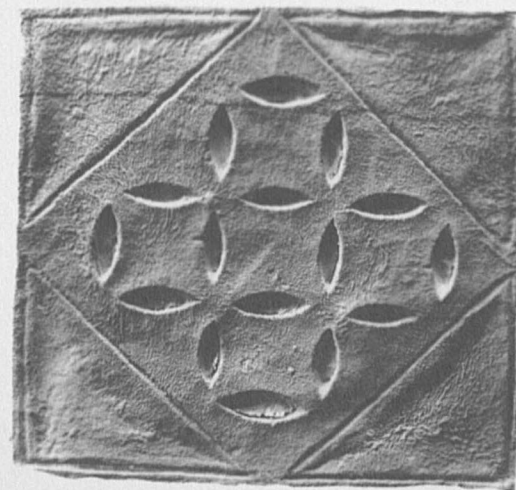
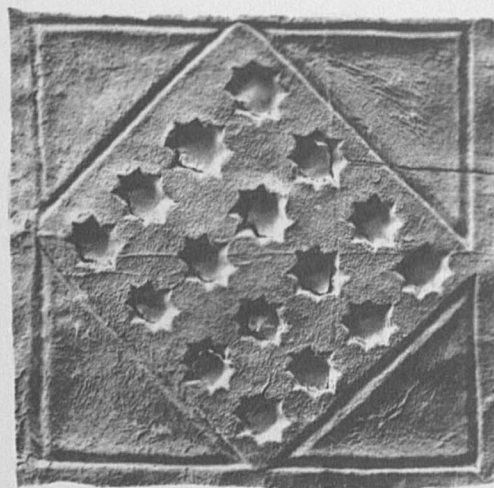
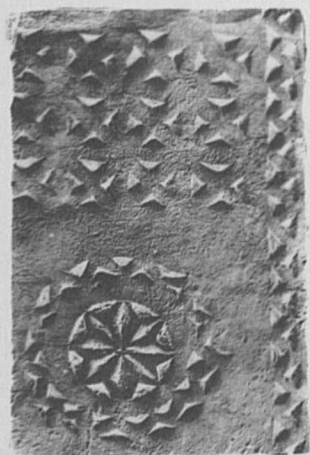
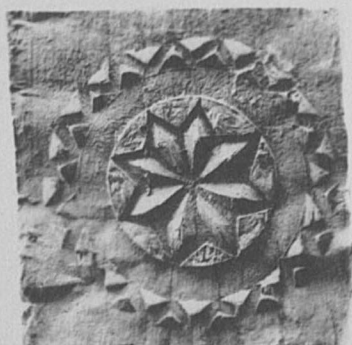
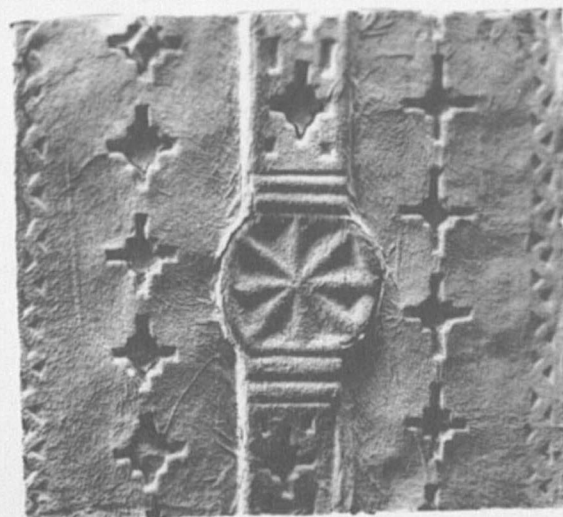
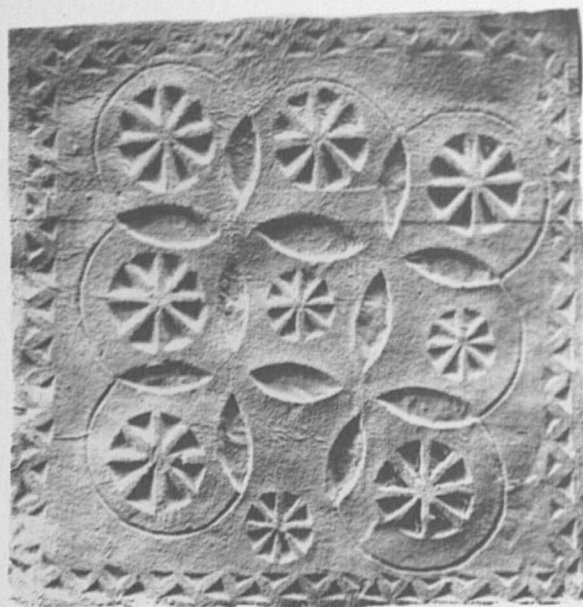
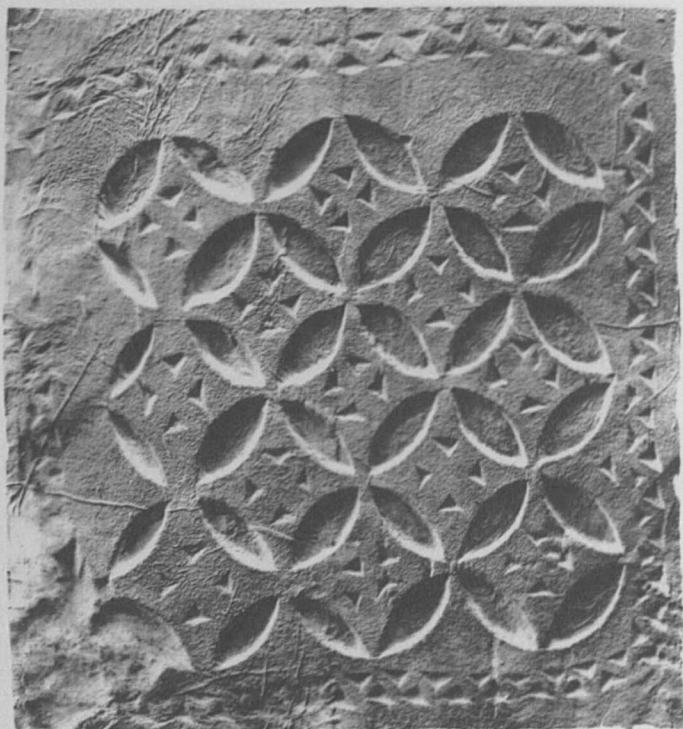
(Снято въ Патта-Хисарѣ, на Аму-Дарьѣ).

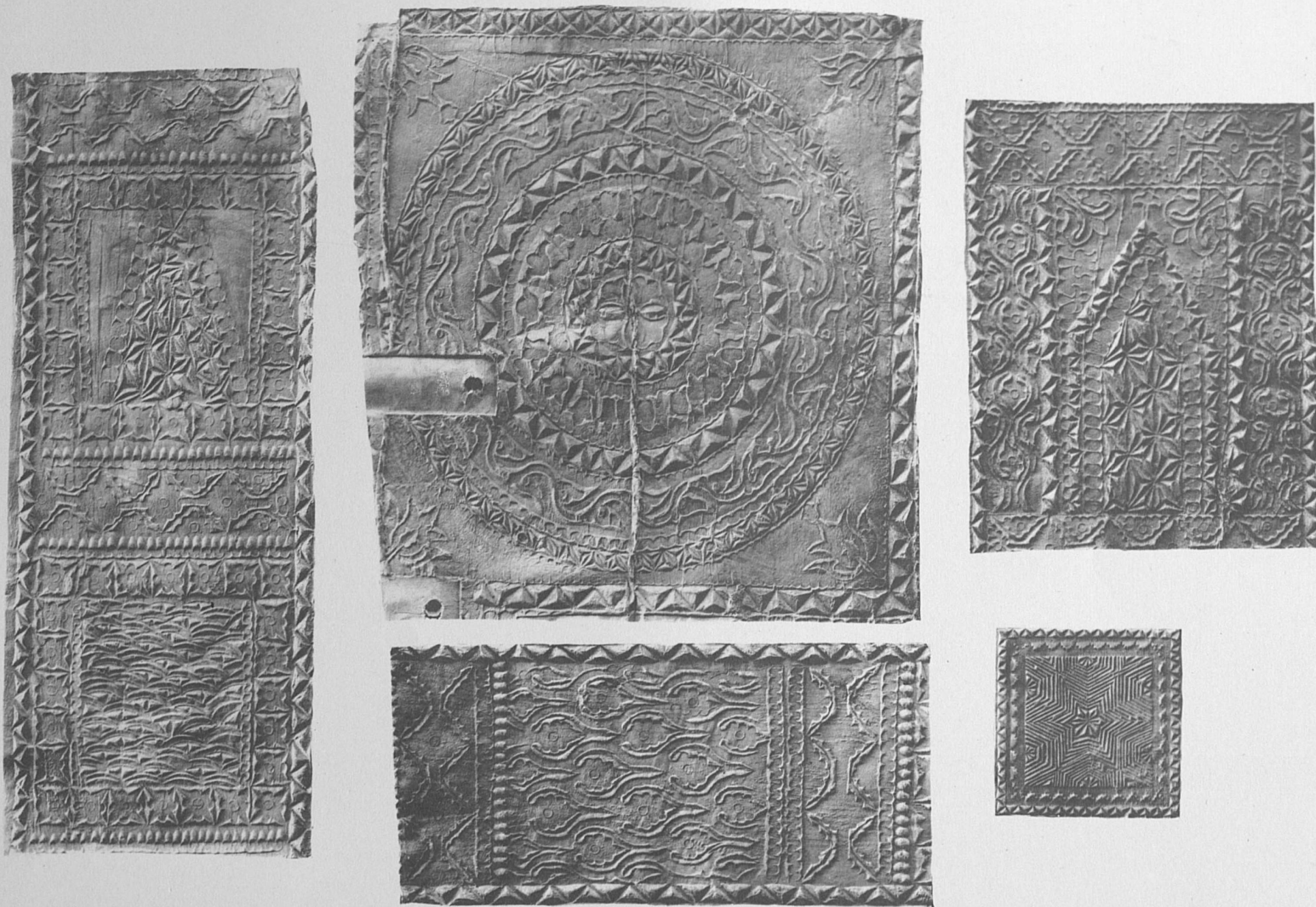
Дарвазъ. Жилая постройка въ кишлакѣ на Пянджѣ.

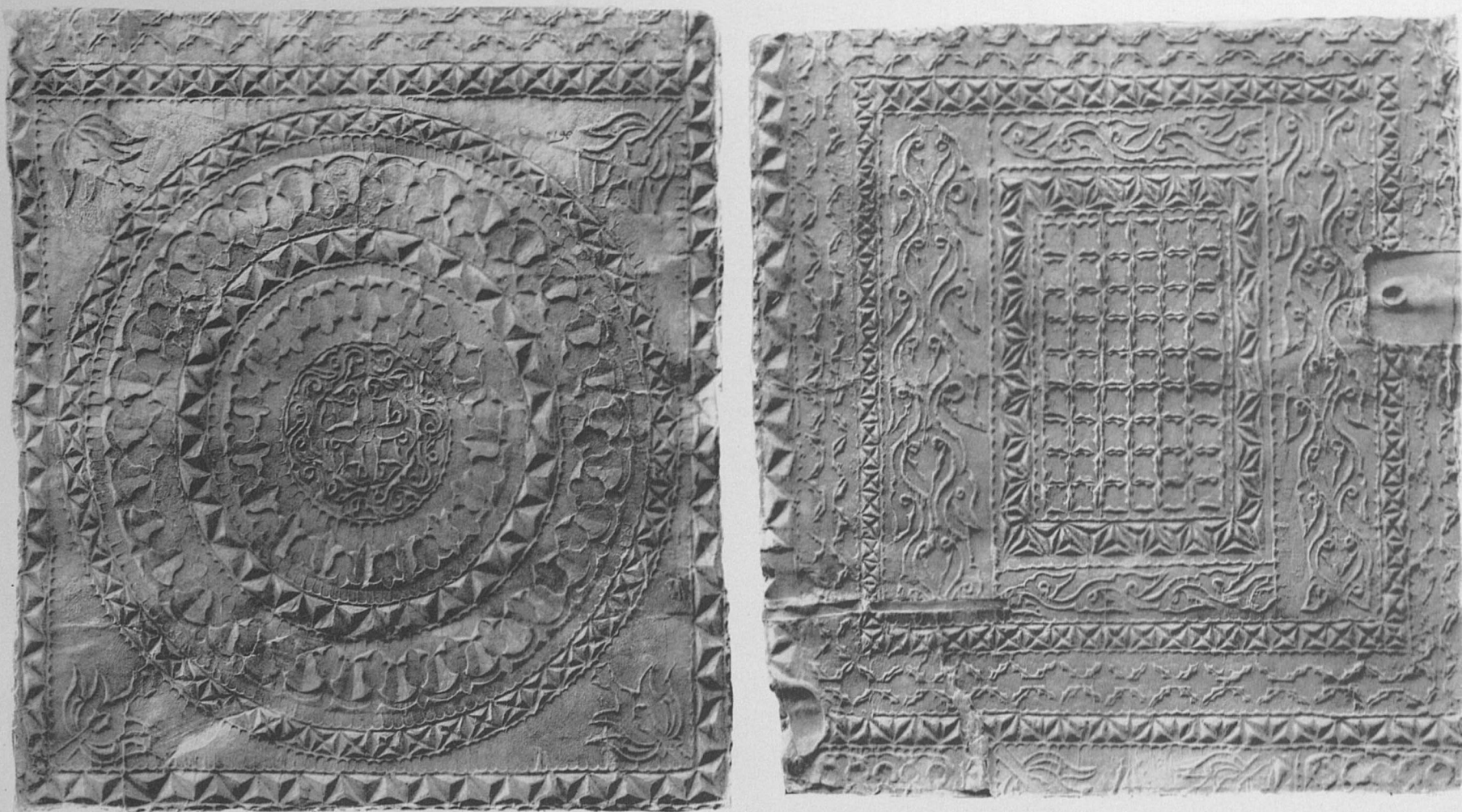
Образцы рѣзныхъ дверей въ богатыхъ домахъ.

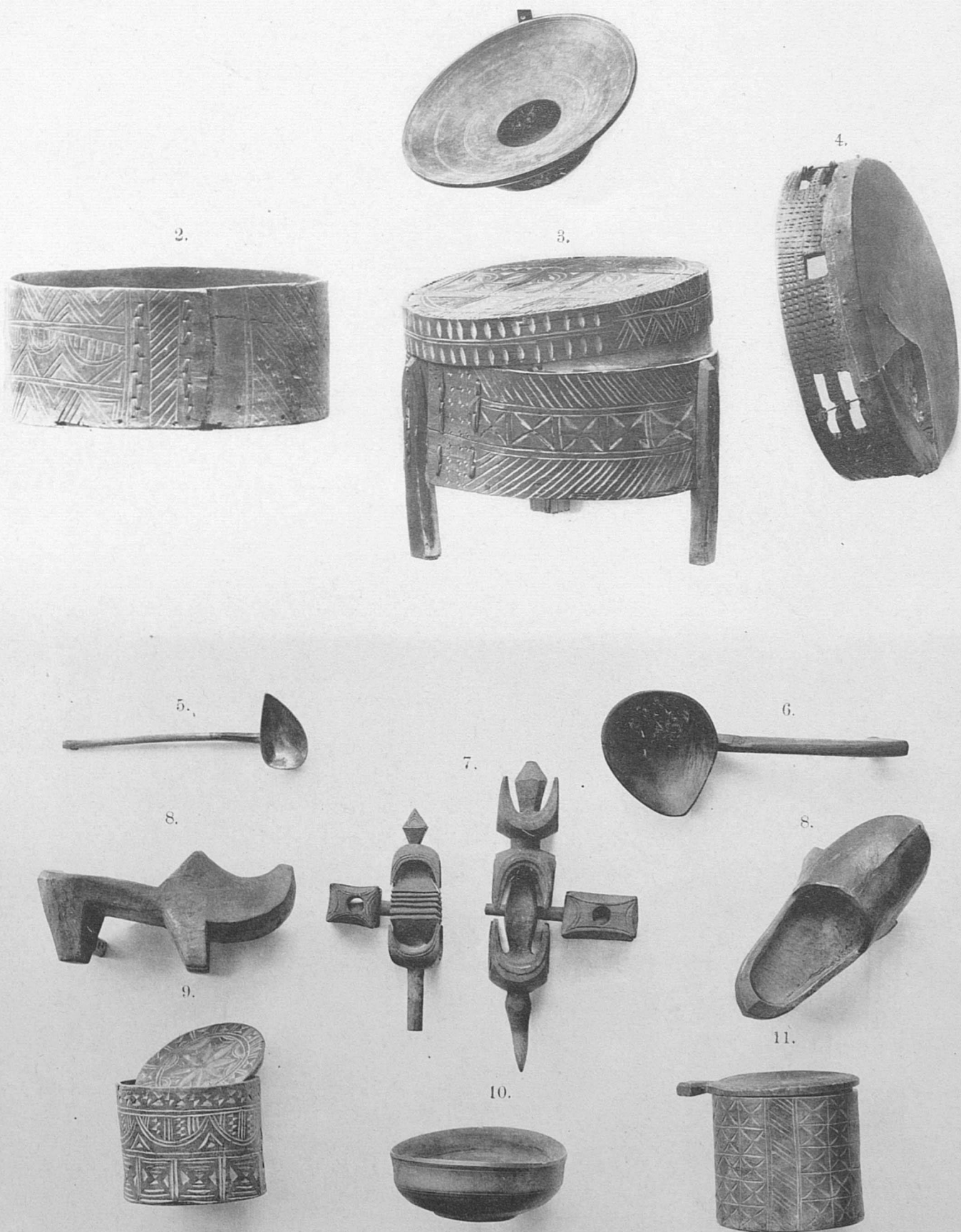
Образцы рѣзныхъ орнаментовъ на дверяхъ и воротахъ горныхъ „куртан’овъ“ и „михмон-хонá“.

Образцы рѣзныхъ орнаментовъ, встрѣчающіеся на дверяхъ и воротахъ горныхъ „курган’овъ“
и мѣстныхъ „михмон-хонъ“.

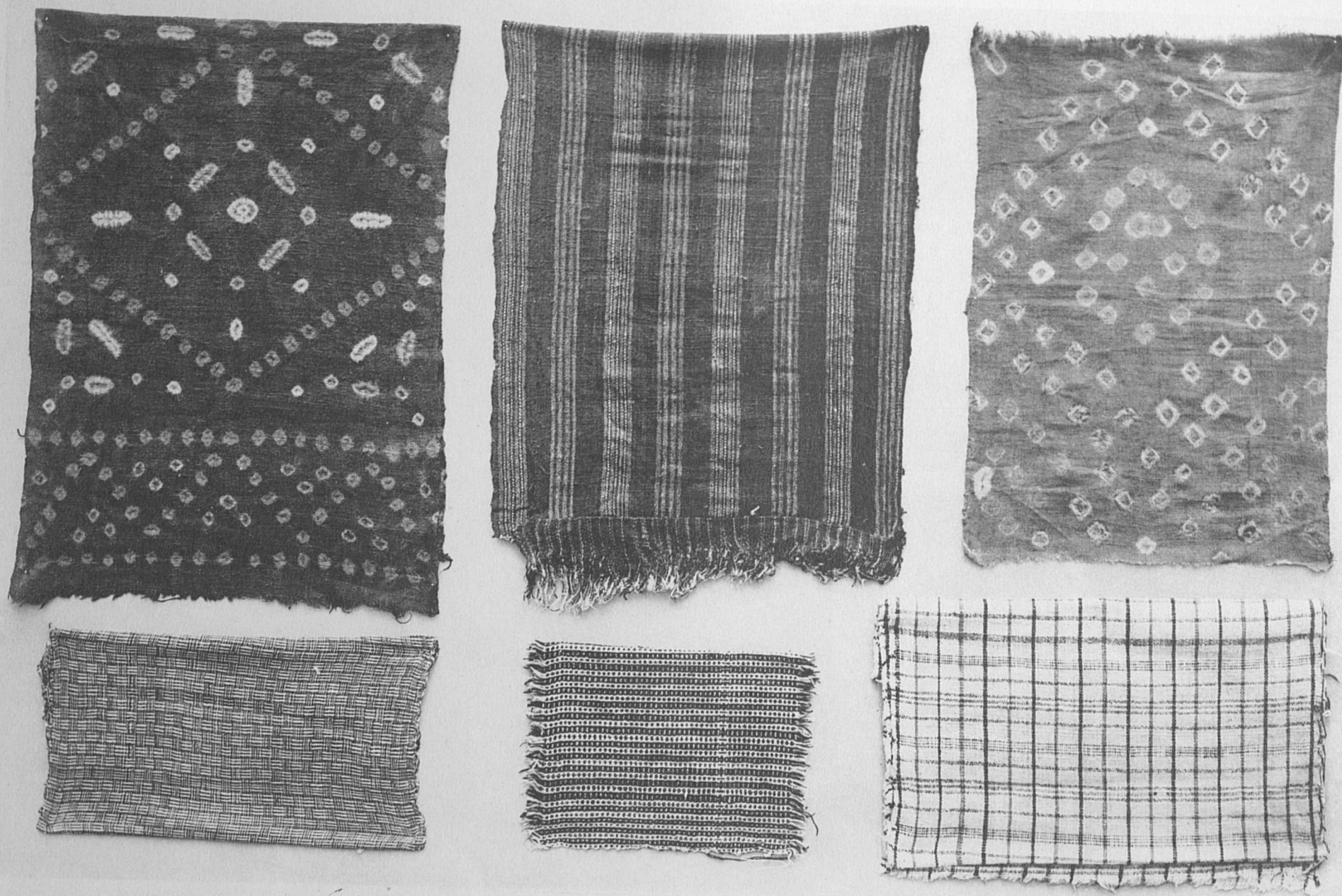

Образцы рѣзныхъ орнаментовъ, встрѣчающіеся на дверяхъ и воротахъ горныхъ „курган’овъ“.

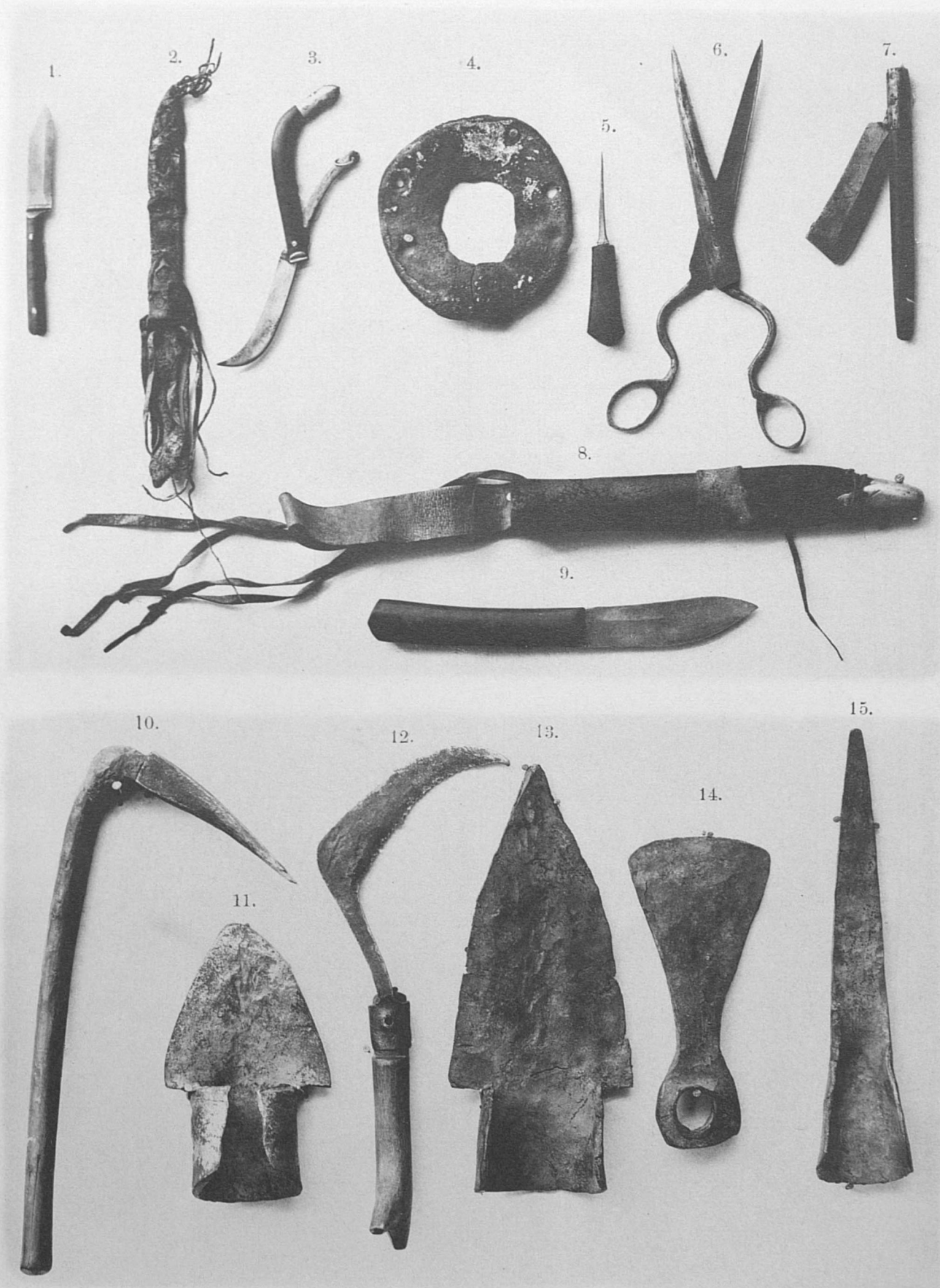

Деревянные изделия горных таджиковъ.

1. Деревянный тазъ для умыванія. 2. „Рости“. 3. „Табангъ“. 4. Бубень. 5. 6. Ложки для ѣды. 7. Подсвѣчники для втыканія „чирог'овъ“. 8. Деревянные туфли („кафшъ“). 9. 11. „Табанг'и“ другой формы. 10. Деревянная чашка („табакъ“) для кушанья.

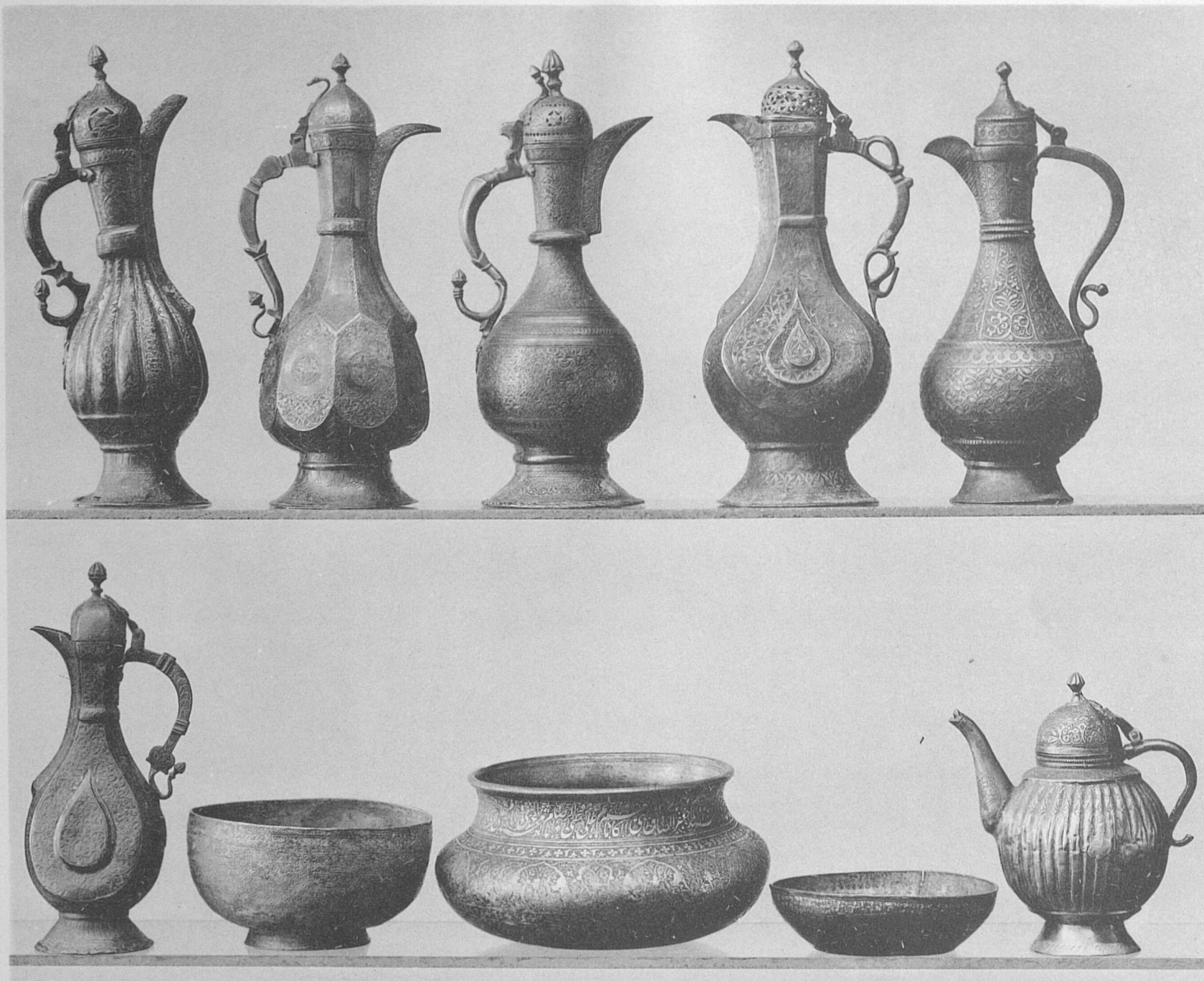

Образцы хлопчатобумажных тканей дарвазского производства.

Желѣзные издѣлія таджиковъ долины Ванджа.

1, 2, 3, 8 и 9—ножи съ ножнами для ношенія на поясѣ, 4—подкова, 5—шило, 6—ножницы, 7—бритва, 10 и 15—клевецъ для копанья земли, 11—сошникъ, 12—серпъ, 13—заступъ, 14—мотыга.

Образцы мѣдныхъ кунгановъ („оби-джуш“) для воды и для заварки чая въ употребленіи въ Дарвазѣ, кокандской, самаркандской, кашгарской и афганской работы; средняя чаша персидской работы; вокругъ ея шейки начертаны имена всѣхъ шиитскихъ имамовъ.

Изданія гр. А. А. Бобринскаго.

Н. Ю. Зографъ. Черепа изъ Макшеватскихъ пещеръ. In-folio, 33 стр., 7 фототип. табл. 1899 г.

А. Семеновъ. Матеріалы для изученія нарѣчія горныхъ таджиковъ Центральной Азіи. In-quarto, въ двухъ частяхъ: I ч.—56 стр., 9 фототипій. 1900 г. II ч.—74 стр., 4 фототипіи. 1901 г.

Гр. А. А. Бобринской. Орнаментъ горныхъ таджиковъ Дарваза (нагорная Бухара). In-folio, 18 стр., 5 цвѣтныхъ и 15 черныхъ фототипій, раб. фот. Павлова. 1900 г.

Его же. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. In-8, 18 стр., 1 цинкографія. 1902 г.

Складъ изданій:

Москва, Малая Никитская, № 20.

Изданіе гр. П. С. Шереметева и гр. А. А. Бобринскаго.

Гр. Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. In-quarto, 180 стр., многочисленныя фототипіи и цинкографіи, раб. фот. Павлова. 1902 г.

Складъ изданія:

Воздвиженка, домъ гр. Шереметева.